7 МАЯ 1970 г.
№ 17 (5293)
ЦЕНА 20 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГАЗЕТА ОСНОВАНА В 1830 г. ПРИ УЧАСТИИ А. С. ПУШКИНА. ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНО В 1929 г.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

НАКОНЕЦ!

Фото А. МОРОЗОВА

СОРОКОВЫЕ

Вспоминают и размышляют ветераны Великой Отечественной, фронтовики, ставшие писателями

Владимир КАРПОВ

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

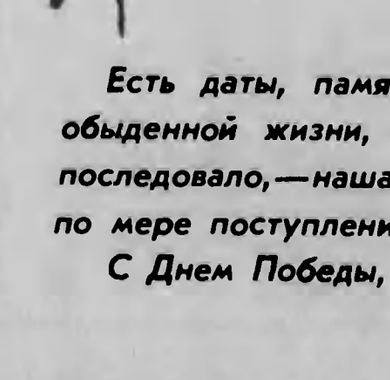
Евгений НОСОВ

ЭТО ПРАЗДНИК С СЕДИНОЮ НА ВИСКАХ

Григорий ПОЖЕНЯН

Мы на долгий век не уповали,
нам он не заказан никому.
Как деревья на лесоповале,
валятся друзья по одному.
За свои несломленные плечи,
непроизнесенные слова
гаснут раньше срока наши свечи,
жухнет раньше осени трава.
Не зачлись нам траурные даты,
не спасли Христос или Аллах.
И лежат, лежат, лежат солдаты
на реаниматорских столах.
Не рыдайте, женщины и внуки,
не казнитесь ночью, доктора.
Просто подгребла пора разлуки —
наша ветеранская пора.
Жаль, что нами сеянное жито,
в старую и в новую страду,
может быть, просеется сквозь сито,
дай-то Бог в двухтысячном году.
Жаль, что на[illegible] годы,
что не доведе[illegible]
как созрели я[illegible]
те, что так хотел[illegible]

Из песни на слова Ф. ХАРИТОНОВА



ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Фото М. КЛИМОВА

Есть даты, памятные не только сами по себе, даты, сквозь которые четче, чем в обыденной жизни, просматривается все, что им предшествовало, и все, что за ними последовало,—наша история. Именно такое чувство нарастало в сотрудниках редакции по мере поступления материалов, составивших этот номер.

С Днем Победы, с днем памяти павших, дорогие читатели!

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОТКРОВЕННО О ТРЕВОЖНОМ

Наше поколение хорошо помнит суровые, голодные военные годы. Потом разруха, инфляция. Потом медленное выползание из пропасти. Тогда казалось — самое трудное позади. Но то были иллюзии. Победа над врагом не привела к преодолению продовольственного и товарного кризиса. Система воспроизводила его снова и снова.

Сейчас народ взволнован. Слухи о предстоящем повышении цен раскачивают общественное сознание. С кем ни поговоришь — с писателем, ученым, с таксистом или домохозяйкой, — все толкуют об этом. Как будем жить? Неужели нет другого выхода?

Пустили в ход польское словечко — шоковая терапия. От шока или выздоровеет, или умрет. О ком или о чем речь? Об экономике? О народе? О власти?

В Польше такое потрясение, быть может, и возможно. Одна нация. Единство вокруг «Солидарности». Одна религия. Доверие к правительству. А у нас? Разве у нас те же условия? Да и по какому праву ставить новый эксперимент? У кого спрашивают согласия на шоковое лечение?

Вопросов много, ответов мало. Либо надо разъяснить все, доказать, что в итоге будет лучше (когда, кому?), либо надо еще раз взвесить варианты.

Говорят, альтернативы нет. Государственный долг достиг астрономических размеров. Разрыв между спросом и предложением катастрофичен. Производство продовольствия и промтоваров почти не растет. Считается: поднимем цены, будем больше платить производителям — колхозникам, работникам легкой промышленности, — все будет. Полки будут ломиться от товаров. Так ли?

Первый вопрос — о законности и моральном праве. Не народ виноват в нынешнем экономическом кризисе. Виновато государство, виноваты руководители, виноваты чиновники. Пускай не нынешние, больше прошлые. Это они, чиновники, так планировали экономику на протяжении всех послевоенных лет, что огромная доля национального продукта уходила на ракеты, атомные бомбы, танки, подводные лодки. Сейчас их даже продать некому. Это чиновники так планировали «А» и «Б», что более двух третей доставалось тяжелой промышленности. Это чиновники навязали и законсервировали такую систему в сельском хозяйстве и легкой промышленности, что стало невыгодно производить продукты питания. Это они транжирили золото, нефть, газ, тратя их на закупку зерна, которое можно производить дома — дайте только землю и волю крестьянам. Почему же должен расплачиваться народ?

Но кризис есть кризис, и выход нужно искать независимо от того, кто в нем виноват. Тем более что Сталина и Брежнева из гроба не поднимешь, а их ставленники уже ушли или уходят со сцены. Какова же альтернатива?

Я обсуждал этот вопрос с крупнейшими авторитетами в стране и за рубежом. С нобелевским лауреатом Джоном Гэлбрейтом, с Дэниелем Беллом в Америке, с автором «японского чуда» профессором Охита в Японии, с членами Совета по экономической реформе в Китае, с авторами глубоких экономических экспериментов в Югославии, Венгрии и других странах Восточной Европы. Все они, особенно Гэлбрейт, в один голос говорили: нельзя поднимать цены на хлеб, масло, сахар, соль, крупы, чай, другие товары первой необходимости. Нельзя трогать бедные слои. Другое дело — дома, машины, золотые изделия, шубы. Здесь повышение цен бьет по состоятельным.

Но такое повышение цен — еще не решение проблемы. Оно даст не так много. Как же быть? Есть различные возможные решения, уже опробованные на опыте многих стран в период кризисов.

Первое: замораживание личных сбережений. Это значит, что каждому взрослому гражданину предоставляется равное право истратить на покупку вещей сверх зарплаты в год еще какую-то сумму — скажем, тысячу рублей (надо подсчитать). Выдавать чековые книжки на эту сумму и товары продавать только по ней. Что касается денег «в кубышках», то достаточно сменить цвет крупных купюр, чтобы все миллионные накопления у держателей с черного рынка превратились в бумагу. По мере увеличения товарной массы из года в год сумма чековой книжки возрастает, а когда сравняются спрос и предложение, она — эта книжка — вообще отмирает.

Эта реформа была успешно применена в Голландии, в ФРГ и ряде других стран сразу после войны. И дала потрясающие результаты. Почему же не обсудить возможность ее использования в наших условиях? Тем более что в этом случае нет риска взрыва общественного недовольства. На элементарные продукты питания и промтовары хватит всем, и все слои будут поставлены в равные условия неизбежных ограничений.

Второе: поощрение вложения капитала в производство продовольствия и промтоваров. Надо установить высокий процент (12—15) на деньги, вкладываемые в акции предприятий легкой промышленности и сельского хозяйства (колхозы, кооперативы, семейные фермы). Финансирование надо производить через специальные банки. Этим же целям могут служить и минимальные налоговые ставки с того, что вкладывается в производство, в предпринимательство.

Третье — открыть дорогу для вложения иностранного капитала. Любым путем: совместные предприятия, концессии, кредиты, зоны свободной торговли. Опыт таких стран, как Бразилия, Аргентина, Южная Корея, Испания, показал, что слаборазвитая экономика не может преодолеть свое отставание без опоры на развитые страны.

Четвертое: перейти постепенно на мировые цены на внутреннем рынке. Но без мелких хитростей. Поднимая по мере роста зарплаты цены на высококачественные продовольствие и услуги, надо соответственно не только компенсировать это в доходах, но и резко снижать цены на промышленные товары.

И последнее. Надо изучить опыт Югославии и Польши по переходу на конвертируемую валюту. Они не богаче нас. Почему же у них это возможно, а у нас нет?

Говоря иначе, сейчас не следует искать простых решений, как это делалось в первые послевоенные годы. Надо еще и еще раз подумать, собрать лучшие головы — домашние и зарубежные, обсудить в Верховном Совете СССР, посоветоваться с народом. Ибо здесь нам нужна только победа.

ПУЛЬС

Ветераны

В КРЕМЛЕ

Надо отдать должное Президенту, нашедшему время в своем спрессованном до минут расписании для встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Эта мысль звучала в выступлениях гостей Кремля, пожалуй, чересчур настойчиво. Мне же не увиделось в случившемся ничего чрезвычайного: почему бы Президенту не встретиться с людьми, которым страна обязана Победой?

Правда, после краткого, но выразительного приветствия он надолго оказался в роли слушателя.

В тот день, 7 мая, в Кремле царили бывшие фронтовики. Говорили вне всякого регламента, о чем хотели и сколько хотели. Вероятно, кого-то из них вдохновили слова Президента: «У вас есть право отстаивать свои позиции и доводить свое мнение до каждого члена общества и до руководства страны».

Вряд ли М. С. Горбачеву когда-либо приходилось в такой концентрации выслушивать то, что накипело у ветеранов в это беспокойное для страны время. Обобщая, можно сказать, что их тревоги группируются вокруг нескольких основных позиций: социальная незащищенность миллионов пожилых, немало выстрадавших людей, не щадивших себя во имя победы над врагом. Но главным образом, как выяснилось, ветеранов беспокоят политическая и экономическая нестабильность, нападки на КПСС, возникновение новых партий, межнациональные конфликты, наскоки на армию. Об этом говорили Маршал Советского Союза В. Г. Куликов, кавалер трех орденов Славы Н. В. Попов, бывший партизан из Витебска С. М. Шабашов и другие. Высказывались предложения запретить деятельность общественных формирований, чья программа вступает в противоречие с Конституцией и разрушает монолит Союза. Досталось «Огоньку» и «ЛГ» за якобы неуважение к армии.

Народная артистка СССР Л. Г. Зыкина без каких-либо мотиваций попросту призвала Президента «закручивать гайки», ибо, по ее мнению, наше общество не готово из-за своей культурной отсталости воспринимать демократические перемены. Впрочем, в дни майских торжеств самой Л. Г. Зыкиной, как она выразилась, «хотелось выйти и кому-нибудь морду набить» (интересно, кому?). Людмила Георгиевна предложила держать народ «вот так» — она выразительно сжала кулак, — тогда будет порядок. И еще народная артистка порекомендовала уволить слишком распоясавшихся работников телевидения, не включающих в программу исполнение народных песен, и набрать других, послушных.

В общем, высказано было многое. В том числе трезвых и дальновидных мыслей. Полагаю, Президенту есть над чем подумать после этой встречи. И уже то замечательно, что в Кремле на свой главный праздник собралось столько истинно достойных людей.

В. ВНЕЛИС

Точки

НЕСОГЛАСИЯ

Съезд депутатов России откроется 16 мая. Два месяца шла подготовительная работа как в Президиуме Верховного Совета, так и в среде народных депутатов. Уже сегодня четко обозначились проблемы, вокруг которых будут острые споры на съезде. Мы взяли три из них и попросили депутатов РСФСР их прокомментировать.

1. Обязателен ли доклад Президиума Верховного Совета и Совета Министров о политическом и экономическом положении РСФСР?

2. На каком этапе проводить выборы Председателя и членов Верховного Совета РСФСР?

3. Нужно ли вносить изменения и дополнения в Конституцию РСФСР?

Татьяна Маенова, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР (делегирована Президиумом заниматься подготовкой к Съезду).

1. Понятно стремление всех депутатов ознакомиться с положением России. Но имеет ли смысл обсуждать положение дел без перспектив и планов на будущее? Значит, по логике, его надо объединять с программой деятельности правительства. И такой доклад предполагается в повестке дня, которая рекомендована Президиумом. Кроме того, депутаты будут располагать данными, подготовленными Совмином, Госпланом и Госкомстатом. Но и согласительная комиссия не пришла к единому мнению, где и когда слушать эти материалы.

2. Когда выбирать? Президиум считает, что в этом вопросе мы должны следовать положениям действующей Конституции, то есть вначале. Всех волнует будущее России, ее судьба в федерации союзных республик. Почти все проявляют стремление к радикальным переменам. Но сумеют ли депутаты в коротких выступлениях донести свое видение путей выхода России из того состояния, в котором она находится? У нас уже есть лидеры, которые себя проявили. Да и судить надо не по речам, а по делам.

3. Президиум предлагал создать конституционную комиссию, которая займется этими вопросами в комитетах и комиссиях. Но часть депутатов считает, что можно выходить за рамки Конституции на съезде уже сейчас. Мы много говорим об уважении к закону. Так давайте же начнем с уважения к Конституции. Хотя и действующие ныне Конституции СССР и РСФСР сдерживают многие позитивные процессы. Но надо ли это делать без учета мнения народа? Много возражений против представления Председателем Верховного Совета кандидатур на посты председателей Верховного суда, Совета Министров, но сегодня это соответствует действующей Конституции РСФСР. Что касается количественного состава Верховного Совета, — есть конституционные нормы, хотя съезд вправе обсуждать этот вопрос и предопределить решение. Но все это концептуальные разногласия.

Сергей Шахрай, кандидат юридических наук (избран членом Подготовительной комиссии Съезда и совещания представителей).

1. Доклад Президиума Верховного Совета РСФСР — отчет не только перед новыми депутатами, но и перед народами республики. Кроме того, это обеспечивает преемственность власти и ответственность исполнительных органов за принимаемые решения и их последствия. Депутатам важно знать, в каком состоянии они принимают республику. На основе доклада возможен поиск путей выхода из кризиса и осознанного решения всех других вопросов повестки дня.

2. Внести изменения в Конституцию просто необходимо для перераспределения единоличной власти Председателя в пользу самого Съезда и Верховного Совета, для уточнения принципов формирования палат и, что очень важно, для закрепления правила об обязательной (а не как правило) постоянной, профессиональной работе депутатов, избранных в Верховный Совет.

Если избрать всех должностных лиц республики сразу после сообщения мандатной комиссии, то следует признать, что нас рассматривают как коллегию выборщиков. Только после доклада, внесения изменений в Конституцию следует приступать к проведению выборов Верховного Совета, его Председателя и заместителей, если нам не все равно, кто возглавит Верховный Совет.

3. Число депутатов в обеих палатах следует увеличить, в противном случае неизбежно деление депутатов по сортам. Депутаты первого сорта вместе с аппаратом Президиума будут определять политику, а депутаты последнего сорта, не вошедшие ни в Верховный Совет, ни в его органы, останутся ходоками и просителями.

Если мы хотим реально разделить власть на законодательную, судебную и исполнительную, то надо на самом съезде избирать Председателя Совета Министров, Верховный суд и Комитет конституционного надзора РСФСР.

Записала Е. ДОМНЫШЕВА

ПО УХАБАМ

«ИЗБИРАТЕЛИ ПРОГОЛОСОВАЛИ НОГАМИ ПРОТИВ НИЗКОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ НАШЕЙ РАБОТЫ», — С НОТКОЙ ГРУСТИ ЗАМЕТИЛ В МИКРОФОН ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СЕРГЕЙ СТАНКЕВИЧ. ТОЛЬКО ЧТО ИЗБРАННЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОССОВЕТА ИМЕЛ В ВИДУ КРАЙНЮЮ ПАССИВНОСТЬ ГОРОЖАН, ПОПРОСТУ НЕ ЯВИВШИХСЯ 24 АПРЕЛЯ НА ПОВТОРНЫЕ ВЫБОРЫ В РЯДЕ ОКРУГОВ. (НЕ УДАЛОСЬ ЗАПОЛНИТЬ НИ ОДНОГО ИЗ 33 ВАКАНТНЫХ МЕСТ В МОССОВЕТЕ И БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ ВАКАНСИЙ В РАЙОННЫХ СОВЕТАХ.)

Результат: по-прежнему не сформирован окончательно депутатский корпус Моссовета, отсутствие кворума не позволяет приступить к работе многим районным Советам.

Многие москвичи надеялись, что решения обновленного столичного Совета, приток умных, энергичных, не связанных грузом прошлого депутатов вдохнут новую жизнь в угасающий на глазах мегаполис. Отвратительное состояние территорий (по слухам, новый председатель Моссовета Г. Попов разбил в эти дни на ухабе свой автомобиль), острый жилищный кризис, тупиковое положение в социальной сфере, преддверие экологического краха — увы, именно так выглядит Москва в канун своего 850-летия.

Первая половина сессии, прошедшая в изматывающих процедурных боренИях, наглядно продемонстрировала: пока что большинство депутатов — независимо от блоковой принадлежности — настроено на политическую борьбу, а не на решение городских проблем. Не случайно все чаще раздаются в зале призывы прекратить полную телетрансляцию заседаний или предварительно редактировать записанный материал. С одной стороны, среди москвичей нарастает разочарование, которое и привело к «бойкоту» повторных выборов, с другой, — слишком явным выглядит стремление некоторых депутатов увидеть себя вечером на телеэкране.

Целый ряд неотложных мер уже подготовлен специальной депутатской группой во главе с экономистом Е. Котовой. Но рассмотреть их можно будет только после предстоящего перерыва в работе сессии. Причина — бесконечные прения по вопросам, казалось бы, не заслуживающим внимания. Остается только радоваться, что я такой обстановке все-таки удалось разрешить две конфликтные ситуации: предотвратить угрожавшую городу забастовку работников дошкольных учреждений и передать многодетным семьям, воинам-«афганцам» новый жилой дом повышенной комфортности.

Опасность сложившейся ситуации, видимо, хорошо понимают Г. Попов и С. Станкевич, безуспешно пытающиеся утихомирить страсти и направить сессию в конструктивное русло. Явно встревожен и только что избранный председатель горисполкома Ю. Лужков. Но большая часть депутатов до сих пор находится в эйфории от одержанной на выборах личной победы. Дай бог, чтобы она не оказалась для них и для нас пирровой.

Б. ШЕСТАКОВ

ЖИЗНЬ МНОГОПАРТИЙНАЯ

Переход от утопии к реальности прошел на удивление просто. Вслед за провозглашенным КПСС отказом от принципа однопартийности и пересмотром статьи 6 Конституции новые политические образования появляются в нашей стране едва ли не каждую неделю. Проходят учредительные съезды, конференции, разрабатываются программы и концепции, обнародуются планы создания новых и новых партий. Бросаемся в другую крайность?

Не будем судить заранее.

°₀°

Этой партии пока нет. Есть только оргкомитет по ее созданию во главе с народным депутатом СССР Н. И. Травкиным. И название — Российская народная. Впрочем...

— Название, пока, до учредительной конференции, условное, — говорит Н. И. Травкин в ответ на вопрос корреспондента «ЛГ». — «Народная» в названии партии — для того, чтобы указать, что социальный ее спектр не ограничивается каким-то одним классом или слоем.

— Сегодня в стране создано или создается столько партий и программы их часто настолько похожи, что возникает порой впечатление, будто партий больше, чем идей. Вы нашли свое место?

— Наша партия — партия однозначно демократического толка. При этом она весьма отличается от партий коммунистического, социал-демократического направлений. Они ставят себе целью социальную справедливость, а методом достижения — прежде всего распределение. Этот путь уже пройден до конца нашей страной, и, когда ссылаются на опыт Швеции, я отвечаю, что и она на полпути к этому. Справедливое распределение приводит в тупик.

Поэтому цель нашей партии — создание общества равных возможностей. Каждому человеку и каждому предприятию. А социальная справедливость должна обеспечиваться на гарантированном уровне за счет налогов. Все, что выше этого гарантированного уровня, пусть зависит от успехов предпринимательства: достойный уровень жизни производителя обеспечит достойный уровень жизни социально не защищенных слоев.

— Рейганомика!

— Прямых параллелей тут проводить нельзя. Заболевание здоровой рыночной экономики — это одно. У нас же — тупик, даже не кризис. Абалкин в одном из интервью так и сказал: мы находимся в тупике. Надо быть просто логически последовательным: раз мы в тупике — надо развернуться.

— Мы возвращаемся к первому вопросу. Вам не кажется, что эту мысль многие как раз усвоили очень хорошо, бросившись по пути создания множества мелких партий и партиек? Но ведь сорок мосек не заменят одного слона. Залог демократии не многопартийность, а конструктивная оппозиционность. Стоит ли обращать внимание даже на десятки борющихся между собою карликовых образований?

— Именно из-за этого мы и создаемся. Видно, как поощряется регистрация мелких организаций, которые подчас не имеют даже социальной базы. Мы же создаем, условно говоря, партию возвращения к здравому смыслу, которая будет представлять собой совокупность движений, полнокровных фракций — например, крестьянской, кооперативной, предпринимательской. Коллективными членами к нам войдут такие уже устоявшиеся образования, как «Щит», «Апрель», — они уже дали свое согласие. При этом они не теряют ни своей политической, ни организационной автономии. Словом, к нам могут прийти — и мы рассчитываем на всех тех, кто согласен, что возрождение РСФСР должно произойти на основах здравого смысла, демократии, компетентности, предприимчивости, экономической и политической консолидации.

— А вам не кажется, что даже эта социальная база ограниченна?

— Одна из задач нашей партии — просветительская. Нельзя прийти к рынку без свободного предпринимательства. У нас же общество смотрит на предпринимателя как на врага. Необходимо разъяснять людям, что именно он сегодня — главная надежда общества, что благодаря ему мы сможем вылезти из нищеты и что интеграция в мировой рынок не означает распродажи России, так же как интеграция в него Японии не означала ее распродажи.

Мы понимаем, что многие острые моменты сегодня будут не поняты — они-де ратуют за частную собственность, приглашают капиталистов, даже концессии признают. Жизнь покажет. Причем при сегодняшнем ритме покажет очень быстро.

°₀°

Трехцветный российский флаг. Гвоздика в кулаке. «Социализм». «Капитализм». «Боковая ветвь мировой истории, по которой ошибочно пошла наша страна». Аплодисменты.

Может быть, издевательская, может быть, усталая усмешка истории: в здании районного комитета Коммунистической партии среди графиков «Состояние трудовой дисциплины на предприятиях района» проходит учредительный съезд партии социал-демократов... И звучат речи о крахе коммунистической идеи, о «бродящем по Европе призраке уходящего учения», чья «совесть отягощена кровью миллионов невинных жертв». И программы: «перейти от охлократии к демократии», «провести выборы учредительного собрания на многопартийной основе», «объявить свободу предпринимательства и торговли», «столицу РСФСР перенести в Петроград», «произвести денационализацию средних и мелких предприятий»...

Разные лозунги, разные лица на учредительном съезде социал-демократической партии Российской Федерации, только что прошедшем в Москве. Разные выступления. Но три пункта кажутся общими для всех 209 делегатов из 74 местных организаций: «несостоятельность марксизма-ленинизма», «демократия», «свобода и права личности».

Впрочем, программы большинства ныне образующихся партий совпадают по этим пунктам. Речь, следовательно, должна идти о тактике достижения этих целей. Лидеры социал-демократов достаточно определенны: путь последовательных радикальных реформ, эволюционных трансформаций общества должен быть обеспечен в основном через борьбу парламентской фракции партии и самой партии за власть — разумеется, только ненасильственными методами. Кажется, приготовлен и инструмент: в выступлении народного депутата СССР А. М. Оболенского упомянута межрегиональная депутатская группа, готовая, по его словам, играть роль прямой оппозиции в парламенте...

А. ПЕРЕСВЕТ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

смерти не ясны

Поздно вечером в воскресенье звонок с западной радиостанции: что я могу сказать по поводу загадочной смерти Петра Сиуды?

Как? Что произошло с человеком, которому мы обязаны тем, что сохранилась память о новочеркасской трагедии 1962 года?

Процитирую прошлогоднюю «ЛГ»:

«...нам рассказывает Петр Петрович Сиуда.

Мы сидим в его маленькой комнатке в Новочеркасске. На полу, на столе, на полках, в шкафах — кипы бумаг. Полгода назад он ушел с Новочеркасского электровозостроительного завода, чтобы целиком посвятить себя восстановлению истории новочеркасских событий, которую так старательно пытались вырвать из хроники нашего времени.

— Еще в пятидесятом году, когда я был в детском доме, мы с ребятами горячо спорили, кто сколько лет своей жизни отдаст за день жизни любимого Сталина. Я рос в детдоме и до четырнадцати лет не знал, что мать моя находится в лагере, а отец репрессирован...

В 1962 году П. П. Сиуде было всего 25 лет. Его арестовали 1 июня, за день до того, как солдаты вскинули автоматы».

Я помню, мы спросили его, думает ли он о собственной реабилитации. Он ответил (и эти его слова мы процитировали в газете): «Для меня важнее — реабилитация всех участников забастовки и восстановление исторической справедливости».

Именно богатые фактами, страстные письма Петра Сиуды послужили поводом для общественного разбирательства тех кровавых событий (и в командировку мы поехали после его письма). Тогда же он передал мне часть собранных им архивов, и я помню, как волновался, везя в Москву пачку документов и уже написанную нами в гостиничном номере статью.

В последнее время он становился все более и более известен как правозащитник. По словам собкора «Комсомольской правды» Юрия Беспалова, хорошо знавшего П. Сиуду, за несколько дней до смерти он обнаружил новые документы, которые — предупреждали его близкие — могут стоить ему жизни.

Петр Сиуда был найден без сознания недалеко от своего дома ранним утром. В больнице прожил еще семнадцать минут. Начальник УВД области сказал нашему корреспонденту В. Фомину, что медики считают смерть естественной — кровоизлияние в мозг. Но те, с кем мне удалось связаться за эти дни, убеждены, что произошло преступление. Он был найден с вывороченными карманами, в нескольких метрах от него обнаружен его паспорт; документы, которые были с ним, исчезли.

Не знаю, что произошло. Только убежден: необходимо тщательное расследование всех обстоятельств смерти П. Сиуды. Поэтому обращаюсь со страниц газеты к министру МВД В. В. Бакатину и главному судмедэксперту Минздрава РСФСР В. О. Плаксину с просьбой взять под личный контроль все обстоятельства этой загадочной истории.

И — помянем Петра Сиуду.

Юрий ЩЕКОЧИХИН,
народный депутат СССР

Ион ИЛИЕСКУ,
кандидат в Президенты Румынии

Интервью специально для «ЛГ» (стр. 15)

ВЕНГРИЯ, БУДАПЕШТ,
СОЮЗ ВЕНГЕРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
АРПАДУ ГЕНЦУ

Уважаемый господин Председатель Государственного собрания!

Наш дорогой коллега Арпад Генц!

Примите наши дружеские поздравления в связи с избранием Вас Председателем Государственного собрания и временным президентом Венгерской Республики. Мы надеемся, что большие перемены, происходящие в жизни Вашей страны, активизация роли писателей будут способствовать утверждению общегуманистических ценностей, развитию венгерской культуры и общеевропейского духовного сотрудничества.

Желаем Вам больших успехов на Вашем новом поприще.

Позвольте выразить надежду также и на дальнейшее углубление творческих связей советских и венгерских писателей.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗВИНЕНИЯ ТИПОГРАФИИ

Типография издательско-производственного объединения «Литературная газета» приносит извинения читателям за дефект в некоторой части московского тиража «ЛГ», № 18 — отсутствие последних строк в интервью на 2-й стр. Виновные наказаны.

Бойкот

ПОНЕВОЛЕ

С января прошлого года существует издательско-производственное объединение «Литературная газета», включающее в себя как редакцию газеты, так и издательство и типографию, а также другие подразделения. Однако после образования партийных избирательных округов выяснилось, что коммунисты издательства и редакции находятся в разных «епархиях». Все неоднократные призывы к районной избирательной комиссии и ее председателю, работнику Дзержинского райкома КПСС А. Е. Брюзгину пересмотреть сложившееся положение успеха не имели.

По словам А. Е. Брюзгина, против этого возражали другие парторганизации округа, в котором оказалась редакция.

В результате коммунисты издательства решили не принимать участия «в выборах по предложенным окружной избирательной комиссией кандидатам».

ТРЕТИЙ

путь?

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД НОВЫЙ ЛАТВИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ПРИНЯЛ ДЕКЛАРАЦИЮ «О ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ».

Мы знаем литовский путь восстановления независимости, эстонский. Какой избрала Латвия? Судя по декларации — свой собственный. В отличие от южных соседей, в Латвии не считают, что в одночасье, односторонне можно разрубить тугой узел проблем, связывающий республику с Союзом. Нужен переходный период. Согласование интересов с СССР. В отличие от северных — в переходный период Латвия будет жить по нормам Конституции ЛССР и Конституции СССР. Правда, с оговоркой — если они не противоречат стремлению республики к восстановлению независимости.

Такова теория. Но все понимают, что практическое восстановление независимости лежит через путь переговоров с Москвой. Поэтому и завершается декларация требованием создать правительственную комиссию с соответствующими полномочиями. Тем более что первые шаги к диалогу с союзным правительством сделал еще прежний парламент.

Какова реакция на декларацию у населения? У тех, кто голосовал за 2/3 депутатов, ее принявших (в том числе 30 процентов нелатышей), — одобрительная. На многотысячном митинге, состоявшемся сразу же после принятия декларации, было ликование, и слезы радости. Но почти в то же время прошел и другой митинг, организованный Объединенным Советом трудовых коллективов. Там звучали требования сохранить Латвию в составе Федерации, не допустить ее выхода из Союза. Депутаты фракции «Равноправие» бойкотировали принятие декларации, считая, что вопрос о государственности Латвии должен решаться на всенародном референдуме.

Можно ли согласовать интересы жителей Латвии? Выступая по республиканскому телевидению, один из членов «бастующей» фракции народный депутат СССР А. Рубикс призвал депутатов приостановить действие декларации, провести референдум, а если он совпадет с решением парламента, осуществлять восстановление независимости на основе союзного Закона о выходе.

А пока... из магазинов исчезают мука, соль, макароны... Президиум ОСТК пригрозил с 15 мая объявить политическую забастовку.

Т. ФАСТ,
соб. корр. «ЛГ» по Латвии

Еще раз

О СТРОПТИВОМ

майоре

КАЖЕТСЯ, МАЛО КТО ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПАРТИИ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА СССР В. ЛОПАТИНА ВЫЗОВЕТ СТОЛЬ БУРНУЮ РЕАКЦИЮ.

В Вологде свой протест против решения политорганов выразили избиратели. Вопрос рассматривал горком КПСС. Но самое, наверное, неприятное для политиканов от армии — что решение по Лопатину вовсе не вызвало единодушного восторга в самих Вооруженных Силах. На Черноморском флоте несколько организаций даже потребовали расследования всей истории, выразив недоверие решению «родной» для Лопатина первички. Некоторые парторганизации Московского военного округа предложили майору вновь вступить в КПСС у них. Аналогичное предложение пришло из Астраханской области. Что же дальше?

В гарнизоне уже побывала комиссия, которая провела расследование случившегося. Послана она была по поручению ГлавПУРа, которому в свою очередь это поручил КПК при ЦК КПСС.

Мы, пожалуй, могли бы этому расследованию помочь. Первые требования к первичной парторганизации при гарнизонном Доме офицеров «рассмотреть поступок коммуниста Лопатина В. И. и дать ему оценку» прозвучали еще в марте от генерал-полковника В. В. Коробушина. Странно, что за дисциплинарное нарушение требовали не дисциплинарного, а партийного разбора.

Это покажется менее странным, если знать, что давление на депутата оказывалось и по административной линии. В Москве В. Лопатин «имел беседу» с адмиралом В. И. Паниным, другими высокопоставленными политработниками, в том числе с генералами Б. И. Грековым, М. В. Прокудиным.

— В конфиденциальной обстановке, — рассказывает строптивый майор, — меня обвинили (запись на диктофон вести мне запретили, поэтому цитирую по моему блокноту) в «работе против линии партии», в том, что «трудно (!) справляюсь с обязанностями политработника и коммуниста», «редко бываю в Университете марксизма-ленинизма». Хотя всем участникам разговора было прекрасно известно, что я не только выполняю обязанности депутата, но и руководжу комиссией подкомитета Верховного Совета СССР по военной реформе.

А теперь обратите внимание на самое примечательное: комиссия в часть направлена тем же органом, в котором уже «занимались» Лопатиным. Отгадайте, каковы будут результаты?

Но для меня во всей этой истории есть одно светлое и святое обстоятельство, достойное быть упомянутым 9 мая: то, что организация Дома офицеров, к которой первоначально был приписан В. Лопатин, отвергла обвинения в его адрес. И была распущена, но не сломлена.

А. АЛЕКСАНДРОВ

ПРЕМИЯ И ДИПЛОМ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ

В связи с Днем печати снова отмечены премиями и почетными дипломами лучшие работы советских журналистов. Заместителю ответственного секретаря «Литературной газеты» Алексею Черниченко присуждена одна из премий Союза журналистов СССР «за лучшую журналистскую работу 1989 года» — за очерк «Кнут и пряник», опубликованный в журнале «Дружба народов». Бюро секции репортеров Московского отделения Союза журналистов СССР среди других присудило почетный диплом корреспонденту «ЛГ» Вячеславу Баскову — «за последовательность, принципиальность и глубину репортерского исследования в раскрытии социально-бытовых тем».

ВЕЧНОЕ И СУЕТНОЕ

Виктор РОЗОВ: ТАК ЗРЯ ЛИ ПРОЖИТА ЖИЗНЬ?

РАЗГОВОР СО СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Вероника. Я сейчас все время спрашиваю себя: зачем я живу? Зачем живем мы все, кому он и другие отдали свои недожитые жизни? И как мы будем жить?

(«Вечно живые»)

— Эти вопросы звучат в вашей пьесе 1943 года. Сегодня люди спрашивают себя: так зря ли прожита жизнь? И, признаться, многое вокруг сегодня так и подталкивает, так и подшептывает: зря, зря, зря... Соглашаться с этим? Звучат, правда, и другие ответы: не зря. Вот Нина Андреева защищает дорогие ей принципы; вот крупный руководитель — Е. Лигачев, например,— говорит о том, что жизнь была не такой уж плохой, а даже, напротив, были достижения, успехи. Соглашаться вы с ними?

— Да, им это говорить не надо. Потому что страну загнала в тупик их идеология, их радости. Они навязывали формулу: «бытие определяет сознание», а для меня эта формула всегда была неприятной, неверной, потому что по ней, вечно полуголодный, я не должен быть счастлив.

— Виктор Сергеевич, читатели знают, что вы считаете себя счастливым человеком. В автобиографической книге «Путешествие в разные стороны» у вас даже глава есть: «Я счастливый человек». Боже упаси нас от каких-нибудь параллелей, но разобраться в таких открытых самооценках, наверное, все-таки надо.

— Да. Я написал это и говорю так. Хотя чего только не пережито! Войны, голод, разрухи, вечные недостачи, гнетущий страх — казалось бы я должен считать свою жизнь несостоявшейся. А я пишу, что я счастливый человек. Я говорю о своем личном микромире. Каждый строит свой микромир сам, и тут многое зависит от него самого, а не только от обстоятельств. Зависит — как человек себя в этой жизни ощущает, чего он от жизни хочет, чего ищет. Мы очень часто видим жизнь не с первородной ясностью, а затуманенным суетой и соображениями взором и не замечаем вечных, всегдашних и всеобщих гармонии и красоты мира.

— Но можно ли, строя свой микромир, отстраниться от всего, что происходит вокруг, рядом же беды общие — аресты, лагеря, от голода гибли, — как в эти обстоятельствах ощущать себя счастливым человеком?

— Для меня политика — это всегда было где то далеко.

В детстве мы «паслись» во дворе моих друзей, родители их — образованные, добрые, сердечные люди. Среда была интересная, одухотворенная. А политика? Мы знали: Ленин, Троцкий, по Волге ходили два парохода — «Лев Давыдович» и «Лев Троцкий». Потом узнали Рыкова, но главным образом он заметен был тем, что разрешил опять водку, правда, тридцати градусную, а не сорокаградусную. Буденный, Ворошилов. Да, имена знали. А что они там делали, что делало правительство — это какой-то другой мир, ну, как другая галактика. А мы в это время играли, смеялись, влюблялись, купались в Волге, ныряли, ходили в походы, ловили рыбу. Вот это нужно очень отличать: другая галактика.

Одно время в Москве я жил на квартире режиссера А. Д. Попова. Однажды он вошел потрясенный и сказал: убили Кирова. А меня это не потрясло, я понял, что убили кого-то, но я не знал, кто Киров. Когда я об этом написал в книге, мой товарищ драматург Александр Петрович Штейн сказал: ну, Виктор, бросьте притворяться, как вы могли не знать, кто такой Киров? Не знал. Ну зачем мне знать, кто руководит ленинградской партийной организацией, когда я вообще беспартийный всю жизнь, и мне это неинтересно? Для меня тот мир — это другая галактика. Я чем жил? В Костроме читал много прекрасных книг, я от этого приходил в восторг; а потом, постарше — читаю Достоевского, и этот гений поднимает меня в высоту, я с ним на небесах — как я могу быть несчастливым? Я влюбляюсь в девушку — как могу быть несчастливым? Иду на рыбалку, я вытаскиваю большую рыбу — как я могу быть несчастливым? Да сколько радостей-то в жизни, да как же! Потом я увлекся театром, страстно, потом приехал в Москву учиться — вообще мой! — открылась для меня Москва... Есть разные галактики. Вот это надо понять и отделить.

— Виктор Сергеевич, а война? Разве она могла быть «другой галактикой»? Вы же сами — участник войны, получили тяжелое ранение. Как тут — со счастьем?

— Война — это экстремальные обстоятельства, а в них человек действует по-иному, особо, нежели в обычной жизни. Да, война — это ужасно, и ранение — не сахар, но сколько я вынес интересных впечатлений, война обогатила мой (не только мой, а многих) внутренний мир. Война тоже была как бы моей личной галактикой. А политика — никогда.

Я в сейчас не хочу уж слишком глубоко вникать в мир политический. По телевизору так надоели эти выступления, — ну нельзя же столько, такое ощущение, что люди друг друга не слушают и не понимают.

— Так вы считаете, что во время сессий съездов у телевизора мы больше теряем, чем находим?

— Конечно. Лучше б книжки хорошие читали.

— То есть вы за иные ценности?

Да. Есть настоящие радости.

Настоящие радости — это радости бытия. Не социального, не политического. Хотя они и играют в нашей жизни свою роль.

Не думайте, что какой-нибудь американец или швед счастливей вас. У них свои страдания, свои заботы, свои беды. Даже миллионеры бывают несчастны. Онассис, самый богатый человек, подарил сыну самолет в день рождения, а сын на этом самолете разбился, — и что все богатство?! Вот это высшие ценности — ребенок, дети... Как мне понравился ответ Елены Николаевны Гоголевой, актрисы Малого театра, которой 90 лет! Ее спросили: Елена Николаевна, когда вы были наиболее счастливы? И она: я была счастлива, когда меня приняли в Малый театр, и была безмерно счастлива, когда сын вернулся с войны живой. Он летчик, был сбит, попал в плен, пережил ужас и вернулся живым — это такое счастье... Во-от они — настоящие то радости! А то бы она ответила — по шкале «принципиальных» счастливцев: когда меня наградили орденом... Ерунда!

Надо перестать политизировать жизнь. Перестать показывать по телевизору эти дебаты, потому что людей втягивают в то, чего люди понять не могут. И не надо им этого понимать. Если хочешь, читай, — выходят газеты, стенограммы публикуются. А втягивать всех, да еще один говорит одно, довольно убедительно, другой — другое, тоже очень убедительно, человек пытается разбираться, тратит мозговую энергию, клетки, а ведь это не его дело. Его дело другое.

Этот навал политизации я считаю вредным для общества.

— Но нам же не интересоваться, что решат на сессии, ведь это касается нас, дорогого нас. Да и за свободу повоевать тоже хочется.

— Нет, не надо воевать за свободу. Вот за свободу воюют сейчас армяне, азербайджанцы, литовцы, собираются воевать украинцы, грузины... Вот этого, по-моему, не надо. Потому что сначала нужно государство поставить на ноги. Мне нравится многонациональное государство, мне нравится луг с цветами разными, не одноцветье, а с разными цветами. Многоцветье. Но и за то, чтобы они жили так же хорошо, как, условно говоря, хорошо живут все штаты Америки. И живут вместе, хотя в каждом штате свое правительство.

Я отношусь к поведению литовцев резко отрицательно. Но, конечно, не к простым людям, которые вовлечены в эту авантюру, а к руководству. Я говорю о литовских делах не с политической точки зрения, а только с нравственной. Это пусть историки копают договора вплоть до самого первого, когда Литва вошла в состав Российской империи. А сейчас, в такое трудное для страны время, когда предпринята попытка свернуть на естественный путь развития, они делают то, что не надо делать. Подожди. Подожди и помоги стране. В стране еще так все нестабильно, еще живы угроза опять закрытого общества, угроза конфронтации, и в это время... Нехорошо. И я повторяю, что не литовский народ виноват, а виноваты руководители. Национализм возбудить очень легко — русский национализм, узбекский, армянский — любой, легко сыграть на этих не очень благородных чувствах.

— Виктор Сергеевич, а как вы относитесь к тезису всеобщего покаяния?

— Нет, нет, этого я не признаю. Ну кому хочется, пусть кается. Но в чем мне каяться? В том, что меня били по голове? Могут ли рабы каяться в том, что они жили в рабовладельческом обществе?

— Но патриции!

— Патриции пусть и каются. А толку что?

Конечно, те, кто виноват прямо, должны были понести наказание. В каком виде, не берусь сказать. Но этого не сделано. И у меня язык не поворачивается призывать искать всех кого надо наказать. Много времени прошло с тех пор. Хотя живы еще люди, у которых руки по локоть в крови. Живы и не наказаны. И пенсии получают. Но они должны помалкивать в тряпочку: дышишь, ну и дыши. У меня наблюдений на этот счет довольно много. Но вот этого всеобщего покаяния — нет, этого я не принимаю и не хочу, чтобы каялись. Патриции — да, но рабы?! А патриция все умерли: Сталин, Брежнев, Суслов, Черненко — кому каяться-то? А тех, что остались еще живы, — не хочу я их покаяний их слышать, их видеть... Все общее покаяние. Пустая фраза. Опять какие-то идеи, вместо одних пустых идей — другие.

Единственно важно — это не допустить возврата к прошлому. Почему Нина Андреева так возмутила многих людей? Она призывает к проклятому прошлому. И она тем увереннее делает это, чем больше раздается вокруг стонов: ой, как плохо сейчас, никогда так плохо не было! Что за ерунда! Пальцев на руках не хватает, чтобы посчитать, когда было действительно ужасно. Ну как же можно сравнивать? Это какая-то иллюзия, что раньше, при Брежневе или при Сталине, было лучше, и в магазинах больше было товаров. Меня удивляет эта аберрация. Я посчитал — я насчитал лишь несколько лет, когда было все или многое на полках. К сожалению, люди забыли, а я помню голод гражданской войны, я помню голод страшный в тридцатые годы. Не хочу говорить, что сейчас хорошо, но против утверждения, что раньше было лучше,

— И все-таки, Виктор Сергеевич, как бы вы ни отстранялись от политики, вы сами же в ней участвовали. Ваши пьесы, наверное, лежали, их не пускали — политика. Их запрещали — политика. И вы же боролись. С чиновниками, с запретителями, с теми, кто занимался идеологией и политикой.

Не боролся. Первая моя пьеса пролежала 13 лет. Ее запрещали. Но я не принадлежу к тем, кто борется. У меня была уверенность, что они пойдут.

«Кабанчика» запрещали по «просьбе» ЦК. Но на секретариате писательском очень уважительно каждый обо мне говорил, вы знаете, как мы вас любим, но эта пьеса ваша ужасна. Сильно ругали, но очень уважительно. Я переживал, конечно, но пьеса потом пошла. И «Гнездо глухаря» мытарили, мытарили, готовую постановку уже запрещали — ой!

— У вас есть обида на этих людей, которые мытарили, ругали, хоть и уважительно?

— Нет, у меня нет обиды на них, у меня есть к некоторым чувство унылой горечи. Хотя, пожалуй, к одному человеку — презрение: он был на большой должности в ЦК, заведовал всей культурой и пропагандой...

— Кто же это?

— Не хочу называть. Сначала то у нас были приличные отношения, он казался неплохим человеком, но потом... Мне говорили, что даже его служащие боялись входить к нему — кричал, топал ногами. Последний раз я был у него не по своим делам, а по поводу «Метрополя», тогда, помните, как все разыгралось — я даже испугался и пошел к нему. Говорю: надо что-то делать, ведь смотрите, требуют поступить с авторами «Метрополя», как с власовцами: одних расстреливать, а других ссылать, нельзя же так! Говорят, Форрестол, министр обороны США, выбросился в окно в истерическом припадке. Вот мне показалось что и мой собеседник выпрыгнет в окно прямо из здания ЦК — в таком он был истерическом состоянии.

— А говорите, что не боролись...

— Ну, не очень сильно, в пределах. Я понял (и, кажется, писал об этом), что в процессе борьбы можно и самому деформироваться и даже остервенеть. Я не требую от человека больше, чем он может, да и нельзя требовать от всех героизма. И я не герой. Писем никаких ужасных я не подписывал, много раз как-то удерживался на достаточной высоте, хотя если говорить откровенно, то и не совсем на высоте. Вот мне звонят: Виктор Сергеевич, придите на секретариат, будем исключать Солженицына из Союза писателей. Я, как герой, должен был бы сказать: я приду, но выступлю в защиту Солженицына, вы не имеете права, это крупный писатель и так далее. А я ответил: зачем я пойду, его исключила Рязанская писательская организация, со мной не советовались, а теперь я должен подтверждать их решение? Этого я делать не буду — и не пошел. Но если бы я был герой, я должен был бы пойти и сказать. Значит, я тоже сыграл труса в какой-то степени, меня хватило только на полумеру.

Я не герой, так как же я могу требовать от других геройских поступков?! Вот сейчас пишут о разных людях прошлого, разоблачая, клеймя, уличая, — нет, нет, не могу принять эту сторону. Вот критикуют Фурцеву, Демичева, Попова (тоже был министром культуры) и тех, кто письма подписывал. Да, подписывали и подлецы, но подписывали и хорошие люди, понимаете, обстоятельства жизни. Мне кажется, надо уметь пройти мимо этого. Нельзя так долго жить назад. Надо двигаться вперед.

— Виктор Сергеевич, вам удалось построить свой счастливый, одухотворенный микромир. Но каждому ли под силу это?

— Надо стараться. Несмотря на все наши протори и убытки, сегодня достаточно возможностей для духовного развития. Книги все на месте, классика великая. И даже пополнилась писателями, которые не издавались по разным причинам. Это раз. Выставок — огромное количество, и прекрасные выставки — тоже хорошо. Вот кинокартин духовных очень мало. Спектаклей духовных очень мало. Жаль. Время такое. Но пройдет. Надо перетерпеть.

— Но, может быть, стремление к красоте обыденной жизни, к тому, чтобы не чувствовать себя унизительными доставалами, тоже лежит в плане духовном?

— Если эта красота — только шмутье, то это не красота.

Ну о чем говорить? Плохо, когда нет необходимого, но не возводите это в такую превосходную степень. От этого делаются несчастными.

Я за то, чтобы было всего так же много, как в Западной Европе, как в Америке, как в Японии. Такого же хорошего. Но — нету сегодня у нас, нету. И что же — теперь каждый день, каждый час быть из-за этого несчастным? Ныть, ныть, ныть... Вот тогда действительно жизнь окажется зряшной.

Повторяю: я сторонник того, чтобы мы не бегали, не искали зубную пасту, или туфли, или что то еще, но вот это жадное стремление к шмутью мне омерзительно. Мне очень нравится, когда я вижу на улицах нарядно одетых женщин, девушек, но чтобы это было смыслом жизни... — нет, нет, мне это не подходит. Я очень субъективен, мне это не подходит.

Ну посмотрите: на Западе меняется мода ежегодно. Мода — большой стимул развития производства, но у всего этого есть и другая сторона — уже заседают великие люди и думают, как сохранить экологическую среду, как уберечь природу от бешеного развития промышленности. Тут все взаимосвязано: коснулся моды, а вышел на экологическую катастрофу. Вот эти вопросы меня интересуют очень, отсюда я прихожу к мысли: скромнее надо жить. Человечеству надо жить скромнее.

— То есть вы считаете, что аскетизм нам в жизни не помешал бы?

— Человечеству, особенно обществу американизированного типа, не хватает разумного подхода к этим проблемам. Именно разумного, сдерживающего. Я совсем не призываю к аскетизму доминиканских монахов, но призываю к разумности.

Впрочем, у нас говорить об этом рано, потому что наше общество так бедно, что прежде всего надо наладить производство продуктов питания, и недорогих, чтобы и пенсионерам были по карману.

Сейчас, я уже говорил, очень много людей, которые жалуются на то, что жить стало невозможно, жить ужасно. Я скажу так: жить стало страшновато. Почему страшновато? Нет твердой уверенности, нет стабильности. У нас есть три пути: путь горбачевский, который я поддерживаю целиком, несмотря на издержки, но это единственный естественный, человеческий путь развития. Второй — это военный переворот. Третий — народный бунт на румынский манер, только пострашней в несколько раз. Этот бунт бродит, но пережить его — не дай Бог.

Но я надеюсь, что не будет ни военного переворота, ни бунта и что у государства достанет мудрости и сил, чтобы сдержать выход стихии из берегов.

Беседу провела
Э. ШУГАЕВА

Фото В. БОГДАНОВА

Правление Союза писателей СССР, правления Союза писателей Узбекистана с глубоким прискорбием извещают, что на 85-м году жизни скончался народный поэт Узбекистана, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН Узбекской ССР

УЙГУН (Рахматулла Атакузиев),

и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Владимир КАРПОВ,
Герой Советского Союза

ПРИЗНАЮСЬ — не с праздничным настроением начал писать эту статью. Сегодня о подвигах, победах говорить на принято. Подавай ошибки, потери, разоблачения. Сказать с уважением об армии предосудительно, по собственному опыту знаю...

Но судьи — кто? Кто обличители? Чаще всего люди, не нюхавшие пороха и не изведавшие, почем фунт лиха. Случается даже, забывают, на чьей стороне была победа.

В день всенародного праздника вспомним и скажем доброе слово о тех, кто в жестоких боях добывал ее, Победу. Поклонимся братским могилам по всей нашей земле, могилам во многих странах неблагодарной ныне Европы. Лежат в тех могилах русские и узбеки, киргизы и грузины, латыши и туркмены — сыны всех народов нашей страны. Я их видел в боях, это были подлинные братья. Ни один из них и не думал о том, кто идет в атаку слева или справа — казах или эстонец, украинец или белорус. Все верили друг другу беспредельно и знали: каждый придет на выручку в трудную минуту. И братство это было велико и свято.

Сегодня их братские могилы стали немым укором тем, кто в националистическом угаре стал манкуртом, позабыв о нашей единой для всех матери-родине, за которую и полегли в те могилы наши дяди, отцы, матери, братья и сестры.

Расскажу только об одном из них — пареньке из Рыбинска Ярославской области, голубоглазом, с есенинскими золотистыми кудрями... Звали его Костя Камилевич. Служил он в нашем взводе разведки 629-го стрелкового полка. Однажды, выполняя задание по захвату «языка», наша группа прорезала нижние нити проволочного заграждения, проникла через этот узкий проход в расположение немцев. Мы уже считали задание наполовину выполненным. Неподалеку из траншеи торчала голова часового, оставалось опуститься в немецкую траншею и подойти к часовому сбоку, напрямую не подползешь — увидит или шорох услышит. И вот когда мы находились метрах в двадцати от траншеи, немец обнаружил нас, закричал и кинулся к пулемету. Первые очереди просвистели над нами.

Все решали секунды: ведь следующие очереди прицельно прошьют нас. Позади — проход в колючей проволоке, через который можно проползать только по одному, да и то не торопясь, иначе застрянешь в шипах. Слава богу, что инстинкт самосохранения не толкнул нас обратно в этот узкий проход — мы еще не успели опомниться. Если б кинулись все разом в тот проход, то пулеметчик запросто изрешетил бы нас. Первым это понял Костя: нужно снять его, иначе вся группа погибнет. Костя кинулся к пулемету с гранатой.

Я видел все это своими глазами. Видел, как пулемет встретил Костю огненной трассой, а Косте, уже падая, успел все-таки бросить гранату. Раздался взрыв. Пулемет замолк. Я бросился к упавшему товарищу. За мной побежали еще двое: нерушимый закон в разведке — сколько ушло на задание, столько должно и вернуться, раненых или мертвых не оставлять. Мы схватили Костю и потащили его к проходу в проволоке. Выбрались за нее. И под огнем осветительных ракет и автоматов скатились в овраг в спасительные кусты...

Костю мы похоронили недалеко от нашего блиндажа. Не знаю, смотрит ли кто-нибудь за его могилой, а может быть, тот холмик размыли дожди, раздули ветры? А мы вот живем...

ВЕЛИКА цена нашей победы — 20 миллионов жизней! Страшная, горькая эта цифра. Ни один компьютер не осилит — сгорит, если всех перечислять поименно. Но кое-кому, словно наслаждаясь посыпанием соли на незаживающую рану, хочется злорадно подчеркнуть — наших полегло больше, чем врагов. Появилась своеобразная очернительная арифметика, где, начиная от 1 : 3, доводят до 1 : 7 соотношение погибших в годы войны с германской и нашей стороны. Известна, однако, поговорка: «злость застит разум». Откуда эта злоба? Почему она клокочет в живущих с нами рядом? Кто заразил их желанием уязвить защитников Отечества?

Ну, а если уж об арифметике, то посыпальщики солью на раны берут для сравнения учтенные потери только немецкой армии, забывая приплюсовать к ним цифры, тоже со многими нулями, — потери союзников фашистской Германии — армий и частей румынских, финских, венгерских, испанских и других, да и русских, украинцев, белорусов во власовской армии и национальных легионов, сформированных из татарских, среднеазиатских, кавказских, прибалтийских и других предателей. И еще напомню о том, что многие из этих двадцати миллионов были уничтожены не на полях сражений, не с оружием в руках, а уже будучи военнопленными.

Приведу документ, написанный лично одним из гитлеровских палачей, комендантом концлагеря Освенцим оберштурмфюрером СС Рудольфом Хёсом. Он опубликован в ФРГ в сборнике «Документы немецкой истории 1939—1942 гг.».

«Я командовал Аушвицем (Освенцимом.— **В. К.**) до декабря 1943 года и считаю: по меньшей мере 2 500 000 жертв было уничтожено с помощью газа и сожжения; минимум еще полмиллиона умерло от голода и болезней, что составляет в целом 3 000 000 мертвых. Это число составляет примерно 70 или 80 процентов всех лиц, которые были направлены в Аушвиц как пленные». Обратите внимание — «пленные», а не политзаключенные и не местные жители.

До последнего патрона, до последней капли крови бились наши пограничники на западных рубежах страны. Они вместе с теми, кто подоспел к ним на помощь, в первые дни и часы войны сделали и первые шаги к Победе. Те силы, которых не хватило гитлеровцам для того, чтобы взять Москву, Ленинград, Сталинград, Баку, полегли в боях на границе и в сражениях трагического для нас 1941 года. Неимоверно тяжек был тот смертельно страшный сорок первый, но каждый наш воин, отдавший тогда свою жизнь, вставал в символический ратный строй и продолжал сражаться до памятного дня, когда знамя Победы взвилось над рейхстагом. Да и всегда будет жить в великой Книге Памяти, которую готовят в наши дни и издадут в скором времени. В нее поименно будут записаны все победители, отдавшие жизнь за Родину.

Вспомним битву за Москву. Многие на Западе тогда считали, что война нами проиграна, и с трепетом ожидали, что будет, когда фашистская махина повернется клыками в их сторону. Но мы выстояли и, ведомые сорокапятилетним, полным сил Жуковым, талантливейшим полководцем, нашей национальной гордостью, опрокинули, отогнали армады гитлеровцев. Выстояли и в блокадном Ленинграде, и Сталинграде — победа на берегах Волги изменила весь ход войны. Отстояли мы и Кавказ.

Затем была битва на Курской дуге. После вымотавшей врага несокрушимой обороны (вот бы в сорок первом так!) — дальше Днепра гитлеровцы не прошли бы) началось наступление, опрокинувшее всю сосредоточенную здесь немецкую группировку. Не менее блестящей была операция по форсированию Днепра. Этот водный рубеж, оснащенный оборонительными сооружениями, густой огневой системой, мог стать такой же мощной преградой, как известные линии Мажино или Маннергейма. Мог бы, но не стал. Не позволили наши войска.

Лето 1944 года ознаменовалось одной из крупнейших операций второй мировой войны по освобождению Белоруссии. Четыре фронта — 166 дивизий — перешли в наступление на тысячекилометровом участке и окружили почти всю группу армий «Центр». Это были «Канны» невиданных до сей поры масштабов. Гитлеровцев, плененных в этом котле, провели по улицам Москвы, чтобы они убедились — врет Геббельс, заявляя, что немецкая авиация превратила Москву в руины. Печально и поучительно выглядело это шествие «завоевателей». Я стоял в тот день на площади Маяковского с забинтованной головой, смотрел на покорно шагавших немцев и думал: а может, есть среди них и мои «языки» и даже тот, кто едва не отправил меня на тот свет, когда я переходил линию фронта под Витебском, возвращаясь с задания. Не скрою: я был горд, что есть и моя толика воинского труда, и моя кровь, пролитая за освобождение белорусской земли...

В день Великой Победы хочу сказать добрые слова и о наших союзниках. Немало упреков мы высказали им за то, что долго не открывали второй фронт и нам пришлось в одиночку сокрушать гитлеровскую армию. Но упреки наши относились больше к политикам. Что же касается солдат и офицеров, то, когда пришлось, они храбро сражались и умирали в боях за общее дело. Лет пять назад мне довелось побывать на южном побережье Англии, где началась грандиозная операция «Оверлорд». Я встречался, беседовал со многими ее участниками. Хорошие, честные люди, умелые воины.

Нормандская операция под командованием генерала Эйзенхауэра была самой крупной десантной операцией второй мировой войны. В ней участвовали 2 миллиона 876 тысяч человек, 7 тысяч кораблей и судов, 6 тысяч танков, около 11 тысяч самолетов. Нет, это была не легкая прогулка, как порою писали о ней наши газеты. Это было кровопролитное сражение: 58 гитлеровских дивизий отражали вторжение. В той битве сложили головы 73 тысячи американских и 49 тысяч английских и канадских солдат и офицеров. Вечная память им!

А мы неудержимо шли на Запад. Операции наших войск в завершающем году войны по уровню военного искусства уже намного превосходили грозного противника. Накопила силы наша армия, возродилась после эвакуации промышленность. Землю пахали наши матери, жены, сестры, старики. И солдат не голодал на фронте. Как еще мало написано о подвиге наших кормильцев в тылу!

● ОКОНЧАНИЕ НА 4-Й СТР.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Сергей ЧУПРИНИН

«Одна любовь, но неодинакая»?

В ПЕРВОМ номере журнала «Знамя» была напечатана моя статья «Ситуация» — своего рода очерк идейной мировоззренческой борьбы в современной литературе и современной литературной печати.

На статью откликнулись.

Дважды «Литературная Россия» сначала неподписанной редакционной репликой (26 января) где было сказано, что автор «Ситуации» лжет и кощунствует затем пространными рассуждениями В. Коробова (23 февраля) о том что вышепомянутая статья «удивляет (даже и в наше время) бедностью материала, скудостью анализа и — одновременно! — обилием резких, злых бешеных, на грани истерики обвинений не столько литературного сколько политического толка ..».

И дважды «Литературная газета» (Р. Гальцева и И. Роднянская, 7 марта) заподозрила автора «Ситуации» в том, что он работает «на некое новое размежевание» в обществе и в культуре, рискуя оказаться не с теми, «кто за свободу и кто за истину» а «по другую сторону черты». А. Латынина (18 апреля) поддержала это обвинение, прибавив к нему что вот такие-то, как С. Чупринин и как (еще один латынинский пример) Т. Толстая как раз и мешают «коню сбросить всадника», то есть мешают обществу освободиться из-под ига мертвящей идеологии и партократии.

Избави Бог ставить — даже и за пальчивости — знак равенства между забавно сомкнувшимися в своих антипатиях авторами «Литературной России» и «Литературной газеты»! Различие огромно. Оно, помимо всего прочего уже в том, что первые явно метят в меня лично, лично меня хотят задеть и опорочить, тогда как вторые бьют не по лицу, а по убеждениям, по идеям, имея в виду не столько скомпрометировать критика «Знамени» (это у И. Роднянской, Р. Гальцевой, А. Латыниной, к сожалению, тоже есть, но это, к счастью, попутно), сколько развеять, говоря словами А. Латыниной, «определенное умонастроение», в моей статье лишь зафиксированное.

Я вижу это различие. Я подтверждаю его тем, что ни полусловом не заслонюсь от нападок авторов «Литературной России» — нам все равно друг друга не понять, так что пусть себе злобятся!..

А вот рассерженным воительницам отечественной критики отвечу. Потому, во-первых, что издана привык с уважением прислушиваться к их мнению — хотя мне часто и не близкому, зато всегда просвещенному. Потому, во-вторых, что мне, как и А. Латыниной, до сих пор кажется, что «не столь существенны наши расхождения», что говорим мы на одном в принципе языке, к одному по сути стремимся, а значит возможен еще диалог, возможно взаимопонимание. И потому, в-третьих, что пора бы нам наконец выяснить, отчего этот диалог прерывается, едва начавшись и отчего мы, кому, казалось бы, на роду написано спорить, но быть вместе, продолжаем потешать честной народ раздорами.

Говоря так, я вовсе не призываю отказаться от всего, что нас разделяет. Я убежден, что нет ничего глупее и пошлее сейчас, чем попытки неразборчивой «консолидации на принципиальной основе», когда разногласия, движущие общественную мысль, загоняются внутрь и полезным, как встарь считается принудительное (или добровольно-принудительное) единодушие. Нет уж, останемся разными. Останемся людьми разных убеждений, разных «партий», но одной крови, одной культуры, одних понятий о том, что нравственно и что безнравственно.

СЛАВА Богу, у нас есть воодушевляющий пример диалогических отношений, то есть спор Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исаевича Солженицына.

Впрочем, этот пример далеко не всех, похоже, воодушевляет.

В. Кожинов заявил недавно по телевизору, что Сахаров Солженицыну не ровня, что между ними нет и не могло быть ничего общего, поэтому какой уж там диалог!. И. Роднянская и Р. Гальцева напротив нашли, что Сахаров и Солженицын едва ли не близнецы-братья, поэтому уместно говорить не об их споре, а о досадном недоразумении, снятом позднейшим путем Сахарова к Солженицыну.

В. Кожинов никак не аргументировал свою оценку — значит, ею смело можно пренебречь. И. Роднянская и Р. Гальцева аргументы привели — следовательно, нужно принять во внимание те мотивы, которыми они руководствовались, решительно осуждая включение в подборку «Уроки А. Д. Сахарова» («Знамя», № 2) известной сахаровской работы 1974 года «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза».

Вот эти мотивы:

нельзя печатать сахаровский ответ до тех пор, пока Солженицын не даст разрешение на публикацию в СССР своего письма;

незачем возвращаться к давней полемике, поскольку она объяснялась только тем, что Сахаров не сразу верно понял Солженицына: когда же понял, то «сблизился с Солженицыным» и уже «в 1975 году полемика между ними знаменательно прекратилась», а сам «Андрей Дмитриевич напоследок посвятил силы осуществлению» всего того, что Солженицын предугадал и задумал еще в своем обращении к «вождям»;

и вообще не следует напоминать о «преодолеваемых и преодоленных» разногласиях, ибо это напоминание пойдет современникам и соотечественникам двух выдающихся мыслителей не на пользу, а исключительно во вред..

Хочу надеяться, что позиция И. Роднянской и Р. Гальцевой изложена здесь достаточно корректно. Хочу надеяться и на то, что они с пониманием отнесутся к встречной аргументации.

Но сначала нужно кое-что уточнить. Не стоило, право же, попадать впросак, строя доказательства о «знаменательном» прекращении полемики в 1975 году **только на том**, что Сахаров не включил отклик на «Письмо вождям..» в сборник «О стране и мире». Как указала Е. Боннэр в предыдущем номере «ЛГ», в сахаровскую книгу «О стране и мире» 1976 года (изд. «Хроника», Нью-Йорк) этот отклик включен (оттуда его, кстати, и взяла редакция «Знамени»). Вошла названная сахаровская работа и в подготавливавшуюся еще при жизни автора книгу «Тревога и надежда» (изд. «Интер — Версо», М.), причем, как подчеркнуто в предисловии, «Андрей Дмитриевич Сахаров сам решил, что включить в эту книгу. Первую книгу работ по гуманитарным проблемам, выходящую на его Родине».

Так что...

Да и с Солженицыным-полемистом все не столь благостно и просто. Он тут нет сомнения бесконечно высоко ценил Сахарова (и Сахаров неизменно отвечал ему тем же), но спорить спорил как до выделенной И. Роднянской и Р. Гальцевой «знаменательной» даты так и позже. Достаточно взять только некоторые вехи: от работы «На возврате дыхания и сознания» (1969—1973), которой Солженицын отозвался на «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», и специальной статьи «Сахаров и его критика «Письма вождям» (1974) до выступлений в Японии, вызвавших немалое волнение в зарубежной русской печати (см. например, «Вестник русского христианского движения» № 140, 1983).

К чему я клоню?

К тому, что, оставаясь разными и десятилетие, по крайней мере, проведя в напряженном споре, можно, оказывается, глубоко уважать и своего оппонента, и его убеждения.

К тому, что, глубоко уважая своего оппонента, солидаризируясь с ним в главном, сотрудничая с ним всюду, где только нужда возникнет, можно и должно отстаивать собственный взгляд на страну и мир, собственное понятие о том, куда ж нам плыть.

Переберите в памяти устные и печатные выступления Сахарова уже «послегорьковского» периода: он стоит на своем, в том числе и на том что было обдумано, что было выверено в споре с Солженицыным.

На убеждении в приоритетности интересов личности перед интересами нации и государства (Солженицыну ближе мысль о первенствующей роли «нации-личности в личностной иерархии христианского космоса»). На вере в то, что только конвергенция, сближение даст перспективу странам с разным историческим опытом и социальным укладом (по Солженицыну же, «...перспектива конвергенции довольно безотрадна: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? — общество, безнравственное впереди крест»). На первоочередной необходимости развития в стране практики многопартийной парламентской демократии (по оценке Солженицына, «...сегодня меньше, чем все минувшее столетие, приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны»).

И так далее, и так далее — вплоть до включенной в сахаровский проект Конституции мечты о «мировом правительстве» (Солженицын: «Какое может быть мировое правительство, если Объединенные Нации — балаган, просто балаган...»). И тезиса о том, что надежным гарантом гражданских прав и свобод могло бы стать право на эмиграцию, т. е. на свободный выбор страны проживания («А я считаю,— сказал, как отрубил, Солженицын, — что это 35-е право человека»)...

А разве не показательно то, сколь по-разному отреагировали властители наших дум на процессы, начатые перестройкой? Солженицын замолчал, наложил запрет на обнародование в СССР своей публицистики, — вероятно, и в самом деле опасаясь, что слово его «может быть подхвачено мутным потоком и послужить не миру, а разбору». Сахаров же, едва это только стало возможным, ринулся в самое подводье политической жизни — для того, чтобы своим авторитетом, своим словом и деятельным участием усилить те позиции, которые полагал верными...

Так надо ли нам теперь поучительную «драму идей», высокий пример «единства в споре» превращать — по совету И. Роднянской и Р. Гальцевой — в благостный миф о «нераздельности» взглядов Сахарова и Солженицына? И не уместнее ли будет в данном случае диалектическая блоковская формула о «нераздельности и неслиянности» — той интеллектуальной, духовной нераздельности и неслиянности, которую «западник» Герцен еще раньше отметил, говоря о «славянофилах»: «У нас была одна любовь но неодинакая... И мы, как Янус, или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»?

Я СОГЛАСЕН до уровня отношений «западников» и «славянофилов» в XIX веке, Сахарова и Солженицына в веке XX нам, пожалуй, не дотянуться. Но следует ли из этого, что тянуться вообще незачем? Следует ли по-прежнему выбирать между фальшивой «консолидацией» и обоюдоопасной «конфронтацией», тогда как есть ведь и третья, самая, на мой взгляд, цивилизованная форма отношений между разномыслящими, но глубинно близкими людьми — сотрудничество?

Говоря так, я отнюдь не призываю к неразборчивости в связях. Сотрудничество не самоцельно. Напротив, оно только и возможно при движении — разными путями — к единой цели, куда более значительной в наших глазах, чем тактические разногласия или всякие там, допустим, симпатии-антипатии. Сотрудничество добровольно и избирательно. Оно немыслимо без общей нравственной, мировоззренческой почвы, вне системы строгих внутренних ограничений, и не придет же мне в голову предлагать сотрудничество тем, чьи психика изуродована расистской одурью, чьи национал-большевистские лозунги опасно напоминают национал-социалистические и чьи действия объективно ведут к тому, чтобы, переменив флаги и декорации, обновив пропагандистскую фразеологию, сохранить за нашей многострадальной страной дурную славу ощетинившейся ракетами, наглухо замкнувшей ворота и раздавившей инакомыслие «тюрьмы народов».

Взгляды И. Роднянской, Р. Гальцевой, А. Латыниной, взгляды их многочисленных, я полагаю, — единомышленников ничего общего с подобной гремучей смесью не имеют, поэтому...

Поэтому я говорю им: признай мы сотрудничество, единство в споре нормой, прислушайся мы друг к другу повнимательнее — и добрая половина наших разногласий покажется, если и не плодом недоразумения, то свидетельством возможности разных подходов, разных путей к близкой, в общем-то, оценке тех или иных явлений.

Вот один только пример.

Сначала И. Роднянскую с Р. Гальцевой, а затем и А. Латынину насторожила, а может быть, и напугала моя фраза о том, что и в годы перестройки, увы, «распадение культуры надвое сохраняется, но демаркационная линия проходит совсем не там, где раньше». Не между официозом и оппозицией, как это было в предыдущие десятилетия советской истории, а между «самобытниками», стремящимися под любым (большевистским ли, националистическим ли) девизом отъединить судьбу России от судеб мировой цивилизации, и «конвергентами», то есть теми, кто мечтает вернуть всех нас в семью народов, найти всем нам жилье не на отшибе, а в общеевропейском общемировом доме.

Мы не хотим выбирать один из предложенных в январской книжке «Знамени» «стульев» суховато заявили И. Роднянская и Р. Гальцева. Наши различия день ото дня умножаются, «мы не делимся на патриотов и непатриотов, на самобытников и западников, а если делимся, то деление это глубоко второстепенно нынче: ну, скажем, как попытка разделить наш парламент на высоких и низких» — доказывает А. Латынина.

И зря, мне кажется, доказывает.

Почему? Да потому, что в следующем же — после остроты о «высоких и низких» — абзаце латынинской статьи речь пошла о ситуациях, которые «требуют нашего выбора, четкого ответа да или нет». Это и недавнее противостояние «Демократической России» (а кто там собрался? Не «самобытники» же, одни «западники» если пользоваться терминологией А. Латыниной) «Блоку общественно-патриотических сил», то есть политическому аналогу писательской «заединщины». Это и отношение к вопросам о правовом государстве, формах собственности, свободе печати, многопартийности, где стороны поляризуются и поляризуются они все по той же схеме. Это и только что бушевавшие на наших глазах, а отчасти и с нашим участием схватки вокруг журналов «Октябрь» и «Ленинград», вокруг «Аргументов и фактов», «Книжного обозрения», вокруг «Апреля» и вокруг много чего еще.

Значит, есть все-таки ситуации, и на каждом шагу они, к несчастью, встречаются, когда действительно приходится выбирать один из двух «стульев» и отказ от этого выбора равнозначен передаче своего голоса лютому недругу?

ТАК О ЧЕМ ЖЕ мы спорим, уважаемые оппоненты?

Вам кажется, что мировоззренческая «многопартийность» вернее схватывает богатое многоразличие наших натур, чем жесткая поляризация, убивающая полутона, оттенки, нюансы? И я того же мнения, но, обеими руками голосуя и за «многопартийность» в обществе, в культуре, и даже за «беспартийность» (тоже ведь неплохое дело для художника — быть беспартийным!), я вижу, что сейчас все-таки время сложения сил, и хороши были бы на выборах в Верховный Совет России, в местные Советы кандидаты-демократы, кабы они не в блок объединились, а действовали разобщенно, защищая прежде всего личные «нюансы», а не общность — в главном, в решающем — своих позиций.

Вы радуетесь тому, что «и в правом стане (после поражения на выборах. — С. Ч.) наступает как будто отрезвление или по крайней мере раскол». И я готов этому порадоваться вместе с вами, но я на VII пленуме правления Союза писателей РСФСР услышал не только (и не столько) призывы к гражданскому миру, сколько смутную угрозу. «Одна надежда, — это я цитирую Владимира Бондаренко, — на «грозу в начале мая», хорошую очистительную грозу, которую мы все любим». Вот почему прежде, чем ликовать, я хотел бы узнать, что означает сии «политическая метеорология», и уж не согласуется ли бондаренковский прогноз с тем, что обещали на начало мая молодчики, явившиеся в Центральный Дом литераторов 18 января сего года?..

Вам кажется, что результаты голосования на недавних выборах сняли, устранили из повестки дня правую, национал-шовинистскую угрозу и что комично выглядит «Огонек», лупящий по мишени, которая давно будто бы упала... Не знаю, не знаю... Я, например, поостерегся бы сейчас вышучивать «Огонек» — этот журнал своими публикациями, право же, сделал для победы демократических сил гораздо больше, чем иные, так сказать, «миролюбивые» издания. Это во-первых. А во-вторых... Я и рад бы присоединиться к мнению А. Латыниной об опереточности «ультраправых», но листаю вот тот самый номер «ЛГ», где на четвертой полосе напечатана ее статья, и что же нахожу на второй?.. Не мнение уже, а факт: сообщение о том, как во время митинга 12 марта возле площади Маяковского в Москве «молодые ребята в омоновской форме били собравшихся с кличем «жиды пархатые» «ублюдки сионистские»... Не чернорубашечники, заметьте, из «Памяти» так били и так кричали, а ребята из ОМОНа (отряда милиции особого назначения), те самые, кому в кризисной ситуации будет вверена наша безопасность. Кто-то же именно так натаскивает, именно на это науськивает мальчишек в грозной форме и с грозным оружием в руках...

Так чему же больше верить: факту или мнению литературного критика? Наверное, все-таки факту, тем более что мнения меняются, и А. Латынина — после инцидента в ЦДЛ, после выступлений лидеров «Памяти» по телевидению, в «Литературной России», в некоторых других изданиях — уже не предлагает, кажется, предоставить нашим «ультраправым» возможность беспрепятственного высказывания, как предлагала еще два года назад.

ВПРОЧЕМ оставим иронию — она и неконструктивна, и не уместна, когда речь идет о серьезных вещах.

А мы, начав, казалось бы, с узколокального выяснения отношений, перешли к вещам, как видите, действительно серьезным, к вопросу о самоопределении российской интеллигенции на очередном грозном перевале нашей истории.

Нам — и «левым», как сейчас принято выражаться, радикалам и тем, кто хотел бы занять место в «центре» — есть что сказать друг другу.

Нам есть что друг от друга услышать.

Так давайте же спорить: но только без ярлыков и обид, без желания всенепременно уличить и обличить друг друга — спорить, помня о своем глубинном, внутреннем единстве, ориентируясь на вдохновляющий пример Сахарова и Солженицына.

Ибо «мы сошлись на авторитетное для всех нас суждение Сергея Аверинцева — достаточно опытны, чтобы знать до чего мы разные, но только все вместе мы составляем отечество, не говоря уже о человечестве. Какие есть. Как сказано у Гегеля, истинное — это целое».

● ОТ «КОНСОЛИДАЦИИ» И «КОНФРОНТАЦИИ» — К СОТРУДНИЧЕСТВУ

● САХАРОВ И СОЛЖЕНИЦЫН: ЕДИНСТВО В СПОРЕ

● КТО НАДЕЕТСЯ НА «ГРОЗУ В НАЧАЛЕ МАЯ»?

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3-й СТР.

ВСЕ ЧАЩЕ в последнее время слышатся упреки нашему командованию в упущенных возможностях, просчетах, стоивших нам огромных жертв. И мне, признаться, порой хочется произнести сакраментальное — эх, если бы!.. Есть в этих упреках много справедливого. Но есть и огульные, непродуманные обвинения, словом: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Работая над книгой о маршале Жукове, я нашел в архиве его план, который остался неосуществленным.

Прозорливость Жукова поразительна! Как только стало известно о сосредоточении ударных группировок гитлеровцев у наших границ и Жуков понял неотвратимость войны, он разработал и предложил план упреждающего удара. Предложить такое Сталину, который не разрешал вывести войска на позиции даже для отражения нападения, было в те дни не только смелым, а почти самоубийственным поступком. Как Жукова не объявили врагом народа и пособником гитлеровцев — просто удивительно! Но план такой он создал и за месяц до нападения гитлеровцев доложил Сталину. Документ этот сохранился в архиве. На нем нет ни резолюции, ни подписи Сталина (вот насколько был осторожен!). Какие он высказал суждения — неизвестно. Но в левом верхнем углу синим карандашом поставлены буквы «И. Ст.» (таким карандашом он тогда подписывал бумаги).

Правда, Жуков сам признавался, что он плохой политик. Объяснить наше нападение на Германию было бы непросто. Но, как мы убеждались не раз, все нападавшие оправдывали свои действия стремлением к миру. Может быть, и нашим политикам это удалось бы, тем более речь ведь шла о предупредительном ударе против явного агрессора.

Сразу сделаю оговорку: наша политика действительно была миролюбивая. Шумиха в западной прессе об агрессивности СССР велась без опоры на какие-либо веские доказательства. План Жукова, о котором я говорю, не имеет к тем обвинениям никакого отношения, потому что был создан как мера самозащиты в самые последние недели перед нападением Германии.

Итак, документ, написанный в единственном экземпляре рукою Жукова. Поскольку предназначался этот план лично для Сталина, почерк ровный, старательный.

«Председателю Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1941 г. Соображения по плану стратегического развертывания Воор. Сил Советского Союза.

...Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность ПРЕДУПРЕДИТЬ нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию. УПРЕДИТЬ противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...»

Дальше идет подробная разработка осуществления этого плана.

Уверен, после превентивного удара фашистская Германия на длительное время потеряла бы способность к крупным наступательным операциям, ни о какой «молниеносной войне» не могло быть и речи. Но если б нацисты решились продолжить боевые действия после нашего опережающего удара, они смогли бы лишь выйти на границу и восстановить положение, и уж самое большее, почти невероятное — достичь рубежа Днепра. При этом стратегическая инициатива была бы на нашей стороне, потому что армия не понесла бы таких потерь в начале войны, не испытала бы потрясения от внезапного нападения. И промышленность, не сбитая с производственного ритма, оставаясь на своих местах, устойчиво снабжала бы фронт всем необходимым.

Но Сталин не принял предложение Жукова. Был оставлен прежний план: наступательные действия только после нападения противника, как ответный удар. Какой же это жестокий просчет, думается мне. Ведь ход войны, да пожалуй, и истории мог бы сложиться для нашей страны совсем иначе.

И ПОСЛЕДНЕЕ. оказывается чтобы установить памятник в честь Победы требуется времени больше чем на достижение самой победы — к ней мы шли четыре года, а памятника и на 45-м году нет. Конкурсы, жюри, проекты, заседания, совещания, деньги. Опять конкурс, опять жюри и опять деньги. И еще закулисная борьба страстей.

А зачем все это? Памятник давно создан скульптором Евгением Вучетичем. Стоит в Берлине в Трептов-парке воин-победитель с карающим мечом в одной руке и девочкой на другой. У ног воина разломанная свастика — символ поверженного фашизма. Что еще нужно? Вот он, памятник Победы. Пусть солдат-победитель вернется на Родину и встанет на Поклонной горе. Очень символично — дошел до логова врага, простоял там более сорока лет и вернулся домой. И избавим мы нашего воина-победителя от надругательств фашистских недобитков и из выкормышей нового поколения.

Высказал я это предложение на недавней встрече министра обороны СССР, генерала армии, а ныне Маршала Д. Т. Язова с военными писателями. Всем эта мысль понравилась. Вот и хочу посоветоваться с читателями, и особенно с фронтовиками: может быть, вернем нашего солдата домой из Германии? Пусть он напоминает о нас потомкам.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Эта работа «Чужой сын» сделана художником Сергеем АНДРИЯКОЙ в канун 40-летия Победы. Недавно она экспонировалась в Музее обороны Москвы и на персональной выставке художника в Звенигороде.

Сюжеты и лица

Владимир МАКСИМОВ: «Мы думали, что начинаем новую эпоху...»

«Континент» — один из крупнейших журналов на русском языке, выходящих на Западе. Журнал, постоянно разрушающий многие западные стереотипы, а уж о наших, отечественных «табу» лучше вообще не вспоминать. Я уже знал из прочитанных к моменту встречи интервью, что Максимов, как он сам говорит, стал редактором случайно — стечение обстоятельств. Поэтому не слишком удивился, когда услышал: «Мне было бы интереснее говорить собственно о литературе».

— Владимир Емельянович, «Континент» «съел» 16 лет вашего писательского времени. Не жалеете!

— Долг перед страной, которую мы оставили, перед людьми, которые там остались, — теперь это звучит просто как громкие слова: наступило время всеобщего скептицизма. А тогда мы думали об этом всерьез, думали, что начинаем какую-то новую эпоху. Может быть, это в самом деле была эпоха. Теперь она, наверное, исчерпана.

— Журнал задумывался как инструмент сопротивления системе!

— Совершенно верно — и системе, и идеологии. Это, кстати, и помогло объединить многих совершенно, казалось бы, взаимоисключающих людей. На первых порах сотрудничал Солженицын, он же дал журналу название. В те годы активное участие в организации журнала принимал, например, Синявский, так что очень много было разных мнений и предложений.

— Если можно, в двух словах о вашем нынешнем конфликте с Синявским.

— У меня с ним разногласия только этические. Я, хотя сам и вырос на улице, не понимаю, как можно превращать литературу в коммунальную кухню. Но тем не менее страницы «Континента» для Синявского как для автора всегда открыты. Было бы качество — а в качестве текста Андрея Донатовича я всегда уверен. Так что в истории с «Октябрем» я на стороне Ананьева. Правда, я бы «Прогулки с Пушкиным» не удержался и прокомментировал. Но это уже дело темперамента. Так что, повторяю, «Континент» печатает всех — но не за принадлежность к той или иной литературной группировке, а исходя только из качества. Меня здесь на одном вечере спросили: «Что же это получается, Владимир Емельянович, — и вашим, и нашим?» Нет, господа: и вашим, и нашим — это когда одним говоришь одно, другим — другое. А я и тем, и другим говорю одно и то же. Да, так вот споров о названии было много, но как только появилось слово «Континент», оно почему-то пришлось всем по душе. Все-таки удалось, видимо, создать что-то, что объединило интеллектуалов Запада и Востока. Мне говорят о Герцене, но такую параллель я назвал бы несколько рискованной хотя бы потому, что это был другого типа журнал — общественно-политический. А у нас общественно-политическая мысль все-таки подчинена основному, традиционному мотиву журнала — литературе.

— Вас не тревожит то, что литература сейчас, в эпоху социальных катаклизмов, никому не нужна! Раньше ею занимались потому, что нельзя, например, было заниматься политикой. Теперь политика легализована, а литература осталась в вакууме.

— Демократия действительно слишком много предлагает человеку. Для нас литература, конечно, была сублимацией общественной деятельности, противостоянием системе. Она играла роль оппозиции, второго правительства. Сейчас демократизация в обществе дает человеку массу возможностей реализовать свои амбиции. Я абсолютно уверен, что многие из тех, кто в последние 70 лет шел в творческую область, могли бы стать прекрасными политиками, менеджерами, коммерсантами.

— Я говорил не столько о писателях, сколько о читателе, приученном ценить в литературе все что угодно, только не литературу.

— Вообще в России литература испокон веку заменяла и церковь, и адвокатскую контору, и благотворительную организацию, и кабинет психиатра. Теперь она будет играть в жизни человека подсобную роль. С этим надо смириться. Но пока, согласитесь, в России читают. А в конце концов отсеется тот, кому литература не нужна, и останется читатель настоящий.

— Каким вам видится будущее «Континента»!

— Я уже несколько раз говорил, что «Континент» в том виде, в котором он существовал до последнего времени, себя исчерпал.

— Да, например, на политике вряд ли теперь удастся «выезжать»...

— Я и не собирался никогда «выезжать» на политике! Это был необходимый компонент журнала. А сейчас здесь ко мне подходит один очень мной нежно любимый поэт и говорит: «У меня есть вещь, не напечатанная, но такая, ты понимаешь, антисоветская!» Я говорю: «Милый, да разве ж это важно? В «Я помню чудное мгновенье...» гораздо больше социального протеста, чем во всем Некрасове». Потому что эстетика отталкивает все безобразие, не принимает ничего дисгармоничного. Мы уже не можем конкурировать с вами и в области литературы — лучшие эмигрантские писатели печатаются здесь. Но как сказал мне сын Кушнера: «Нам, молодежи, печататься все равно негде. Ваше поколение радуется, но для нас вы теперь тот самый истеблишмент, против которого когда-то вы сами боролись». Может быть, новую концепцию «Континенту» нужно строить именно на том, чтобы дать трибуну для этой литературы? Вот сейчас я предложил сыну Давида Самойлова — Александру сделать номер, который мы им отдадим просто «на откуп». Пусть повторят всю архитектуру «Континента» своими материалами.

— Вам как читателю эта литература близка! Где кончается Максимов-читатель и начинается Максимов-редактор!

— Прежде всего я как редактор понимаю, что это нужно печатать, хотя мне не все близко в их поисках. Потому что пишут ребята, конечно, очень здорово. Но, знаете, литература, особенно для меня, всегда была... в общем, если не выльешь это на бумагу, даже пусть очень плохо, то взорвешься изнутри или сойдешь с ума. И вот они умеют писать, «делать», а выплеска судьбы я не чувствую. Может быть, ошибаюсь, может быть, это болезнь возраста, знаете — «при нас все было лучше»...

— Думаю, вы с ними просто представляете две разные традиции отношения к литературе.

— Что ж, у меня такая позиция: ни одно из течений не должно навязывать свою концепцию другому. Пусть будет по Булату Окуджаве: каждый пишет, как он дышит. А я смотрю, уже начинается так же, как с соцреализмом. Диктатура модернизма, авангарда. У меня вся комната, вся квартира увешана авангардом. Мне это нравится, хотя я человек традиционный. Но ведь, смотрите, что получается. Такие заявления делают, какие делали в горьковские времена наши соцреалисты: «Только это! Все остальное от лукавого!» Ну было это, господа, было. Не надо повторяться — пиши, печатайся. Нет, я не равняю всех по одному уровню, среди них есть очень талантливые авторы — не буду называть фамилии, потому что я кого-то забуду, — мы их постоянно печатаем, вы посмотрите несколько номеров: это примерно процентов на 70—80 новая литература.

— Значит, вы как редактор даете своим эстетическим противникам аванс!

— Я печатаю их для того, чтобы дать возможность выявиться потенциальным именам, потому что, думаю, — по вульгарной диалектике — из этого количества возникнет все-таки какое-то качество. Мы ждем новое слово и нового писателя, может быть, этими путями он к нам и придет. «Аванс», вы говорите. Аванс, мне кажется, необходим. И потом, это поиск, поиск новой концепции. Мне, например, предлагают издать журнал здесь.

— И!..

— У нас еще есть сложности внутри редакции: не все с этим согласны. Существует мнение, что все, что здесь происходит, — это спектакль и мы не имеем морального права в нем участвовать.

— Вы это мнение разделяете!

— Во всяком случае, разделял до последнего времени. Сейчас я настаиваю на том, что надо дать кредит доверия и посмотреть. А мне говорят: «Не стоит, надо ждать. Пока «они» у власти — никаких контактов». Ну, это уже внутреннее дело редакции. Будем вместе искать решение. Но есть второе, еще более важное для меня обстоятельство. Хорошо, все согласились, мы печатаем. И здесь я начинаю думать: а выдержим ли мы конкуренцию? Пока что действует феномен запретного плода, а вот когда все будет доступно?

— Какие из советских «толстых» журналов близки к вашему идеалу!

— Прежде всего «Новый мир» и приближается к нему «Юность». Журнал должен сочетать в себе мировоззренческую жесткость и эстетическую широту. А под обложкой «Нового мира» хорошо себя чувствуют такие разные писатели, как например Петрушевская и Астафьев.

— Испытывал ли «Континент» когда-либо откуда-либо идеологическое давление!

— Я очень этого опасался все 16 лет нашего существования. Но никогда со стороны Дома Шпрингера, а уж от самого Шпрингера тем более — не испытывал. Может быть, просто это зависело от того, что Аксель Шпрингер, в отличие от большинства газетных магнатов, был очень интеллигентным человеком, глубоко верующим и очень доверявшим мне.

— Ваши впечатления от встреч с московской аудиторией!

— При том, что я знал, что происходит в стране, — такого контакта не ожидал. Все прошло с полным взаимопониманием. И я предполагал, что у меня найдется больше оппонентов.

— Вы ожидали оппонентов больше «справа» или «слева»!

— Когда вы пытаетесь занять более или менее объективную позицию, вы не нравитесь ни тем, ни другим. Мне уже передавали мнение «левой» стороны: что я заигрываю с «правыми». А «правые» говорят: заигрываю с «левыми». Ни с кем я не заигрываю!

У меня нет никаких интересов — ни материальных, ни политических — по отношению к аудитории, с которой я общаюсь. Может быть, она это чувствует и доверяет. У меня, кроме того, хорошая школа. Однажды в Западной Германии, когда я вышел выступать, на сцену летели пивные банки, бутылки...

— !

— Собралась «левая» аудитория студенты. Для них я был фашист, реакционер, выступающий против самого святого — против коммунистического государства, СССР. В общем я смог с ними справиться — провожали меня стоя, аплодисментами. Но один раз, при личной встрече, вы можете вызвать доверие аудитории. Гораздо труднее это доверие поддержать — а надо постоянно его поддерживать на прежнем уровне. Поэтому я и говорю: если бы сейчас был с десяток людей с именами и влиянием, которые продолжили линию примирения в нашей культуре, может быть, можно было добиться разрядки нынешней атмосферы.

— Вы, планируя поездку, думали о своей «миротворческой» миссии!

— Думал, но я прекрасно отдавал себе отчет в том, что одному человеку это не под силу. Кто-то должен подхватить это и постоянно, постоянно продолжать пробиваться к душе и сознанию.

— Кто бы это мог делать!

— Булат Окуджава. Андрей Битов. Фазиль Искандер. Я абсолютно уверен, что эту миссию смогли бы взять на себя «справа» Виктор Астафьев, Валентин Распутин. Хотя Распутин и Белов не всегда дают себе отчет в том, что говорят. Например, употребляя термин «сионизм» в вульгарном пропагандистском смысле. Я это им говорил. Но продолжаю считать их прекрасными русскими писателями. Они ошибаются и заблуждаются искренне. Я не верю в изначально злое их намерение... А в особенности много, подчеркиваю, могли бы сделать такие люди, как Виктор Астафьев, который стоит все-таки в стороне от политических игр. Можно перечислить десяток—полтора имен.

— Вы приехали как бы «не вовремя» — писателю логичнее было бы подождать публикации своих произведений и появиться на волне читательского интереса к своей личности...

— Поймите меня правильно. Я в последние годы освободился от литературных амбиций. Меня больше волнует все-таки судьба отечества. Что будет дальше! — с этим ложусь, с этим встаю, с этим живу. То есть, конечно, я хочу печататься здесь, мне это приятно. Но такой эйфории, которую бы я испытывал от подобного рода публикаций пять-шесть лет назад, сейчас уже нет. Поэтому для меня эта поездка не является тактической ошибкой: это жизненная позиция, шаг, скорее, моральный, нравственный, нежели профессиональный.

— Пишете ли сейчас!

— Да, маленькие одноактные пьесы, но это, скорее, для себя.

А вообще пишу роман о казачестве, отчасти в полемике с «Тихим Доном». Там трагедия казачества, а я считаю, что казачество тоже несет свою долю вины.

— Как будет называться ваш роман!

— «...И в воздаяние».

— Тема платы и воздаяния, кажется, для вас — центральная и в жизни, и в литературе.

— Да, я действительно считаю, что каждый человек рано или поздно расплачивается за сделанное им. И когда у меня самого что-то не получается, появляются неприятности, я всегда начинаю думать и вспоминать, в чем мог провиниться.

— За что и как расплачивается в этой жизни Владимир Максимов!

— Не знаю, наверное, мое наказание в том, что я постоянно, каждый день и час чувствую себя виноватым в чем-то перед кем-то. Не могу объяснить это чувство, но живу с ним постоянно. Я бы так коротко сформулировал: мой палач — моя память.

С редактором журнала «Континент» беседует корреспондент «ЛГ» Александр ЗОТИКОВ

Фото М. ЛЕМКИНА

Юлия ДРУНИНА

Сюда вошла впервые
в гимнастерке —
В писательский
послевоенный клуб
Еще витал окопный дух махорки
Вокруг моих потрескавшихся губ.
И кирзачи пудовые стучали,
И голод вечно плелся по пятам...
О, боже, утоли моя печали! —
Я б вновь хотела оказаться ТАМ.
Не потому,
что было только двадцать
Мне в том году, а только потому,
Что хриплый голос
батальонных раций
Еще звучал в писательском Дому.
Еще гуляла вольница
в том Доме —
Огнем ведь были люди крещены.
В том Доме —
для меня аэродроме,
Куда я приземлилась из Войны.
О, позывные юности высокой —
«Я — Дружба. Дружба!» —
Повторял тот год.
...Как с рукавицы
соскользнувший сокол,
Вновь сердце
устремляется в полет.
В неверной
покачнувшейся Вселенной
«Я — Дружба!» —
Снова рация хрипит...
А сердце разбивается о стену,
О стену равнодушья и обид.

Майя БОРИСОВА

Дню Победы,
Дню Победы — сорок пять.
Вот и дожили,
и празднуем опять.

Ты, победой завершенная война,
Много лет нам в назидание дана.

Много лет твои считаем ордена.
Много лет твои сверяем имена.

Что ни сделаем,
чего ни сотворим —
все клянемся
строгим именем твоим.

Будто не было иных
за столько лет
ни проигранных сражений,
ни побед

и счастливые наследники твои
знали в жизни лишь учебные бои.

Будто тысячи костьми не полегли
на неведомой и в ведомой дали.

День Победы,
справедливость сохраня,
дай и им частицу Вечного огня.

Поделись строкой
в газетных полосах
и ракетинкой
в салютных небесах!

Ну, а дрогнувших душою сыновей
поддержи неоспоримостью своей...

«АПРЕЛЬ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

● *КАКИМ БЫТЬ СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ?*

● *ТРИБУНА ИЛИ ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ?*

● *РЕЗОЛЮЦИЯ, РЕЗОЛЮЦИЯ, РЕЗОЛЮЦИЯ?..*

Как уже сообщала «ЛГ», 28—29 апреля 1990 года в Москве в Большом зале Центрального Дома литераторов состоялся учредительный съезд Всесоюзной ассоциации писателей «Апрель».

Кто-то ожидал итогов съезда с надеждой, кто-то — с опаской. С надеждой — потому, что движение писателей в поддержку перестройки, зародившись всего год назад в Москве, получило широкий резонанс среди творческой интеллигенции республик и регионов. Ассоциации по образцу столичной были образованы в Ленинграде, Киеве, Львове, Ставрополе, Петрозаводске, Владивостоке, Ташкенте, Алма-Ате. Естественно, что все эти многочисленные, но все же разрозненные «очаги» рано или поздно должны были получить единое организационное оформление. Этому и был посвящен учредительный съезд. В повестке дня — утверждение «Временного положения о Всесоюзной ассоциации писателей «Апрель» (иначе говоря, устава) и выборы «центральных руководящих органов» — пятерых сопредседателей и Координационного совета.

А с опасением наблюдали за ходом съезда те, кому была известна резко критическая позиция московского «Апреля» — инициатора созыва форума — по отношению к Союзу писателей СССР. Проще — ждали раскола, конфронтации, ультиматумов, объявления войны...

Противники «Апреля», сказал на съезде один из лидеров движения А. Приставкин, утверждают, что мы хотим разрушить СП, а на его костях поднять собственное знамя. Это ложь, хотя и сегодня Союз писателей недалеко ушел от сталинского колхоза, который держал крестьян в кулаке и раздавал трудодни за особые заслуги. Подобно тому как нынешний крестьянин уходит на аренду, так и писатели мечтают уйти от «крепостной зависимости», но уйти «с землей», а не «без земли». Это не значит, что нужно растаскивать на части Литфонд, «Литературную газету»... В нашей стране от дележа никто никогда не становился богаче. «Апрелевцы» против литературного мародерства: мы должны сохранить и общими силами приумножить нажитое. И поскольку руководство союза наконец поняло, что «Апрель» — организация не разрушающая, а консолидирующая, мы готовы работать в рамках СП.

И все же оказалось, что убедить наиболее радикально настроенную часть делегатов не так просто. С трибуны раздавались призывы добиться принадлежащей «апрелевцам» по праву части материальных средств Литфонда, выйти из СП и на этом фундаменте строить свою «конструкцию». Не странно ли состоять в одной организации со своими политическими противниками! — спросил один из ораторов. Подобное единство — это что-то вроде «единства» Жданова и Ахматовой, з/к и вохры, Пастернака и тех, кто бил ему стекла. По признанию О. Саранского из Калуги, он ехал на съезд для того, чтобы вступить в «Апрель», а вовсе не для того, чтобы через посредство «Апреля» вступить в Союз писателей, к которому у него слишком много претензий.

Прямую поддержку сторонники размежевания с «большим союзом» получили со стороны корреспондента радиостанции «Свобода» М. Дейча, неожиданно попросившего слово для реплики под самый занавес съезда.

Некоторые из выступающих, соглашаясь с тем, что без раскола можно обойтись, ратовали за то, чтобы в рамках СП «Апрелю» была предоставлена большая «свобода рук». И Герасимов настаивал, чтобы Координационный совет ассоциации не просто ходатайствовал перед приемной комиссией о рассмотрении тех или иных кандидатур, но имел право непосредственного приема в союз. Авторитетным деятелям «Апреля» пришлось выступать в защиту формулировок «Положения».

Я убежден, что мы не должны гордо удаляться в пустыню от грешного мира, сказал М. Галлей. А значит, мы не должны ставить вопрос о самостоятельном приеме в союз. Если мы начнем принимать туда самостоятельно, это вызовет гонку наподобие гонки вооружений: мы примем десять «наших», наши противники в СП — пятнадцать «своих» и т. п., что, собственно, кое-где на местах уже и происходит.

Что касается Союза писателей России, то по отношению к нему съезд занял несколько иную позицию. А. Рекемчук предложил организовать Совет писателей демократической России, который мог бы до осеннего съезда вести борьбу за смену нынешнего руководства СП РСФСР; если же это не удастся, совет должен взять на себя функции оргкомитета нового Союза писателей России «на платформе» СП СССР.

...Чем дальше, тем больше происходящее в ЦДЛ напоминало картину, много раз виденную по второй программе ТВ: настойчивые выступления «по мотивам голосования», редакционные поправки, даже сетования на давление со стороны президиума...

Явное, порой пародийное сходство с сессией Верховного Совета заставило нас задуматься: что же за организация формируется на наших глазах — политическая или все-таки творческая? Леворадикальные (или, как кое-кому нравится их называть, «левоэкстремистские») силы продемонстрировали готовность зачислить Всесоюзный «Апрель» в ряды сподвижников: съезд выслушал приветствие украинского «Руха», демократических движений Узбекистана, межрегиональной депутатской группы, народного депутата, посланца независимой Литвы С. Шальтяниса. Выступил и народный депутат СССР Н. Травкин, на сей раз в качестве представителя создающейся Народной партии. На этом фоне съезд, прямо скажем, с некоторым недоумением выслушал Ал. Михайлова, провозгласившего в пику политизированному, по его мнению, до мозга костей «Апрелю» учреждение ассоциации «неприсоединившихся», неангажированных литераторов...

Значит, «политика прежде всего»? Но ведь прозвучало на съезде и выступление А. Нуйкина, в котором слышались совсем иные нотки. Мы — духовно больное общество, и болезнь, возможно, неизлечима, сказал публицист. На что же надеяться? На религию! Она теперь слишком часто связывается с триадой «православие — самодержавие — народность». На школу? Но хороших преподавателей еще только предстоит вырастить. Лишь литература, пока так и не ответившая на шукшинское «Что с нами происходит?», может дать надежду на духовное обновление. При условии, что докопается до причин деградации, нравственного Чернобыля, до сути механизма, с помощью которого в человека научились убивать совесть...

Ассоциация не решит своей главной задачи, считает А. Афиногенов, если в центре ее внимания не будет творчество, писательское слово. А ведь «апрелевцы» ни на одно явление литературной жизни по-настоящему не отозвались, ни одного произведения не обсудили... Та же тревога чувствовалась в докладе А. Приставкина, в выступлениях других делегатов учредительного съезда Всесоюзного «Апреля».

«Всесоюзный»... Не выдает ли этот гордый эпитет желаемое за действительное? Ведь даже президиуму, похоже, не известна была точная численность участников движения. По неполной статистике (Москва — около 460 человек, Ленинград — 76, Узбекистан — 45, Казахстан — 24, Белоруссия — 35) можно предположить, что число их приближается к тысяче. Много это или мало — судить не беремся. Да и семьдесят делегатов от региональных организаций, присутствовавших в зале, — их гостевые билеты под занавес были обменены на членские — оказались в сложном положении. Им предлагалось одобрить, по существу, готовую структуру, в разработке которой они не принимали непосредственного участия. Некоторые из них прямо спрашивали, не являются ли они пешками в чьей-то игре. Мы ехали сюда не для того, чтобы выслушивать со сцены рассказы о чьих-то благородных взглядах и убеждениях, сказал И. Чурдалев (Горький). Мы рассчитывали, что будет создана четкая работоспособная структура ассоциации. Ведь судьба любого творческого союза прямо зависит от того, каким образом осуществляется право собственности — в данном случае на издательства, на печатные станки. И потому главное, что должен был определить, но не определил съезд, — это механика деятельности организаций на местах.

При обсуждении кандидатур на посты сопредседателей вопрос о роли региональных ассоциаций приобрел прямо-таки кризисную остроту. Список кандидатур и подготовленные проекты резолюций, сказал Т. Пулатов, производят впечатление, что «Апрель» лишь номинально будет общесоюзной организацией, а по сути останется организацией московской. Если представителей регионов не ввести в руководство на самом высоком уровне, ассоциация не сможет обеспечить себе мощную поддержку на местах и писатели просто откажутся вступать в нее. Лидера узбекского «Апреля» поддержал украинский писатель Ю. Покальчук. Опора ассоциации — те представители национальных литератур, кто не заражен национализмом, придерживается демократических убеждений. Таких много и среди тех, кто пишет на русском языке, и среди тех, кто пишет на языке родном. Но 90 процентов присутствующих здесь пишут по-русски. Если мы ошибемся в выборе руководства, ассоциации на местах рискуют оказаться в положении отщепенцев...

Однако большинство выступавших по этому вопросу отвергло предложение Т. Пулатова, усмотрев в нем косный, не соответствующий требованиям времени подход. Опасения Пулатова понятны, сказал С. Букчин (Минск), но неужели демократия и гуманизм носят национальный характер? Мы собрались здесь по сердечной склонности, а начинаем снова делить «советский пирог». Я тоже представитель республики, но доверяю людям, чьи фамилии включены в список кандидатур. Дальше — больше: один из ораторов заявил, что предложение Т. Пулатова «было выдержано в духе социалистического реализма». При тайном голосовании наибольшее число голосов набрали все-таки представители центра: Е. Евтушенко, В. Коротич, А. Приставкин, В. Соколов, Ю. Черниченко. Правда, при формировании Координационного совета, призванного защищать интересы «Апреля» в Союзе писателей, было принято компромиссное решение: выбрать на съезде 13 человек, к вопросу о доукомплектовании совета представителями регионов вернуться на первой всесоюзной конференции «Апреля», которая должна пройти осенью. В результате голосования определился следующий состав координационного совета: А. Адамович, В. Быков, А. Гербер, П. Карп, М. Кудимова, Б. Никольский, А. Нуйкин, Б. Окуджава, В. Оскоцкий, Ю. Покальчук, Т. Пулатов, А. Рекемчук, Б. Сарнов.

Выступая на утреннем заседании 29 апреля, В. Коротич сообщил, что в Совете Министров СССР готовится решение о повышении цен на газеты и журналы в 2,5 раза. Подобный шаг способен серьезно затруднить контакт между прессой и читателем. Съезд направил протестующее письмо в высокие инстанции.

«Обращение к Президенту и Верховному Совету СССР» выражало обеспокоенность кризисной ситуацией, сложившейся вокруг Литвы, содержало осуждение экономической блокады республики и призыв к обеим сторонам немедленно сесть за стол переговоров «без всяких предварительных условий». Выступали по этому поводу Я. Каэторин, Е. Шевелева, Ю. Черниченко, Б. Окуджава, М. Кудимова. Некоторые делегаты спрашивали: компетентна ли творческая организация принимать столь серьезный политический документ? Тем не менее с редакционными поправками обращение было принято.

Резолюции голосовались вполне в традициях высоких собраний, где обсуждение важнейших вопросов словно бы специально переносится в самый конец повестки дня. По тематике (возвращение советского гражданства людям, «выпихнутым» из страны по политическим мотивам; положение беженцев; запрещение деятельности общества «Память» в Москве) они были скорее призваны продемонстрировать серьезность намерений новорожденной Всесоюзной ассоциации, чем рассчитаны на какой-то конкретный результат; зал снова наполнился пьянящим ароматом Большой Политики. Но вот последнее голосование — и усталые делегаты отправляются на праздничный ужин, а журналисты снова перелистывают проект «Временного положения о Всесоюзной ассоциации писателей «Апрель»:

«Недопустим монополизм какого-либо одного творческого направления, недопустимы «руководящие» государственные предписания в области культуры...»

Татьяна РАССКАЗОВА,
Борис КУЗЬМИНСКИЙ

ДУХОВНЫЙ МИР

Сергей ХОРУЖИЙ

В истории отечественной философии глубокой отметиной осталось одно событие: изгнание из страны наших крупнейших религиозных мыслителей осенью 1922 года.

1. КОГО ВЫСЫЛАТЬ

ВЫСЛАННЫХ была обширная группа: не только философы, но и ученые других областей, деятели культуры, кооперативного движения. Впоследствии этот эпизод замалчивался, оброс слухами и легендами, и даже на Западе нет поныне его достоверного описания.

Поясним сначала, отчего именно философы, слой малочисленный и в обычной жизни малозаметный, оказались в центре большого государственного мероприятия. Все предреволюционные годы философия в России развивается с удивительной активностью и достигает небывалого прежде уровня. У нас впервые создается самобытная метафизика, подвергающая осмыслению исторический, религиозный, культурный опыт российского бытия. Начатки ее были уже у славянофилов, но теперь, в трудах последователей Вл. Соловьева, это зрелое философское течение, заметное и важное в мировом масштабе. Рядом с этим течением развивались и другие, общие с западной мыслью, такой насыщенной философской жизни, такого круга больших мыслителей в России не было еще никогда. Бердяев, Флоренский, Булгаков, Е. Трубецкой, Вяч. Иванов, Шестов, Новгородцев, Струве, Франк, Лосский, Шпет в период революции уже были крупными, сложившимися философами; целый ряд других успешно входили в философию: Ильин, Карсавин, Степун, Лосев... — всех назвать невозможно. Появлялись суждения, что философия уже перевешивает в русской культуре и духовными лидерами, властителями дум нации все более будут делаться не писатели, а философы.

После революции некоторые из видных философов (Шестов, Новгородцев, Струве и др.) оказались в эмиграции, однако намного преобладающая часть осталась на Родине. Почти у всех это время, вопреки неустройствам и лишениям, связано с интенсивным творчеством. Пишется очень многое, и хотя далеко не все удается издать, выходит в свет немало важных трудов: большие итоговые сочинения Е. Трубецкого «Смысл жизни» и П. Новгородцева «Об общественном идеале», новаторская работа И. Ильина о Гегеле, «Судьба России» Бердяева, первые книги Карсавина и последние статьи Розанова, включая «Апокалипсис нашего времени». Творческой активности сопутствовала организационная. Не прекращались попытки устройства объединений и обществ, выпуска журналов, сборников, альманахов. Весьма характерным было распространение этой активности в провинции, разбуженную бурным временем, да нередко и прежде имевшую недурные культурные традиции. В 1921—1922 гг. действуют философские общества — Петроградское, Киевское, Костромское, Донское, Саратовское Философско-историческое общество, Московское Психологическое общество, Вольная Философская Ассоциация (Вольфила) в Петрограде и Москве, Вольная Академия Духовной Культуры в Москве и др. И, конечно, в этих объединениях, помимо традиционных тем метафизики, ставятся, обсуждаются, обдумываются и жгучие темы современности: о смысле войны и революции, о путях России.

«Положение начало меняться с весны 1922 г.», — писал потом в мемуарах Бердяев. Учитывая все факты, его можно несколько уточнить: общее направление событий наметилось уже раньше. Например, в Петрограде, по словам Н. Лосского, уже «осенью 1921 года... кафедра философии Петербургского университета была совершенно разгромлена». Весна 1922 года — начало широкого наступления в области идеологии, резко ужесточившего атмосферу культурной жизни. Эта идеологическая кампания — первый образец тех, что проходили у нас во множестве в последующие десятилетия. Конечно, злоба и грубость стояли у колыбели советской прессы (на то были исторические причины), но сейчас они расширили круг мишеней. Открывается долгий этап сооруженья и сокрушенья врагов по очень знакомой сегодня схеме: берется что-то обыкновенное, простое — мысль, книга, человек — и превращается в устрашающий фантом, и правят шабаш вокруг фантома под строгим руководством инстанций. Классическая схема отрабатывалась как раз на фигурах, намечавшихся к высылке. Так вспоминал потом эту пору высланный петроградский журналист Н. М. Волковыский: «Сегодня на «безбожном фронте» ругали философа Н. О. Лосского, завтра — на «хозяйственном» Б. Д. Бруцкуса, послезавтра — на «идеолого-публицистическом» А. С. Изгоева или А. Б. Петрищева... Рубилось сплеча, доносилось — от всего продажного сердца». Появились разносные и глумливые статьи о работах Бердяева, Франка, Флоренского, Карсавина и других, часто они призывали к административным карам, и перспектива высылки уже склонялась в прессе и в публике. Не забывали и социологов, экономистов: на уровне Политбюро обсуждались меры против врачей, высказавшихся на своем съезде о преимуществах земской медицины. Большой резонанс вызвала анонимная статья в «Правде» 2 июня под названием «Диктатура, где твой хлыст?», в которой брошюра Ю. Айхенвальда о русской поэзии длинно поливалась площадной бранью как «мразь и дрянь». Неоднократно в речах грозил интеллигенции Зиновьев, отчего многие и считали его потом инициатором и руководителем высылки. Резко участились цензурные запреты на публикации, закрывались издательства и издания, в большинстве открытые совсем недавно, в 1921 году. Начал выходить теоретический орган «Под знаменем марксизма», задачи и линию которого определяли статьи Троцкого в № 1—2 (февраль) и Ленина в № 3 (март). Последняя статья после критики социологических работ Питирима Сорокина заканчивалась словами о том, что рабочему классу следовало бы «вежливенько» препроводить в страны буржуазной «демократии» ученых, подобных этому автору. То было первое предупреждение о готовящейся акции со стороны высшего руководства.

Отсюда следует, что тогда, в марте, принципиальное решение об акции уже было принято. Однако ни документы о таком решении, ни точные сведения о том, когда оно было принято, по чьей инициативе и т. д., сегодня нам не известны. Весенние сроки решения подтверждаются письмом Горького к Е. Д. Кусковой от 30 июня 1922 г.: как там сообщается, Горький хотя и находился в Германии, но «еще в апреле знал, что всех членов комитета решено «выселить» из России» (комитет, о котором тут речь, — Помгол, Всероссийский комитет помощи голодающим, созданный из представителей внепартийной общественности в июле и разогнанный в августе 1921 г.; с его разгона, видимо, и стала рождаться идея высылки). Что же до автора идеи, то мы не знаем его — и утрата в том для истории невелика. К событию причастны главные руководители страны.

Весной 1922 г. активно развертывается практическая подготовка операции. Описанная идеологическая кампания готовила сознание публики. Наряду с нею требовался и определенный инструктаж партийных кругов. Его провела XII Всероссийская конференция РКП(б), проходившая с 4 по 7 августа 1922 г. Здесь был заслушан доклад Зиновьева и принята резолюция об антисоветских партиях и течениях, в которой, в частности, говорилось: «...нельзя отказаться и от применения репрессий... по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...» Далее необходимо было подвести правовую базу под необычную меру — однако этот аспект явно не считался из важных. На первом же месте, как всегда в партийной работе, находился человеческий фактор: кого высылать?

Как принципы, так и практический процесс, технологию отбора высылаемых четко определяет центральный документ всей операции — секретное письмо Ленина Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Автор сразу переходит к сути, как бы продолжая тему, хорошо известную обоим, и формулирует «меры подготовки»:

«Собрать совещание Мессинга, Манцева (руководящие работники ГПУ. — С. Х.) и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (следуют имена. — С. Х.)

Собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ».

Программа, таким образом, ясна полностью. Намечается собрать досье на самый обширный круг «профессоров и писателей», особо на уровне Политбюро, рассмотрев всех причастных к некоммунистическим изданиям. В ходе работы ее участники выделяют из просеиваемого контингента кандидатов на высылку. «Толковый человек в ГПУ» подготавливает по всем материалам сводный список. Письмо кончается конкретным примером отзывами о журналах «Новая Россия» и «Экономист» с выводом, что из сотрудников первого кандидата на высылку «не всех», из второго же — «почти всех». Новую меру предполагалось сделать регулярной: «Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу».

Некоторые подробности выполнения этого плана рисует уже нами цитированный Н. М. Волковыский: «Дело было, вероятно, в июле. Однажды прибегает ко мне в Дом литераторов талантливая поэтесса, шалая женщина, хаотичная — и с религиозным, и с коммунистическим уклоном разом. Запирает двери и таинственно взволнованно говорит: «Подумайте, ловит меня только что идиот (называет имя совершенно невежественного человека, редактировавшего советский театральный журнальчик) и спрашивает меня на ходу, не могу ли я ему в двух словах сказать, какие имеются направления в современной русской литературе? Спрашиваю, зачем это ему нужно, а он мне совершенно беспомощным тоном отвечает, что ему «из Смольного» велели приготовить «справку» с направлениями и именами... Побегу к Луначарскому, нельзя же, чтоб неграмотные идиоты готовили для Чеки «справки» по литературным вопросам, да еще с именами!» И ушла так же стремительно, как пришла». Неизвестно, чем увенчался визит к наркому Надежды Павлович (речь, несомненно, о ней); но, судя по составу изгнанников, в их отборе и вправду было немало случайности, бессмыслицы, произвола. В статье одного из высланных читаем: «Можно думать, что проскрипционные списки составлялись не в недрах ГПУ, ибо арестованы были и такие лица, о которых при всей тщательности наблюдения не могло быть никаких компрометирующих данных». А вот и иллюстрация к этому все у того же Волковыского: «Почтеннейший и скромнейший учитель математики С. И. Полнер, с которым я неделю сидел в одной камере ГПУ... не мог понять, за что его арестовали и за что высылают. Не разобрался он в этом, тишайший в мире человек, страстный шахматист... и за те немногие годы, на которые судьба сохранила ему жизнь в изгнании».

Но все это, разумеется, «эффекты второго порядка», как скажет физик. Все главные установки ленинского плана были четко претворены в жизнь. Летом подготовительная работа была закончена, и в ночь с 16 на 17 августа повсеместно в крупных городах были произведены аресты намеченных деятелей науки и культуры.

Наш рассказ теперь переходит к статистике и фактографии высылки; но сначала нужно общее замечание. Изгоняемые из Отечества были людьми высокообразованными и написали о своей высылке немало; немало о ней писали и эмигрантские журналисты. Эти богатые материалы вполне между собою согласны в освещении главных событий и принципиальных моментов, но безбожно расходятся в фактических подробностях — датах, списках имен. Причины этого — не только отсутствие гласности и атмосфера слухов. Эпизод, именуемый «высылкою ученых», едва ли имеет точные границы. Это — два центральных события, «философские пароходы» из Петрограда в Штеттин, но, кроме них, также неясное число небольших партий из Одессы, а возможно, и других мест: так, в сентябре из Одессы выслана группа профессоров в Константинополь, в октябре — группа из 12 профессоров в Варну, есть сообщения и о группе высланных из Киева. Затем следует некоторое число «досылок» тех, кто был в общих списках, но по разным причинам не выехал со всеми. Так, в начале 1923 г. высланы декан медицинского факультета Казанского университета — психиатр Н. В. Трошин, редактор «Экономиста» Д. А. Лутохин, один из организаторов студенческого христианского движения В. Ф. Марцинковский и В. Ф. Булгаков, последний секретарь Льва Толстого; на исходе 1922 г. выслан из Крыма о. Сергий Булгаков. Московский следователь, занимавшийся высылкой трех деятелей «свободного христианства», В. Ф. Марцинковского, В. Ф. Булгакова и В. Г. Черткова (затем все же оставленного на родине), сказал на допросе первому из них: «Эта ваша тройка последняя, больше мы за границу высылать не будем». Но тем не менее отдельные акты высылки совершались и позднее, от высылки из Грузии 62 социал-демократов в 1923 г. и до выезда в 1931 г. Е. И. Замятина (его высылка предполагалась в 1922 г., но была отменена).

Эта неопределенность границ приводит и к неопределенности общего числа высланных. Главные цифровые данные о высылке таковы: первый «философский пароход» «Обербургомистр Хакен» привез в Штеттин 30 сентября 30 (или 33?) высланных из Москвы и Казани, с семьями — около 70 человек. «Пруссия» 18 ноября доставила 17 высланных из Петрограда, с семьями — 44 человека. 27 ноября общее собрание высланных констатировало, что группа изгнанников насчитывает в Берлине «33 москвича и провинциала и 17 петербуржцев, с семьями же около 115 человек». Это — но именно известное ядро высланных, но о полной их численности сведения крайне разноречивы. Волковыский, а также и другой петроградский журналист, С. О. Харитон, говорят о «группе 60-ти»; Лутохин пишет, что были арестованы «в ту же ночь я и еще 161 человек», и в советских публикациях уже не раз приводилась цифра 160; «Руль» в неподписанной «подробной фактической справке об обстоятельствах высылки» утверждает, что имелось «решение о высылке из России 192 представителей профессуры и интеллигенции». Поскольку ни источников, ни принципов подсчета ни в одном случае не сообщается, можно только сказать, что цифра Волковыского—Харитона является заведомо заниженной, тогда как остальные, по-видимому, все же завышены.

География операции такова: помимо двух столиц, Казани, Одессы, Киева, есть сведения о высылавшихся из Харькова, Нижнего Новгорода и Ялты; возможно, этот перечень неполон. Но, разумеется, более географии важны социология, профессиональный состав и уровень группы изгнанных. Проанализированные мною 73 имени (я не рассматривал тех, о чьей высылке не имел точных подтверждений) распределяются следующим образом: экономисты, агрономы, кооператоры — 20; философы, социологи, правоведы — 13; профессора естественных и технических наук — 13; журналисты и литераторы — 10; историки — 6; религиозные деятели — 6, медики — 5.

Наибольший культурный вес и значимость представляет, безусловно, группа философов, которую мы и перечислим: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, И. И. Лапшин. Это — основа русской мысли нашего века, и многих здесь можно смело назвать мыслителями мирового масштаба. Немало славных имен примыкает к ним. П. Сорокин стал за рубежом знаменитейшим социологом, основателем своей школы; В. Н. Лосский, выехавший с отцом, сделался выдающимся православным богословом, книги которого считаются на Западе классикой — у нас же, увы, почти неизвестны. Крупными историками были высланные А. А. Кизеветтер, С. П. Мельгунов, А. В. Флоровский. Известностью и авторитетом пользовались А. С. Изгоев — крупный публицист, один из авторов «Вех», и литературный критик Юлий Айхенвальд; с успехом входил в литературу М. Осоргин — известный журналист, ставший впоследствии также отличным прозаиком.

Свыше половины высланных работали в областях, связанных с хозяйственной и практической жизнью, и в послевоенном восстановлении страны их деятельность была особенно нужной. Как и предполагалось замыслом высылки, в большинстве это были видные профессора, и многие из них играли важную роль в научной среде. В. И. Ясинский был весьма известным путейцем, председателем правления Дома ученых в Москве. М. М. Новиков, крупный, широко мыслящий биолог (его философские труды упоминаются в «Истории русской философии» Н. О. Лосского), был последним выборным ректором Московского университета. Правовед А. А. Боголепов и почвовед Б. Н. Одинцов были проректорами Петербургского университета, Е. Л. Зубашев — директором Томского технологического института, А. И. Угримов был председателем Общества сельского хозяйства, активным деятелем Помгола. С Помголом был связан и ряд других изгнанников — председатель его студенческой секции Д. В. Головачев, уже упоминавшиеся М. А. Осоргин и В. Ф. Булгаков; руководители же его, Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, были высланы еще раньше, в июне. Конечно, выслан был и «почти весь» круг журнала «Экономист», к нему, помимо упоминавшихся П. А. Сорокина, Д. А. Лутохина и Е. Л. Зубашева, принадлежали также Б. Д. Бруцкус, Л. М. Пумпянский, А. С. Каган. Весьма тяжелый удар был нанесен по кооперативному движению: в числе высланных — не менее 10 его руководителей. Напрашивающееся сопоставление этого факта с высказыванием Ленина о «строе цивилизованных кооператоров» было сделано немедленно — высланным историком В. А. Мякотиным в берлинском «Руле».

Такова беглая панорама высылки в сухих социологических данных. Нам остается рассказать, как это выглядело в жизни и как развертывались события вслед за арестом будущих изгнанников. Судьба нам оставила ценную возможность: сегодня мы еще можем услышать об этом живое изустное свидетельство. Но об этом в следующий раз.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ: «Несколько месяцев назад я послал в «ЛГ» отклик на появившиеся в печати выступления, искажающие предсмертные записки Константина Михайловича Симонова «Глазами человека моего поколения». Сотрудники редакции не раз обещали опубликовать заметку, но обещания не сдержали. Может быть, 45-летие Победы поможет мне наконец отвести несправедливые обвинения в адрес писателя, достойно прошедшего всю Великую Отечественную войну, с первых ее тяжелых дней. Прошу...»

БУДЕМ СПРАВЕДЛИВЫ!

Речь пойдет о критике записок «Глазами человека моего поколения», продиктованных писателем незадолго до кончины, в 79 м. Симонову уже не удалось их ни вычитать, ни выправить.

После ряда содержательных отзывов диссонансом прозвучали насыщенные не так аргументами, как эмоциями и недоброжелательностью статьи Ю. Карабчиевского («Новый мир», № 1, 1989) и отчасти Л. Баткина («Знание — сила», №№ 3, 4, 1989).

Впрочем, Л. Баткин не оспаривал значения записок. К тому же в июльском номере журнала высказываются и несогласные с ним.

В рецензии же Ю. Карабчиевского претензии к запискам Симонова чаще всего необоснованны. Например, подводя итоги временам Сталина, Симонов замечает: «При нем мы не согнули головы перед обожравшейся во время войны Америкой в те годы, когда у нас над головой висела их атомная бомба, а мы еще не имели своей».

Слово «обожравшаяся» пусть не самое удачное — вызвало поучение со стороны рецензента:

«...проклятья «обожравшейся во время войны Америке», высказанные с таким искренним пафосом, как будто он в жизни на наших дорогах не видел ни «харлеев», ни «студебекеров», ни в нашем небе — «аэрокобр», никогда не пробовал ни тушенки, ни фарша, которыми среди всего прочего заваливала (?! — А. Б.) нас обожравшаяся Америка (ведя между делом войну с Японией), а если притом не голодала сама, то вряд ли все же — к своему позору...».

Стало быть, Симонов недооценил помощь, оказанную нам союзниками — США.

Раскроем записки. Вспоминая поездку в США и разговоры с американцами о Победе, Симонов пишет: «Разумеется с помощью их американцев, их ленд-лиза, их поставок оружия, их бомбардировок Германии, их вторжения в Европу...» И рядом — о своей поездке в послевоенную сожженную Смоленщину: «...много тяжелого, горького, почти нестерпимого по контрасту со всем тем, что я видел в воевавшей, но при этом не разорившейся, а богатевшей Америке».

Оказывается, видел фронтовой корреспондент и «студебекеры», и «аэрокобры», знал о помощи нам Америки. Знал и написал о ней в своих записках, чего не заметил рецензент.

Не ограничиваясь критикой записок, рецензент коснулся жизненной миссии Симонова, его вклада в литературу, будто бы исчерпывающегося поэзией тридцатых — сороковых годов.

Нет, Симонов нам дорог не только своей поэзией.

Для меня читателя второе открытие Симонова связано с фильмом «Живые и мертвые», кинодокументалистикой, для создания и становления которой столько сделано писателем. С фильмом «Александр Твардовский», особенно дорогим тогда, когда даже память о поэте, бывшем редакторе «Нового мира», была на грани крамолы. С фильмами «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары». С «Разными днями войны». С его портретами современников, беседами с полководцами Великой Отечественной. С повестями последних лет. И, наконец, с предсмертными записками — «Глазами человека моего поколения»...

Этот Симонов, как и автор «Жди меня» и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», дорог нам и сегодня.

А. БРУШТЕЙН,
инженер

МОСКВА

ПАМЯТИ ТАНИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ

Татьяна Архангельская скончалась сорока семи от роду. А природа «задумывала» ее надолго. Иначе зачем ей было даровано так много: быстрый ум, красота, артистизм, умение притягивать к себе людей. Вот только «везучкой» — ее словцо — она не была.

Месяц за месяцем, день за днем, час за часом умерщвляла Татьяну страшная болезнь. И ни слезинки, ни мольбы. Повторит, бывало, из любимейшего «Мастера»: «Никогда и ничего не просите!» — и, кротко улыбнувшись, отведет глаза. «Поразительное мужество», — говорили врачи.

В ее натуре сочетались женственность и прочность нравственных принципов, озорство и трезвость, взлеты фантазии и реалистичность. Мотивы ее жизни напоминали и музыку из «Турандот», и аккорд бетховенской сонаты. Она была интеллигентна кровно, наследственно — она ведь из тех, давнишних, с непоколебимым чувством достоинства.

Татьяна Архангельская заведовала отделом литературной жизни. Не по штату, ибо литература была сферой ее духовного обитания. Ей было присуще безотчетное чувство гармонии. Она осязала Слово как бы подушечками ладоней. Тысячи строк — и прозаических, и поэтических — не то чтобы хранились, нет, жили в ее памяти. Произносит тихим, отрешенно-задумчивым голосом — и видишь явно счастливого человека. Негромко и твердо высказывает замечания автору или товарищу по работе — и видишь человека сопереживающего. Можно было не соглашаться, невозможно было обижаться: подкупала не только искренность суждений, но и умение радоваться чужому успеху больше, чем своему.

В прошлые годы Татьяна Ростиславовна много ездила по стране. Она не рвалась воспевать воспетых, а стремилась воздать должное тем, кто не в обойме. Любовь к литературе держалась об руку с нелюбовью к несправедливости.

Татьяна Архангельская ушла. Мы долго-долго будем ощущать ее небытие, ощущать и сознавать ее отсутствие, как отсутствие источника света.

ЛИТГАЗЕТОВЦЫ

ПАНОРАМА ОТЕЧЕСТВА

Суздальские мотивы

ФОТОКОНКУРС ЛГ

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА и Е. ФЕДОРОВСКОГО

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

ЧАЙКОВСКИЙ сегодня

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА

Ван КЛИБЕРН:

Накануне 150-летия со дня рождения П. И. Чайковского наш корреспондент в Нью-Йорке Никонай Огнев позвонил в Форт-Уэрт, штат Техас, где живет знаменитый американский пианист Харви Лаван Клиберн, более известный у нас как Ван Клиберн, — победитель первого Международного конкурса имени Чайковского в Москве в 1958 году...

— Петр Ильич Чайковский, — сказал Ван Клиберн — в моей жизни занимает особое место. С его музыкой связан первый успех, первое международное признание. Самое же важное — то, что победа пришла на родине Петра Ильича, что симпатии выразили его земляки.

— В каком возрасте вы познакомились с музыкой Чайковского?

— Познакомился очень рано, совсем еще крошечным ребенком — родители стали брать меня на концерты, где исполнялись и произведения великого композитора. А играть я начал с трех лет, в 12 дебютировал. Как сейчас кажется, меня привлекли в музыке Чайковского величие, грандиозность, глубина чувств.

— Многие специалисты считают вас выдающимся интерпретатором музыки Чайковского. Как вы относитесь к такой оценке?

— Меня это, конечно, радует, но, откровенно говоря, и насколько смущает...

— Есть ли у вас какое-то самое любимое произведение Петра Ильича?

— Аналогичный вопрос мне задавали лет тридцать назад. Тогда я оказался в крайнем затруднении, как и сейчас. Я все люблю. Мне нравится все его творчество. Может быть, чуть больше — великолепное па-де-де из «Лебединого озера» и симфония «Манфред». Но любое его сочинение прекрасно!

— Какие произведения Чайковского пользуются наибольшим успехом у американских слушателей?

— Чайковский, пожалуй, самый любимый композитор в Соединенных Штатах. Знаете, я даже затрудняюсь что-либо выделить... Могу лишь сказать, что каждый профессиональный оркестр хотя бы раз в сезон исполняет «Торжественную увертюру 1812 года». Постоянно звучат Пятая и Шестая симфонии, музыка из балетов «Лебединое озеро» и «Спящая красавица», увертюра «Ромео и Джульетта», «Итальянское каприччио». Вообще же, музыку Чайковского любят везде. Несколько лет назад был проведен международный опрос, он показал, что Петр Ильич является наиболее популярным композитором в мире.

Эдисон ДЕНИСОВ:

Творчество Чайковского, может быть, менее ровно, чем других великих композиторов России — скажем, Глинки или Римского-Корсакова. У него, на мой взгляд, есть и плохая музыка — например, некоторые романсы, фортепианные сонаты, оперы «Мазепа» и «Орлеанская дева», как будто даже лишенные его таланта. Но рядом — совершенно удивительные по поэтичности «Времена года». Или «Евгений Онегин» и «Пиковая дама»; не люблю слова «гений», но про эти оперы можно сказать, что они написаны рукой гения. В них Чайковский услышал то, чего до него никто не слышал. Или Шестая симфония — удивительное проникновение в глубины человеческого духа, поразительное постижение страданий человеческих. Вообще же особенно велик он в высших прозрениях последнего периода жизни — Четвертой, Пятой и Шестой симфониях и «Пиковой даме».

Чайковского иногда упрекали в том, что он западник. Это чистая неправда: он русский композитор, как Глинка и Мусоргский. Суть его музыки, дух ее и ее интонационная основа — глубоко русские. И его психологизм — типично русский, как, скажем, психологизм Достоевского.

Музыка Чайковского звучит у нас постоянно, о нем много говорят и пишут, но при всем этом издается он поразительно мало, а звучит далеко не все его сочинения. Попробуйте купить партитуру «Иоланты» — ее нет. Или «Литургию» — не найдете: потому что после революции она не издавалась. Между тем Чайковский был глубоко верующим человеком и написал много замечательной духовной музыки. Эта очень важная страница его творчества долгое время у нас замалчивалась, как, к слову, и духовная музыка Гречанинова и Кастальского — композиторов второстепенных, но очень хорошо работавших именно в этой области. Православная духовная музыка Петра Ильича была просто выдрана из нашего культурного наследия, как выдирают «неугодные» страницы из учебника, надеясь таким способом «улучшить» историю.

Раньше я со студентами Московской консерватории каждый год обязательно изучал «Пиковую даму» и Шестую симфонию. Сейчас у меня, как у всех, мало свободного времени, да и общественные дела навалились. Но когда выдается свободная минута, беру партитуру «Пиковой дамы» — и наслаждаюсь ее совершенством.

Чайковский и сегодня для меня — один из самых великих композиторов.

Записал Григорий ЦИТРИНЯК

ТЕАТР ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ,

или Суд над Фокиным

Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ

С точки зрения обвинения: ДЕЛЕЦ И ЦИНИК, РАСЧЕТЛИВЫЙ И КОВАРНЫЙ. В феврале 1985 года в Театр имени М. Н. Ермоловой пришел новый главный режиссер Валерий Фокин. Он не был «назначен сверху», театр сам пригласил молодого и, вон тогда думалось, перспективного режиссера из «Современника», дабы он вывел театр на новый виток творческого пути, сделал еще более достойным своего имени (почти цитирую письмо артистов — противников Фокина, посланное ими в разные инстанции и газеты — Ю. Г.).

Первый же спектакль Фокина «Говори...» (по «Районным будням» Валентина Овечкина) вызвал эйфорию у зрителей и критики. Еще больший успех был у «Спортивных сцен 1981 года». Главные роли играли пришедшие в театр вместе с Фокиным известные артисты Татьяна Догилева, Виктор Павлов, Олег Меньшиков и приглашенная на роль Татьяна Доронина. В дальнейшем подобное распределение ролей станет принципом.

С этого и начинаются обвинения. Основных, как увидим, пять.

Обвинение первое: стало очевидно, что режиссер пришел в театр, не любя его труппу, его традиции. Ермоловцы для него — люди второго сорта.

Обвинение второе: Фокин оказался творчески несостоятелен и корыстен. Вслед за громкими премьерами он поставил всего два спектакля: «Второй год свободы» и — на малой сцене — «Приглашение на казнь» по Набокову. (В этом сезоне он сделал другую редакцию «Приглашения на казнь» — и все. Да и мыслимо ли? Секретарь СТД и т. д. и т. д...

Зато успел (**обвинение третье**) соорудить один спектакль в США и два в Японии. Поставил Вампилова, который не повредил бы и нам, «Бесноватую» (по «Идиоту» Достоевского). У себя в театре он ее все никак толком не начнет, а вот в Японии закончить силы и время нашел.

Наконец (для начала), **обвинение четвертое**: Фокин запускал в театре (сам или руками других режиссеров) только спектакли мрачные, вроде бы обнажающие язвы общества, а на деле унижающие человека, природа которого будто бы скверна, душа черна, помыслы убоги и развратны. Сплошь насилие, тюрьмы, падшие женщины. Кстати, и «Бесноватая» — не слишком ли странное название для спектакля по Достоевскому? (Оставим пока без комментариев. Не будем спешить. Мы еще не подошли к главному конфликту и главной драке. У нас еще полным-полно действующих лиц.)

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ. Из выступления на собрании 14 марта 1990 г. «Вы, Валерий Владимирович, не лидер, а могли бы им стать, но не захотели».

«Отчего в стране выясняют, что русский, что еврей? Оттого, что нечего есть. Отчего у нас сплоча? Оттого, что нет репертуара».

«(Приведены фамилии актеров, играющих главные роли). Это совершенно свой театр Фокина, который можно было открыть в другом месте. При таком подходе и делу не надо было брать эту труппу. Вас замечательно поздравил Смехов: поздравляем Валерия Владимировича с такой хорошей коробкой. Вот вы и относитесь по всему здесь, как к коробке, да еще старой, которую надо сломать, и совсем забыли со своими соратниками, что нам этот дом и наша семья дороги».

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ. Артист А. А.* Истоки конфликта — в личных амбициях. Время идет, кто-то играет у Фокина мало, кто-то не то, что хочет... Кроме немногих артистов (прежде всего Архангельская и Зайцев), это срединная часть труппы, «Серые». Хотят, чтобы это был их театр. Я в ермоловском давно, пришел мальчиком, таких дел на моих глазах не было. Грубость — признак творческой слабости. У нас больше половины актеров, вот те и грубят.

АРТИСТ В. В. В театре не должно быть плюрализма. Должен быть хозяин, монарх. Если они ему не верят, они должны уходить — это однозначно. Идет типичная соседовская возня: человек хочет сохранить свой нос, но говорит о традициях, о духе Марии Николаевны Ермоловой и о спасении театра, который якобы разрушают.

Из беседы с В. Фокиным

— Никуда не деться: на Проскурина, Догилеву, Якута, Гердта ходят, а на (фамилии актеров) не идут. Зато когда на худсовете я говорю: давайте заплатим хорошую премию Догилевой и Проскурину, они все-таки тащат репертуар, мне отвечают: нет, всем дадим премию, хоть и по пять рублей. «Вы вам дайте роли — и на нас будут ходить...» Это чисто актерская психология. И ничего тут не сделать. Кажется, Виньен сказал, что театр — это клиника.

С точки зрения обвинения: ОТЕЛЬ ВМЕСТО ТЕАТРА? Далее начинаются события, которые сжимают пружину интриги до предела. Вскоре по приходе Фокин предложил построить на базе ермоловского театрально-культурный центр. Прежний Моссовет согласился отселить организации, делящие с театром большой старый дом почти напротив Кремля, рядом с башней «Националя», и отдать театру здание для переделки.

Предполагались три сцены (для ермоловцев, для «свободного театра» со «свободной труппой» и для театра-студии), видеоцентр с видеотеатром, театральные музей, кафе, пресс-центр, библиотека и пр. Так вот. **Обвинение пятое и главное**: как утверждают противники Фокина, тайно, негласно, за их спиной идею центра полностью видоизменили. Почуяв неладное, они стали «копать» (**буквально!** На собрании один из них воскликнет: «Думаете, легко доставать каждый документ, каждую бумажку! Ведь это детективная история!» Да и Фокин скажет мне не без тайной иронии: «Они, между прочим, огромную энергетическую работу проделали! Потратили целый сезон...»), долго копали — и докопались. Есть уже, оказывается, проект «градостроительно-средовой концепции развития культурного центра с планами на английском языке для инофирм, где будущий центр обозначен как «Hotel Ermolova», и там действительно все что угодно: «пятизвездочная» валютная гостиница, подземный автопарк, казино, ночные бары, дискотека, магазины... Среди этого — три театральных зала. Владельцем должно стать совместное предприятие. «Это пока прикидки, это фантазия», — сказали артистам. Фокин потом и мне подтвердит: «Конечно же, это был эскиз. Неужели они думают, что кто-нибудь позволит просто так взять и переделать здание на улице Горького? Надо пройти градостроительный совет и т. д. — тысячу инстанций!..» Артисты, однако, не поверили.

Так летом 1989-го в театре наметился окончательный раскол. Второй в Москве — после недавнего мхатовского. Когда-то слова «МХАТ 2-й» означали театр, теперь «МХАТ 2-й» — конфликт. Жди 3-го, 4-го, 5-го... Труппа поделилась почти ровно на двое. «За» Фокина — пополам «новые» и «старые» ермоловцы. «Против» — сплошь актеры из старой труппы.

Противники Фокина начали повсюду говорить, что в гостинично-развлекательном комплексе, каковым станет центр, они все будут не нужны, их вышвырнут на улицу. Страсти раскаляли интервью Фокина, в которых он повторял, что мечтает не о постоянной, а о контрактной труппе. «Лит. Россия», выступившая 30 марта с позиций артистов-противоборцев, думаю, точно выразила их точку зрения: «Труппа — всегда сложная семья. И в семью, чтобы держать ее здоровой телом и духом, главе семьи нужно много отдавать... Этого-то Фокину как раз и не нужно. Он не строит театр-дом... направленность на коммерческий спрос неумолимо превращает и режиссера Фокина в режиссера-потребителя. Проще взять «готового» артиста с именем, а вместо капризной труппы-семьи сработать конвейер звезд».

«Ермоловцы» (назовем так условно противников Фокина, пусть кавычки никого не обижают) обеспокоились «за свою сиротскую судьбу» и в октябре 89-го создали орган самоуправления — совет трудового коллектива. Не знаю, кто был на предвыборном собрании, но СТК и позже худсовет и профком оказались в их руках.

Власть взяла оппозиция.

Меж тем Фокин, насколько я понимаю, продолжал настойчиво закреплять мысль, что центр уже формируется изнутри театра (года полтора-два как взята под крыло известная студия А. Левинского), и открыл в ноябре театр-студию «Свободная сцена» со своим финансовым счетом, которую тоже возглавил как худрук (думаю, он мог при этом преследовать и еще одну цель — но о ней позже). За спектакль артисты получают по контракту: кто 50 рублей, кто 30. На «Свободную сцену» он перенес «Приглашение на казнь», как бы переставшее быть ермоловским спектаклем (хотя вход здесь же, из фойе за буфетом). «Ермоловцы» увидели в этом новое проявление наглого деличества (**мне — в разговоре, но по писаному**: «Свободная сцена» — свободная, видимо, от всего, от театра, в котором угнездились от обещаний, от ответственности, от морали, от совести»).

СТК потребовал у Фокина отчета. Прошли собрания, полные взаимных обид и неприязни. В конце концов рассерженный Фокин сказал, что чашка разбита, ее не склеить, и он теперь будет работать лишь с теми, кто за него, а остальные пусть думают, как им быть. Его сторонники, покинув собрание, образовали свои «альтернативные» худсовет и профком. Раскол проявил себя сразу и жестко. Фокин заменил в «Приглашении на казнь» пятерых артистов из группировки противников на своих, а летом спектакль уедет в Италию!.. Драма достигла кульминации.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ. Из диалога с артистом В. В. и артисткой Г. Г.:

— Возможно ли примирение?

— Нет. Выясняется, что нет.

— Хорошо! Но ведь Фокин не уйдет из театра!

— Почему? Театр ему не нужен. Он не имеет права им руководить. Делайте центр, но не здесь. Оставьте театр!

— У вас есть лидер?

— Мы собираемся приглашать режиссеров «на постановку». Сезон присмотримся. А там, возможно, и позовем кого-то из режиссеров главным.

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из резолюции собрания коллектива Театра имени М. Н. Ермоловой (противников Фокина. — Ю. Г.) **от 19 марта**, «Собрание пришло к выводу, что деятельность В. В. Фокина несовместима с его положением как художественного руководителя директора театра и выражает ему вотум недоверия (единогласно)».

Из беседы с В. Фокиным

— Во всем, что касается центра, ажиотаж, маниакальность. Люди не слышат друг друга. Не слышат, например, что основа центра — театр. Что придумана вся идея центра, что бы прежде всего провести реконструкцию здания, которое падает, держится только за счет стен. Альтернативы нет. Здание летом закроют из-за аварийности (в дни, когда я собирал материал, театр был закрыт строительной комиссией, но потом вновь временно открыт до лета. — Ю. Г.) а нам 10—15 лет скитаться по клубам. Мы стояли в плане ремонта на 90-й год, потом на 93-й, теперь нас перекинули в 95-й. Сколько лет закрыт без движения филиал МХАТа? У города нет ни денег, ни рабочей силы. Короче, город получает центр причем бесплатно, не вложив ни копейки, а ермоловскому театру сохраняется жизнь. Отель и совместное предприятие дадут театру и культурному центру экономическую базу, позволят существовать при любых ухудшениях экономической ситуации.

Размежевание? Наверное, благо. Я бы разделился. Хотите жить по любви? По любви так по любви. Я доволен, что более тридцати артистов хотят работать со мной, а я хочу с ними. Молчу уж о том, что театры должны не только рождаться, но и умирать. Театр — это люди, которые в нем сегодня работают хорошо, а завтра провалились, разошлись. Живой процесс!

Выписка из протокола № 1 собрания части труппы от 23 марта: «При знать реальностью происшедший раскол в труппе и коллективе, поддержать позицию художественного руководителя — директора театра В. Фокина, поддержать идею о создании на базе ермоловского театра Московского театрально-культурного центра».

С точки зрения «адвокатов»: ТИПИЧНЫЙ КОНФЛИКТ. Когда я влез в этот спор и, пытаясь найти истину, выслушал почти всех, кто имел к нему причастность, то сначала запутался. Я вспоминал разговоры с ермоловцами, и мне было их жаль (не сомневаюсь, что слухи об их поголовной бездарности сильно преувеличены). Они правы! Но прокручивал запись беседы с Фокиным — и убеждался, что прав, безусловно, он. В то же время и в них, и в его поступках многое вызывало досаду. Если бы за пять лет Фокин создал полноценный, престижный ТЕАТР ФОКИНА, если бы не темнил с центром... Если бы, с другой стороны, ермоловцы были терпимее, не придумали бы СТК (СТК в театре, конечно же, дикость!), не «шили» бы Фокину политику (обвинение в «чернухе» звучит в их устах как обвинение политическое)...

То что? Был бы мир?

В какой-то миг захотелось плюнуть: пусть сами разбираются в своей склоке! В конце концов их дело...

Но тут... Вдруг пришла мысль...

Господа... То есть товарищи! Мы ничего не поймем в этой истории, если не отделим поступки от их последующих оценок противоположной стороной. Мы ничего не поймем в поступках Фокина — а разобраться надо прежде всего в них. Там — ключ.

Я плохо знаю своего подзащитного как человека. Может быть, как утверждают, он и эгоист (но где вы встречали режиссера не эгоиста?), может быть, он действительно слишком жёсток к актерам. Но как бы то ни было, я глубоко убежден, что мотивы его действий были отнюдь не эгоистичными и не меркантильными. У него не было иного выхода. Стоял вопрос о выживании.

Фокин — режиссер очень волевой (волевой еще и по своим эстетическим устремлениям, посмотрите «Приглашение на казнь» — видны прежде всего его позиция, его мироощущение), пришел в труппу... да что мы все играем в игры... в труппу, половина которой ему была ни к чему. Ситуация нормальная.

Но это поддела. Он тоже не был нужен труппе, прирошей к своему театру и своему городу не только корнями, но и привычками, квартирами, зарплатами, запутанной иерархией внутренних взаимосвязей, куда нелегко вписаться чужаку. Такой труппе нужен режиссер **при них**. Одновременно талантливый и безвольный (что абсурд), выбирающий хорошие классические пьесы независимо от того, пойдут ли на них зрители, дающий «кому положено» главные роли, внимательный — даже к капризам.

Обычно волевой режиссер, попав в подобную ситуацию, пытается взять труппу в кулак и кого-то выгнать, а потом формирует «труппу в труппе», «театр в театре», занимая лишь тех актеров, какие ему необходимы. Обычно какое-то время старая труппа и новый режиссер живут мирно, а потом труппа его тщательно переваривает и съедает, обвиняя за едой в безнравственности и бездарности.

Фокин не стал «подчинять себе» театр. Он начал театр не строить, а перестраивать (все аллюзии по поводу сложностей, которые могут прийти вам сейчас на ум, законны и логичны). Он (это лично моя версия) оказался едва ли не первым у нас государственным режиссером, который, получив под ответственность государственный театр, твердо решил сделать театр нового типа (в смысле творчества, а не денег), превратить его в тот театр, какой ему нужен. В этом замысле Фокин был тверд и последователен. Пригласил в театр «звезд» (да с некоторыми не сложилось) и задумал центр (слава Богу, что хоть в ком-то прорезался продюсерский азарт. А отель рядом?.. Что ж, раз бедны, будем содержать театр за счет отеля). В центре, напомню, планировались разные сцены — для ермоловцев и для свободной контрактной труппы. Фокин был бы не умен, если бы не держал в тайниках сознания, что **на крайний случай** на ермоловской сцене останутся те, без кого он с радостью обойдется, а «свободная труппа» и станет тем **своим** театром, о котором мечтается. В октябре возник СТК: объективно шаг к расколу. Открытие в ноябре «Свободной сцены» довершило раскол. Фокин, сознательно или нет, не дожидаясь ни центра, ни разрешений сверху, уже сейчас создал **почти тот** «свой театр», какой ему и нужен — на зависть другим государственным режиссерам.

(Почему я, кстати, и убежден, что большинство режиссеров, узнав об этом конфликте, будут за него, большинство артистов — против.)

Короче, я вас вот к чему веду. Конфликт возник не потому, что режиссер и артисты совершили некие неправильные или необдуманно-оскорбительные действия и наговорили друг другу обидных слов. И действия, и порожденные ими слова могли быть иными — ничего бы не изменилось.

Конфликт возник оттого, что новому режиссеру и старой труппе с самого начала было **неудобно** друг с другом. Они, правда, не сразу об этом догадались. Почему они категорически не хотят мириться? Потому что незачем.

Это не конфликт бездари с жаждущими откровений артистами и не конфликт гения с беспробудно ничтожной труппой. Это конфликт нормального лидера, втиснутого в жесткую структуру государственного театра, с нормальной государственной труппой. Это всего лишь: это кризис нашей государственной театральной системы. Система устроена так, что война фактически неизбежна. Война на уничтожение. Или труппа режиссера. Или он труппу. Поэтому я не защищаю артистов от режиссера и режиссера от артистов. Я защищаю их вместе от сложившейся в театре государственной системы. Рынок в искусстве, может, еще и похуже. Но и система пока плоха.

Не хочу предлагать рецепты. Да, хорошо бы побольше контрактных трупп (переводить на контракт режиссера, дабы он всех артистов распустил и набрал заново по потребности). Но нужны и постоянные. Ермоловский театр, кстати, мог бы стать местом любопытного эксперимента. Рядом — при честном разделении — контрактная труппа западного типа и постоянная. Чья возьмет? Это не то же, что раздел МХАТа. Там ничего толком не изменилось: был один государственный театр, а стало два.

Мог бы... Да выйдет ли? Пакость театральной войны не только в том, что она на уничтожение. Она еще и без мирных договоров.

Фокин хочет перестроить театр. Ермоловцы не хотят.

Типичный конфликт. Типичный, ибо и не делиться — льется кровь. И делиться — по живому, кто-то будет ущемлен непременно. Мини-прибалтийская ситуация, с той лишь разницей, что это не национальные, а творческие чаяния и амбиции. Типичный конфликт, ибо нельзя точно сказать, что вот — одни негодяи, а другие правы. Но все постепенно доходят до ненависти, а выхода почти нет.

Типичный конфликт с обоюдными обвинениями, письмами в инстанции и прочими пиротехническими эффектами случился в Московском театре имени М. Н. Ермоловой в сезоне 1989—1990 гг.—по причине взаимных обид, переросших в нетерпимость, а также духа времени и бренности человеческого существования.

* Подумав, я решил не называть конкретные фамилии. Зачем усиливать личную неприязнь? И так уже в театре была драка, и малая никакая кровь (из носа ли, разбитой губы), но все же пролилась.

ИСКУССТВО И СВОБОДА

СКОЛЬКО СТОИТ «СЕРОЕ ВЕЩЕСТВО»?

Кто заказывает музыку...

Евгений ДОГА,
композитор

[illegible]

Пока мы были без охраны...

Арк. АРКАНОВ,
писатель,
давно зарегистрированный в ВААП

[illegible]

АНКЕТА ЛГ

[illegible]

Рис. Ю. МИХАЙЛОВА

На открытии Дней Андрея Тарковского в Юрьевце показали «Зеркало». Город смотрел его впервые...

Андрей — из — Юрьевца

П[illegible]НИЯ, как [illegible] «Зеркало» в 1975 году в Москве [illegible] в кинотеатре «Волга» остается [illegible] московских кинематографистов. Ничего подобного! В Юрьевце фильм смотрели затаив дыхание. А перед сеансом партийный руководитель говорил убежденно, как о само собой разумеющемся:

«Ни для кого не секрет, что мировоззрение великого режиссера Андрея Тарковского формировалось здесь, в Юрьевце».

Так и сказал: «мировоззрение режиссера ... ни для кого не секрет».

Интересно и то, что маленький Юрьевец — всего-то 15 тысяч жителей — стоит на Волге на границе Ивановской и Костромской областей — тоже ни для кого не секрет.

И как Тарковский связан с этой землей — тоже не секрет?

Увы, еще год назад в самом Юрьевце почти никто не знал и не помнил об этом.

●

Сквозь «Зеркало» Тарковского проходят двое маленьких детей. Мальчик — это он сам, а девочка — его младшая сестра Марина. Фильм, как известно, автобиографичен.

Попав в Юрьевец впервые после 1943 года, Марина Арсеньевна рассказывала:

— Наша мама — Мария Ивановна Вишнякова — окончила школу в Кинешме (Юрьевец находится от нее в часе езды. — Е. К.), где жила со своей матерью и ее вторым мужем — врачом Николаем Матвеевичем Петровым. Они приехали в приволжские места в 1919 году из Москвы. Николай Матвеевич был большим любителем природы и страстным охотником. Да и жизнь в провинции в те времена была спокойнее и сытнее. Своего дома у Петровых не было — они были бессребрениками, жили на частных или на казенных квартирах. Николай Матвеевич работал в Кинешме, неподалеку от Юрьевца, в селе Завражье и в поселке при заводе «Красный Профинтерн», наконец в самом Юрьевце.

В марте 1932 года наши родители выехали из Москвы в Завражье, так как было решено, что мама будет рожать у Николая Матвеевича. Там 4 апреля и родился Андрей Тарковский.

Маленькими детьми мы провели лето 1936 года у бабушки в Юрьевце. Потом бабушка перебралась к нам в Москву, но комнатка в доме № 8 на улице Энгельса осталась за ней. Туда мы и приехали в конце лета 1941 года — в эвакуацию. Маме не удалось устроиться на работу — мест не было. Жили на половину папиного военного аттестата и на мизерную бабушкину пенсию. Цены на рынке были фантастическими. Мама увозила на санки барахло, привезенное из Москвы, и через замерзшую Волгу шла на левый берег в дальние деревни обменивать на продукты. Мы с Андреем жили своей детской жизнью. Учились в начальной школе, которая помещалась в бывшем доме купца Флягина. На первом этаже были классы, на втором — зал, где проводили «утренники» и «крутили» кино. (Крутили в прямом смысле — ручку динамо.) Андрей был постоянным участником школьной самодеятельности — у него был высокий мальчишеский голос. Правда, пел он неохотно — дразнили местные ребята. Зимой Андрей катался с ними на лыжах с отвесных гор — чувство страха у него отсутствовало. Как и все, мы жили вестями с фронта. И два года каждый день бегали встречать почтальона, ждали писем с фронта — от папы.

Жизнь в Юрьевце запомнилась Андрею навсегда, врезались в детскую память события тех лет, волжские берега, юрьевецкие горы, школа...

В декабре 1972 года он приехал в Юрьевец, чтобы выбрать место для съемок некоторых сцен «Зеркала». И был разочарован — появилась дамба, ограждавшая город от «большой воды», гора за «флягинской» школой исчезла — ее срыли: нужен был песок для дамбы. Известный зимний «брейгелевский» кадр из фильма — это воспоминание о прежнем Юрьевце...

...И дом, где они жили, сохранился, и «флягинская» школа стоит. На открытии Дней выяснилось вдруг, что в зале две одноклассницы Андрея Тарковского. «Он, конечно, сильно отличался от нас всех — такой хрупкенький, такой интеллигентненький, веснушечки на носу...» — Рита Полушкина сидела с ним за одной партой.

Спрашиваю у Виктора Боковича, вице-президента Общества Тарковского, что дало ему для понимания творчества художника посещение Юрьевца?

— До приезда сюда мне казалось, что его рождение в Завражье — случайность, а вообще-то он, конечно, коренной москвич, городской житель. Оказалось, что это не так. Впечатления детства глубоко залегают на дно души. Приехав в Юрьевец, я почувствовал, что эти пейзажи я уже где-то видел. Где же? Начал вспоминать и вспомнил — в фильмах Тарковского...

●

В XVIII—XIX веках Юрьевец считался бурлацкой столицей и поражал своей красотой. Она и сейчас проступает из разрухи и запустения. Но городок все равно чудесный: нигде я не ощущал столько воздуха, простора, света. Юрьевцу повезло: его разрушало в основном время, не люди. И если не считать того, что в нем уничтожено 10 колоколен из 14 (одно из первых действий молодой Советской власти), можно сказать, что город еще прилично сохранился. По крайней мере не обезображен стеклобетонными постройками наших современников — промышленное строительство здесь было запрещено: московским генералам в этих местах нравилось отдыхать.

Но была у этого и оборотная сторона — город не развивался. Выкинутый за черту Золотого интуристского кольца, он мало кого интересовал. Молодежь из Юрьевца уезжает, и уже каждый третий здесь — пенсионер.

Если судить по названиям улиц и по мемориальным доскам (а их здесь четыре), отсчет времени в древнем — древнее Москвы! — Юрьевце словно бы начался с того момента, когда большевик товарищ Козлов основал в городе местную партячейку. А полгода назад, поспевая за всеобщим устремлением «к истокам», город увековечил еще один факт своей долгой истории: «В этом здании 10 мая 1918 года выступил Д. А. Фурманов».

Набережная Волги наречена здесь улицей Интернациональной. Параллельна ей главная и самая красивая в городе улица — Советская. Следующая параллель, с которой город живописно вскарабкивается на холмы, — улицы Розы Люксембург и Энгельса. Гуляем по городу — те же, что и 100 лет назад, деревянные деревенские домики, только подгнили кое-где. Это улицы Ленина, 25-го Октября, Трудовая, Фрунзе. Кто-то шутит: наверное, должна быть и улица Карла Либкнехта.

А вот и она: «Ул. Карла Либкнехта». Так и написано — через тире.

Юный Андрей Тарковский бегал в школу мимо церкви Богоявления, где служил протопоп Аввакум и откуда был изгнан «батогами и палками». В церкви многие годы помещался краеведческий музей. Три года назад совершилось благое дело — храм вернули верующим. Но город лишился музея: его экспозиция оказалась разве что не на улице: помещения не нашли.

У Юрьевца нет денег. Сначала, как водится, у него забирают все, что он зарабатывает, а потом из облбюджета выделяется милостыня.

●

Дни Тарковского стали паломничеством на его родину людей, близких ему, работавших с ним. Ехали в Юрьевец через Владимир и Суздаль — по местам, где снимали «Андрея Рублева».

— Прошло ровно 25 лет, как начались съемки. Но все это ожило, как будто было вчера. Вспоминали каждый шаг, — говорит Тамара Огородникова, директор «Рублева». Тарковский считал ее своим талисманом и снимал пусть в маленькой роли, но в каждой картине. — Эти дни я как будто с ним разговаривала...

Маргарита Терехова, как и все, бросив в Москве дела, впервые попала в город, где жила мать Тарковского, чей образ она создала в «Зеркале». Выступала, буквально обрушивая на аудиторию горы информации, сыпала именами, которые здесь вряд ли и слышали, — Бунюэль, Брессон, Бергман. Объяснила, какое место Тарковский занимает в мировом киноискусстве и как надо смотреть его фильмы, рассказывала о том, как не давали ему работать.

Марина Тарковская, киноведы Нея Зоркая, Вера Шитова, Виктор Божович, Наталия Вейжер, актеры Наталья Бондарчук и Юрий Назаров колесили по Юрьевцу — клубы и школы, льнокомбинат и сельхозтехникум. Ездили и в села, возили туда фильмы Тарковского, оставались после фильмов и комментировали их, «крутили» видеокассеты — выступали в день по 3—4 раза, и ночи валились с ног от усталости, принимали сердечно.

И город понял, что он связан с судьбой великого человека. Юрьевец, в который не возят экскурсии, впервые за многие годы почувствовал к себе интерес и приободрился. «Вы даже не представляете, что для нас значит ваш приезд», — сказал мэр Юрьевца С. Андреев.

В России город должен жить именами, чтобы жить.

Государство не потратило на проведение Дней ни копейки, спонсором выступил Московский инновационный коммерческий банк, уже заслуживший, кстати, известность благотворительной деятельностью. Все участники и организаторы отказались от гонорара. Сборы пошли в Фонд Юрьевна.

Дни Тарковского в Юрьевце провело Общество Тарковского при Союзе кинематографистов СССР и АН СССР и Фонд Тарковского, основанный полгода назад ЦЭНДИСИ — Центром научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив при АН СССР.

Интересно, что идея Общества Тарковского родилась не в Москве, а во Львове. Именно там по инициативе скромного любителя кино Юрия Кузина был проведен первый Всесоюзный «круглый стол» по проблемам философского кино, посвященный творчеству А. А. Тарковского. Тогда-то, в апреле 1988 года, в его итоговом документе и была впервые официально сформулирована мысль о создании Общества.

За каких-нибудь полтора года Общество встало на ноги, образовало фонд, провело международные чтения, подготовило к печати несколько сборников, выставки, активно участвует в создании музея Тарковского в Москве. И вот Юрьевец...

●

А в Юрьевце, как выяснилось, молодая учительница Светлана Жихарева уже два года независимо ни от кого собирает материалы об Андрее Тарковском, разыскивает всех, кто помнит его семью. Через автора «Зеркала» и «Андрея Рублева» по крупицам начал восстанавливаться целый пласт времени, проступили забытые культурные традиции, быт, нравы города, который строило и развивало за свои деньги здешнее купечество. Светлана решила вести в школе уроки истории мировой художественной культуры. Мечтает о том, чтобы и в Юрьевце был музей Тарковского, верит, что удастся увлечь своих учеников.

Общество Тарковского хочет того же самого. Оно будет оказывать всяческое содействие, предоставит для музея экспонаты. А потом на базе музея — это уже мечта общества — можно было бы создать и культурный центр. Увлеклись, кажется, этой идеей и местные власти. Во всяком случае, заверили, что к концу года из дома, где жила семья Тарковских, отселят последних жильцов и дом будет поставлен на консервацию и капитальный ремонт...

Ясно, однако, что при нашей-то жизни на любое дело, даже если все «за» и все прикладывают титанические усилия, уходят годы. И я думаю: «А не будет ли обречен новый музей на унылое существование вечно пустующего учреждения, где на стенах развешаны необходимые фотографии?» Значит, надо делать что-то, чтобы в городе начала зарождаться такая жизнь, которая бы востребовала этот музей как насущную необходимость.

— Общество Тарковского и Союз кинематографистов СССР будут оказывать Юрьевцу всяческое культурное содействие, — говорит директор Фонда Тарковского Паола Волкова.

Но что конкретно можно сделать уже сегодня и завтра?

В городе есть энтузиасты, которые хотят формировать киноклуб. Общество Тарковского готово доставать им видеокассеты с классическими фильмами...

Договорились и с руководителями города о постоянных контактах, условились, что в первое воскресенье августа, на День города, приедут снова.

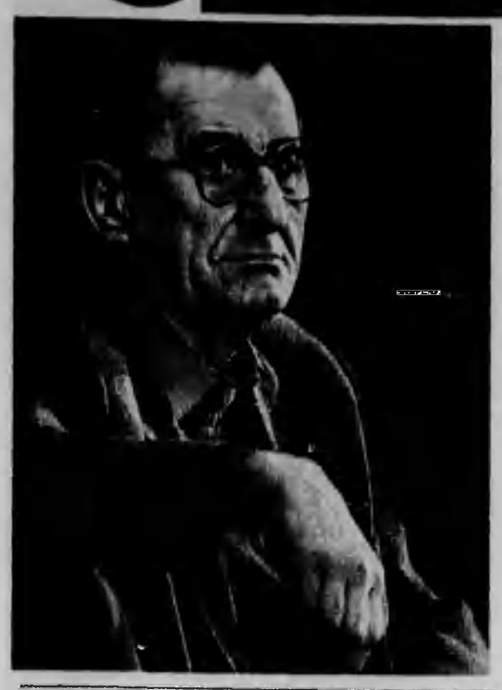
Кто знает, может быть, соединение двух этих инициатив — извне и изнутри — явится пусковым механизмом, хотя бы импульсом для возрождения самосознания города, столь необходимого для его общего постепенного возрождения? Вряд ли, разумеется, Юрьевец когда-нибудь станет русским Римини. Но любопытно, что уже сегодня есть богатые фирмы и богатые кооперативы, готовые давать деньги, когда слышат имя Тарковского...

Вечная тема: надо-де поднимать малые города, российскую провинцию — без этого и в столицах рассчитывать на новый ренессанс не приходится. Но может быть, Общество Тарковского нащупало конкретный путь? По крайней мере один из возможных? Вот так: потихоньку, потихоньку...

Евгений КУЗЬМИН

Фото М. ЛЕМНИНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 9.05.90 № 19 (5293) 9



Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

Парадокс фронтовой ностальгии

У ФРОНТОВОГО поэта Юрия Белаша есть стихотворение под названием «Что всего страшнее на войне». Один солдат говорит, что танки, другой, что бомбежка, третий про артобстрел, а четвертый, «табачком дымивший в стороне, и такой вдруг сделал вывод твердый: — Ну зачем вы спорите без толку? Ведь всего страшнее на войне — это когда, братцы, нет махорки...». Для меня же, испытавшего все, о чем спорят солдаты Ю. Белаша, самым страшным оказалось то, что я увидел в первый же рассвет на передовой, — раздетые до нижнего белья трупы наших солдат. Белье сливалось со снегом, а четко видны были лишь головы, кисти рук и ступни ног. Словно бы разъятые от тела, они страшными темными пятнами увиделись нам сквозь предрассветную серую дымку, и вид их ударил в сердце острой, не проходящей до сих пор болью...

Раздеты были все, кто лежал на передовой, на поле же боя раздеты были лишь те, кто находился вблизи, а те, кто дальше, до которых не добраться трофейным командам, остались одетые, вроде бы не такие жалкие, не такие ненужные... И подумалось тогда: пусть лучше убьют поближе к немцам, забоятся трофейщики туда ползти, хоть будешь лежать не опозоренным этим раздеванием. Хотя умом понимал, что не хватает нам всего, что нужно армии даже такое, пробитое пулями и осколками, окровавленное обмундирование, но душа не принимала: смерть для нас не превратилась в обычное, привычное, что будет всегда рядом, она была еще каким-то таинством, а покойник — чем-то святым, а потому раздевать его, тащить волоком в братскую могилу казалось святотатством... И надо сказать, что, притерпевшись ко многому на войне, к этому так и не привык...

Война окончилась 45 лет назад и уже реже снится ночами, а снилась она раньше часто, особенно часто до тех пор, пока я не съездил подо Ржев, на свою бывшую передовую, где и через двадцать лет после боев в этих местах лежали в лесу останки, одни уже только черепа тех, кто был со мной здесь, с кем, может, хлебал из одного котелка, с кем курил одну самокрутку из сухих пропрошлогодних листьев, так как с нами тоже случилось самое «страшное на войне», по выводу четвертого солдата из стихотворения Ю. Белаша, — не было махорки, как не было и хлеба, а лишь по сухарю на брата на день, как не было и хорошего навара, кроме жидки-пшенки по полкотелка на двоих. Тогда, в шестидесятых годах, фронтовая ностальгия навалилась на меня, она-то и заставила поехать на места боев, заставила протопать двадцать верст пехом от ст. Чертолино до бывшей передовой, по грязи и распутице. Ностальгия и сны, потому что снилось мне чаще всего именно возвращение в те места, где я начал войну. В снах я не узнавал бывшую передовую, наяву она показалась мне такой же, потому что в лесу встречались на каждом шагу каски, котелки, солдатские ботинки, цинковые ящики из-под патронов, снарядные гильзы, заржавевшие рубашки гранат РГД, а кое-где торчало, тоже заржавевшее, оперение невзорвавшихся немецких мин.

Необъясним феномен фронтовой ностальгии, которая томит всех нас, то отпуская на время, то схватывая снова, будто бы было на войне что-то хорошее, светлое, о чем стоит тосковать... Виктор Астафьев, воевавший рядовым, где-то писал, что, кроме непосильной работы, непроходимой усталости, он ничего на войне не знал. Добавлю к этому еще тяжелый невпроворот фронтовой быт, то в холоде, то в голоде, то в грязи, то в пыльной духоте, бесконечные ночные переходы, то марш-броски и постоянный недосып на передовой, где устраивали раннюю побудку немецкие минометы, а ночью не давали спать нежданные артналеты... А ежечасное ожидание смерти или какого-то страшного ранения, легкое-то — пусть, это не боишься, даже радуешься, что будет небольшой передых, отваляешься в недалеких тылах в санбате или фронтовом эвакогоспитале, отоспишься, а может, и отъешься малость...

Так что же вспоминаешь, о чем тоскуешь?.. О фронтовом братстве, о солдатской дружбе? Да недолгая-то, как правило, оказывалась дружба. Не успеешь только сойтись с кем, сблизиться, как ранит его или убьет, ведь короткий век у солдата на передовой, хорошо, если на две недели хватит, а уж месяц-два пробыть в боях — это уж «перебор». За это время так доходишь, что одна лишь мыслишка — убило бы или ранило поскорей, чтоб не мучиться, есть же предел человеческому терпению и силам... И еще угнетало нас на переднем крае, что не жалели нас командиры, что бросали в необдуманные, заведомо обреченные на безудачу наступления, что воевали мы, не считаясь с потерями, а побед добивались «любой ценой»... Сейчас-то думаешь, скольких положили зазря. Из-за неумения, из-за амбиций, из-за того, что брали города к праздникам... И всегда, всегда — **любой ценой!** А сколько могли бы жизней сохранить, воюя хотя бы чуть умнее, чуть расчетливее, чуть больше жалея людей... Нет, не жалели, как не жалели их в 17-м, в 21-м, в 29-м, в 37-м, а уж на войне сам Бог не велел жалеть, победа-то важнее. У нас всегда важнее всего какие-то результаты, а не люди. Людей в России навалом, хватит...

Так откуда же эта ностальгия, почему бередит она наши души? Может, потому, что пришлась война на пору нашей юности? Так испохабила война нашу юность, порвала на клочья, вырвала из жизни самые лучшие годы, не говоря уж о том, что в живых из нашего поколения остались, дай Бог, пятеро из ста, ведь в первые же месяцы войны весь удар немецких войск приняла кадровая армия, состоящая из ребят 19-го, 20-го, 21-го и 22-го годов рождения, сколько из них убито — до сей поры неведомо, в плен попали миллионы, а сколько из них выжило?.. Нет, не в юности, наверно, дело. Она, быть может, лишь помогла нам выдюжить, вытерпеть эту так варварски ведущуюся войну, и не столько физическими силами, сколько нашим юношеским идеализмом, так бездарно и подло используемым Сталиным, нашей верой в справедливость войны, которой — мы-то не знали этого! — можно было бы и избежать или принять ее в более для нас благоприятных условиях. Мы вообще тогда ничегошеньки не знали, хотя нутром почувствовали: что-то с этим пактом с Германией не так и не то. Не ведали и о том, что коллективизация в России, так напугавшая немецкого бауэра, способствовала приходу Гитлера к власти, что «удружил» Сталин нацизму, расколов социал-демократическое движение, лишив его союза с компартиями, ослабив этим и сами компартии. Многого мы тогда не знали, и это неведение помогало воевать, все для нас было ясно и просто — фашизм напал на нашу страну, надо воевать, надо победить его...

Может быть, после Победы зажили хорошо? Увы, нет. Надежды наши, что после войны начнется распрекрасная жизнь, что Сталин, убедившись в верности народа — а какое еще большее доказательство требовалось, чем победа в войне? — прекратит репрессии, тем более в войну они притихли, — не оправдались. Вернувшиеся инвалидами, особенно те, кто не работал до войны, получили такие нищенские пенсии, которых не хватало даже на то, чтоб выкупить карточный паек... Тут попалась мне «Литературка» 1948 года со статьей о плохом качестве протезов, и вот почти полвека прошло — и те же разговоры, уже для новых инвалидов — афганцев. Мой школьный друг из-за того, что сломался у него протез, упал, сломал вторую ногу, превратившись на несколько месяцев в лежачего больного, а что было бы, если бы не срослась кость?.. Денежная реформа 1947 года подняла цены на продукты в два раза по сравнению с довоенными, а зарплата осталась прежней. Правда, полны были магазины, но покупать-то не на что... В конце 48-го и в 49-м начали прибирать тех из политических, кого освободили в 47-м, тех немногих, кому не добавили срок в лагерях, и тех, кого сактировали по болезни. Снова арестовывали, производили обыски, а потом в теплушках вывезли в Красноярский край, выкидывая частями на сибирских станциях и полустанках на вечную ссылку. В эти же годы стали сажать бывших военнопленных, прошедших причем проверки в 45-м, и отправлять в лагери. Я думаю, сам Сталин не верил в предательство этих людей, просто надо было избавить общество от тех, кто много знал: политические могли рассказать, и как велось следствие, и о лагерной жизни, бывшие в плену прошли обработку пропагандой и со стороны немцев, и со стороны нербовщиков РОА, которые во многом их просветили — о коллективизации и о 37-м годе. К тому же в те годы прокатилась волна арестов в высших учебных заведениях, причем бывших фронтовиков... И все наши надежды, что изменится что-то, рухнули. Нет, не было в нашей послевоенной жизни светлого, о чем можно было бы вспоминать с ностальгической грустью, считались мы «потерянным поколением», хотя говорить об этом не полагалось: у нас, дескать, такого явления быть не может... Для нас тогда многое было совсем непонятным, да и неудивительно: мы родились в этом режиме, другой жизни не знали, если не считать туманных воспоминаний о последних годах нэпа, когда в Охотном ряду ломились прилавки от всяческих продуктов. Но четче помнили мы о карточках, об очередях, о синих кроличьих тушках, названных в народе «сталинскими быками».

Да, мы тогда почти ничего не понимали, да и откуда, когда многие сокровища человеческой мысли были для нас закрыты, а ведь прочти мы тогда хотя бы строчки из «Несвоевременных мыслей» М. Горького о том, что «народные комиссары относятся к России как к материалу для опытов, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку...», мы бы поняли кое-что в жизни... Не знаю только, лучше было бы все знать или находиться в неведении? А между прочим, та «сыворотка», выработанная «жестоким» и заранее обреченным на неудачу «опытом», по словам Горького, явилась — что мы сейчас видим — сильным иммунитетом против бредовых идей «земного рая», всемирного «счастья», в которое надо «загнать человечество железной рукой». Только больно и горько, что опыт этот стоил так дорого, стольких человеческих жертв, что сейчас среди почти трехсотмиллионного народа не можем найти альтернативы главе правительства.

Итак, находясь в полном неведении, мы быстро смирились с послевоенной жизнью, главное же — война позади, мы остались в живых, а впереди — заманчивые дали коммунизма, в котором будет все «по потребностям». Сказать, что верили мы в это безоглядно, конечно, нельзя. Но все же надеялись на что-то лучшее.

Мы и сейчас снова надеемся на лучшее, не особенно вникая в печальный парадокс наших дней, который мало что оставляет от надежд. А парадокс в том, что партия (ее лучшая часть), провозгласив перестройку, сама же и тормозит ее в лице другой, скажем, не лучшей ее части, которая никак не может расстаться с монопольной и бесконтрольной властью, а потому не может или не хочет отказаться и от тех коммунистических мифов, которые ей эту власть и дали, и которой партия пользовалась более 70 лет, ни за что не отвечая и доведя страну до краха. И если партия не отмежуется от своей реликтовой части, тянущей ее назад, то мне кажется совершенно неизбежным, что при свободных выборах и при наличии к тому времени каких-нибудь других, более радикальных партий она потерпит такое же сокрушительное поражение, которое потерпели коммунистические партии Восточной Европы. А мне бы не хотелось этого, не потому, что я питаю нежные чувства к «родной и любимой», а потому, что вижу в современной партии реальные и свежие интеллектуальные силы, способные повести страну к подлинной демократии и к радикальным экономическим реформам. Разумеется, при условии полного отказа от обветшалой и оказавшейся гибельной для страны идеологии...

Однако и с ней дело обстоит не так то просто. Письма, которые я получил от читателей по поводу своей статьи «Поговорим об идеалах», показывают, что из сознания многих людей еще не ушла вера в коммунистические идеалы. Сколько бы сейчас ни говорилось и ни писалось об утопичности этих идеалов, надо признать, что они делали скудную и серую жизнь простого человека в какой-то мере **одухотворенной**. Ведь сознание, в котором существует постулат «не для себя живем, а для будущего», — это сознание альтруистическое, сходное с религиозным, которое, несомненно, как-то **осмысливает** жизнь человека и его нельзя совсем сбросить со счетов.

Мы почти все сегодня понимаем, что рынок неизбежен, что надо приблизиться к живой настоящей жизни и отречься от схем и абстракций, но как убедить в этом значительную часть народа, который, несмотря на то, что жил и живет в материальном отношении плохо и бедно, существовал все же в некоем психологическом комфорте, имея ясные и понятные цели.

Но я отвлекся от войны, которая, несмотря ни на что, вспоминается воевавшим хорошо, потому что все страшное и тяжкое в физическом смысле как-то смылось в памяти, а осталась лишь духовная сторона, те светлые и чистые порывы, присущие войне справедливой, войне освободительной. Была в войне одна странность — на ней мы чувствовали себя более свободными, нежели в мирное время. Казалось бы, что за свобода у солдата, над которым все, начиная с ефрейтора, — начальники?.. Конечно, когда «гонят» в наступление и топаешь по полю, подставляя себя под пули и осколки, тут ты «пушечное мясо», тут от тебя мало что зависит, но если повезет и дойдешь до окопов противника, вот там ты можешь себя показать, там ты сам себе голова. Там тобой никто не командует, там многое в твоих руках, если не все. Ну, и в обороне тоже нужны и ум, и смекалка. Есть у меня рассказ «Знаменательная дата». Его герой, бывший солдат Отечественной, говорит своим собутыльникам, тоже ветеранам:

«Ну вот, взять меня, например, токарь я сейчас, скажу, не хвастаясь, неплохой, но, предположим, уйду со своего завода, и ничего от этого не случится, ничего не изменится, поставят другого работягу, и будет тот вкалывать, а на война... Нет меня на левом фланге с ручником — что будет? А то, что прорвется фриц в этом месте! Там я задержу гада! Не пройдет, подлюга! На войне я был до необходимости необходим. И не всякий меня заменить можно было. Вот предположим, что вместо меня на том левом фланге с тем же ручником другой солдат. И уже уверенности нет, что он немца задержит — и глаз другой, и смекалка, и характер послабже, может... Там такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь... Ведь верно... А сейчас... есть я, нету меня, все по-обычному течет»

Да, в мирной жизни в нашем обществе так и было: «есть я, нету меня» — все по обычному течет», так как ничего от отдельной личности в нашем родном государстве не зависит. А на войне было по-другому: там каждый чувствовал свой личный вклад в победу.

И еще одна степень свободы была у человека на войне — свобода от идеологии. Хотя война и велась под привычными советскими лозунгами и призывами, хотя и кричали порой солдаты по инициативе политруков «За Родину, за Сталина!», но не за Сталина, разумеется, мы воевали. Об этом хорошо сказано у того же Юрия Белаша:

Если признаться честно —
меньше всего в окопах мы думали
о Сталине.
Господа бога вспоминали чаще.
Сталин
никаким боком не прикладывался
к нашей солдатской войне
и говорить о нем —
просто не находилось повода.
И если бы не газеты,
право слово, мы бы так и забыли
эту, не встречавшуюся в русском языке
фамилию.

Здесь кстати сказать, что Сталин еще до войны стал поминать «великих предков», в преддверии ее он вполне справедливо возлагал больше надежд на русский патриотизм, чем на идеологию.

Да и слишком тонка была эта идеологическая пленка в сознании народа, всего двадцатилетней протяженностью, перед извечным, на родным чувством любви к Отечеству и извечным стремлением защищать свою землю. Поэтому советская идеология, на мой взгляд, почти не играла никакой роли в Отечественной войне правильно так названной, потому как по своей внутренней сути таковой и являлась. И тут был бы Сталин, не было бы его — русский солдат воевал бы так же беззаветно, так же мужественно, как воевал во всех войнах, которые приходилось вести нашей стране.

А вот это — «такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь», — есть же не что иное, как истинное и подлинное чувство гражданина, ответственного за свое Отечество. Мне думается, этим и объясняется фронтовая ностальгия: потому что война была тем временем, когда человек брал выше себя самого, ощущая, что он «до необходимости необходим» своей Родине, чувствуя личную ответственность за ее судьбу.

Но, победив фашизм, освободив от него Европу, мы вернулись все же не победителями, точнее, мы чувствовали себя ими так недолго, пока на что то надеялись, а когда надеждам не суждено было сбыться, разочарование и апатии, которые мы тогда для себя объясняли усталостью и спадом после нечеловеческого напряжения военных лет, напали на нас... Понимали ли мы тогда, что, спася Родину, Россию, мы спасли и сталинский режим? Наверное, нет... Но даже если бы в войну мы все понимали, то все равно воевали бы так же, предпочтя свой, доморощенный тоталитаризм чужеземному, гитлеровскому, потому что насилие от своих сносить легче, чем от чужих...

Ну, а освобождение Европы, чем мы гордились в 48—49-х годах, обернулось не освобождением — сталинская рука простерлась и над странами так называемой народной демократии. Это-то мы тогда поняли, несмотря на пьесы вроде «Заговора обреченных» Вирты или «Под каштанами Праги» Симонова.

Да, война почти перестала сниться мне, но горькие и все же светлые воспоминания о ней не покинули меня. Война оказалась для нас самым **главным** делом нашего поколения, и тут ни убавить, ни прибавить. Тот чистый порыв любви к своей Отчизне, тот жертвенный накал и готовность отдать жизнь за нее незабываемы, такого больше не было никогда. Недавно, когда я разбирал архив, мне попались мои письма матери с Урала, где формировалась наша стрелковая бригада, которые она сохранила. Я абсолютно не помнил, что и о чем я ей тогда писал, а потому с интересом стал читать. И что же — в них я увидел, как довольно спокойно я подготавливал себя и мать к возможной смерти, писал, что погибнуть у стен родного города не страшно, что самое главное — не допустить немцев в Москву... И так далее, в таком же романтическом, но более или менее трезвом духе, потому что, прослужив уже два года в армии, я знал, что такое пехота, в которой мне доведется воевать, знал, как мало шансов остаться в живых... И готовил себя и мать. И удивила меня в этих старых письмах какая-то примиренность со смертью, готовность к ней. А был мне 21 год от роду... Разве забыть такое?

А подобных писем было миллионы, с фронта в тыл и с тыла на фронт, и во всех — вера в победу, готовность отдать за нее жизнь. Не клялись в любви к России, не били себя в грудь — просто умирали за нее. Вот этой бы скромности и тихости чувств нашим новоявленным патриотам, большинство из которых еще ничего не сделали для России существенного, в которых за всеми их заклинаниями больше видится не любовь к России, а любовь к себе — русскому, будто бы это не случайность рождения, а какая-то особая заслуга...

МЕНЯ не очень печалит, что к 45-летию Победы не сооружен еще монумент, что нет памятников военачальникам, даже самому Жукову, кстати, назвавшему русского солдата «творцом Победы». Меня угнетает, что к этой дате мы так мало сделали для того, чтобы эти «творцы Победы» — инвалиды и ветераны Отечественной, отдавшие столько сил и крови для спасения Родины, которых осталось не многим более 5 миллионов, — последние годы своей тяжкой, полной лишений жизни дожили **по-человечески**.

Ну, а мне уже до конца дней не забыть «самое страшное» на войне, что я увидел в первый же день на передовой, — раздетых до исподнего наших убитых солдат, раскиданных повсюду, острую боль и жалость, ударившие в сердце, а потом, через неделю-две, — неестественное, вялое равнодушие к каждодневным потерям, к стонам раненых: страшное привыкание к убийству людей людьми, ставшее обыденным, вроде бы нормальным образом жизни человека на переднем крае.

Не дай бог, чтобы такое повторилось когда-нибудь.

Фото В. БОГДАНОВА

ВЗГЛЯД ■ Ю. РОСТ

ПРОЩЕНО?..

Победа — и многое прощено.

Победа — и жертвы оправданы: миллионы, и среди них (сегодня вспомним особо) сотни тысяч жизней, положенных накануне Дня, который мы отмечаем, одним полководцем только для того, чтобы взять уже дышавший на ладан Берлин раньше другого полководца и доложить об этом третьему.

И ложь, и жестокость режима, губившие человеческое в человеке, посеявшие вражду, поправшие совесть и достоинство, оправданы тоже.

Значит, все счета оплачены, раз наступил 45-й?

Жаль, не узнали об этом те, кто не дошел — погиб «во Имя».

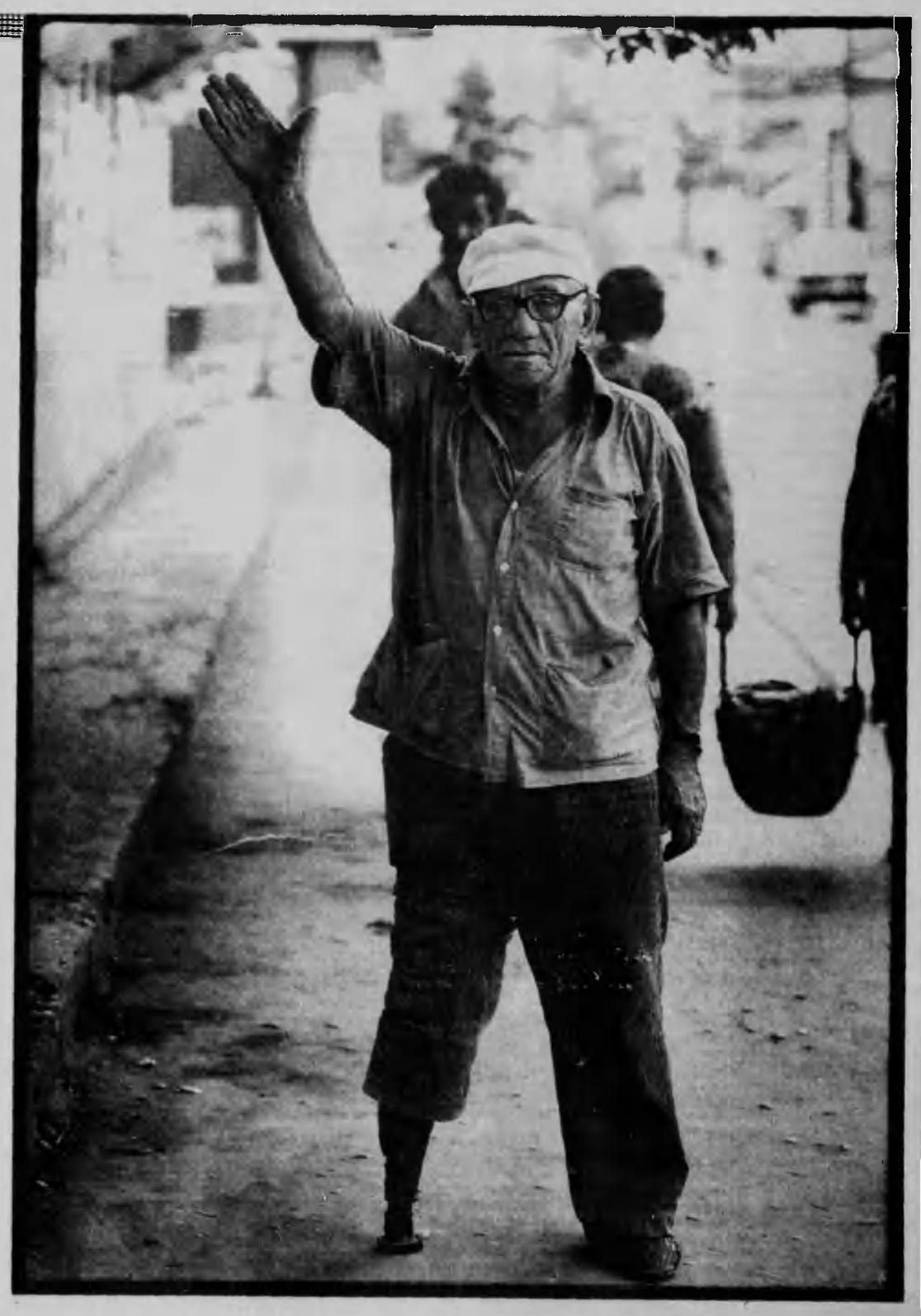
Кланяюсь в землю солдату, вдове, сироте.

Колени преклоняю перед памятью павшего, забытого.

Испытываю стыд перед всеми, кто руку приложил к Победе, — за памятные парады вместо жилья, за подачки вместо еды, за отличительные значки вместо нормальной жизни. Вместо жизни, достойной людей...

...Он поднял руку, остановившая съемку. Из орденов на нем была деревянная нога. «Не снимай, — сказал он твердо. — Мы победили в войне. Но не освободили ни себя, ни вас. Или, может быть, потому и не освободили?..»

Я все-таки снял его.



Сороковые роковые...

Фото П. КРИВЦОВА

Евгений НОСОВ

фанфары и колокола

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

А. ТВАРДОВСКИЙ

ТРЕТЬЯ военная весна застала меня за Днепром, на неприютном плацдарме между Рогачевом и Новым Быховом. Кусок вражеского берега удалось захватить зимой по еще непрочному льду. Темной вьюжной ночью были спущены заранее приготовленные лодки, и, пока противник обнаружил неладное и в несколько минут разнес не только хлипкую переправу, но и весь лед на реке, наша пехота с кое-какими средствами поддержки успела-таки прошмыгнуть на ту сторону и поднять тарарам. Внезапностью береговые укрепления были преодолены, но все дальнейшие попытки и на второй, и на третий день перерезать проходившую неподалеке железнодорожную рокаду Могилев — Жлобин не имели успеха. Оказалось, дорогу прикрывала еще одна линия обороны, и на ее подступах немало серошинельного люда запуталось в колючей проволоке и утонуло в снегу открытого пристрелянного ветрополья.

Наконец героическими усилиями пехоты, буквально продравшейся сквозь мины и проволоку, и вторая траншея была взята, и фронт замер в непрочном равновесии. Когда потом нашу противотанковую батарею донимали тяжелые фугасы, бывалые старички говорили, будто это шарахает окрашенный в белое немецкий бронепоезд, неуловимо разъезжающий за передним краем по так и не прерванной рокаде.

Кроме обстрелов и обхлестов рамы, противник ничем особенно не беспокоил. Правда, в середине марта была одна разведка боем. И пока стояли холода, на батарее, врубленной кирками и ломами в бетоноподобную мерзлоту, особенно нечего было делать, разве что иногда отбросить с огневой нападавший снег или протереть ветошью снаряды. В дневное время, тем паче в ясную погоду, когда в любую минуту в небе мог появиться корректировщик, высовываться наверх запрещалось, и мы поневоле обитали в тесноте и погребной спертости землянок, угнетаемые житейской несвежестью поздно приходящих газет или осточертевшими беседами об устройстве материальной части. С первым веянием весны эта подземная жизнь стала невыносима. Мы сделались раздражительными, едва переносили учебу и всякого рода политико-воспитательные мероприятия, затеваемые батарейным замполитом, и то и дело между нами вспыхивали злые матерные перебранки.

А весна все больше давала о себе знать.

И вот однажды сквозь блиндажный накат прямо в нашей забарабанила весенняя морзянка. Протекло сразу в нескольких местах, и все, обрадовавшись этому обстоятельству и враз придя в неистовое возбуждение, вылетели вон. Пропитанные махрой и гарью коптилок, мы подслеповато, будто норные звереныши, щурились от нестерпимой сини над головой, жадно тянули в себя пахучий, как бы нездешний воздух. От ярко выбрызнувшего солнца и влажного растопляющего ветра снег на блиндаже и снарядном укрытии заноздревател, отяжелел и пришел в скрытое движение, проступивший бруствер орудийного окопа отмяк и пополз по откосам рыжей парящей сметаной.

С огневой позиции, отрытой в мелком лознике на возвышении, просматривался весь «передок» — скучная открытая равнина, в мирное время должно быть служившая просто выпасом для скота. С наступлением тепла она стала походить на линялую шкуру в пятнах грязных проталин с блюдцами талой воды, заполнившей воронки. Метрах в двухстах перед нашими капонирами рыжим глинистым зигзагом проползла пехотная траншея. За ней — уже ничейная земля, так называемая нейтралка, заминированная и заколюченная с обеих сторон — и от нас, и от них. Как раз против батареи в полуверсте по-прежнему уныло чернели два сгоревших немецких танка — итог последней ихней вылазки, затеянной недели две назад. Видно, щупали, что мы накопили на этом участке перед большим разливом. Мы считали, что танки принадлежат нам, то есть пятой батарее, но на соседней, четвертой, неожиданно подняли хай, считая, что по крайней мере один из танков ихний. Как бы не так, танки ведь шли именно на нашу позицию. И пехоту можно об этом спросить. Их было восемь штук и один «фердинанд». И вот два остались на нейтралке. Как раз против нас. Это же и дураку ясно. Мы тогда тоже понесли потери — ящичного и одного офицера. А на четвертой — никого. Просто по ним и не стреляли, потому что ихняя позиция находится на фланге. Ну, а еще мы хорошо рубанули беглым осколочным по автоматчикам. В бинокль можно было видеть, как десятка два-три фрицев в маскхалатах валялись среди черных пятен наших разрывов. Правда, потом убитых не стало: ночью немцы всех утащили к себе. В этом деле они тоже любят порядок. Говорят, у них есть специальная лебедка для вытаскивания трупов. А насчет танков — надо просто сползать туда спецам и удостовериться, какие, куда и чьи попадания. Можно определить по следам гусениц и углам пробоин. Но спецы что-то не хотят, видно, побаиваются, все-таки танки теперь пристреляны. Выходит, все надо делать вовремя.

— Братцы! Жаворонок! — восхищенно заорал Пермяков. Мы никогда не называли друг друга по имени, и потому я не знаю, как его звали. — Жаворонок поет!

— Где?! Где?!

— Да тише вы! Слушать надо. Не видно пока.

— Сперва надо услышать, а потом уж на голос глядеть.

— Вижу! Вон он! Во-о-он! Глядите на облако... Ну молодец: прилетел!

— Что за чэпэ? — выставился из своего блиндажа новый командир огневого взвода, недавно прибывший взамен убитого.

— Весна, товарищ младший лейтенант! Потолок протек!

— А ну не высовываться мне!

— Так ведь тихо. Небо чистое, нигде ничего.

— Р-разговорчики! — пресек лирику командир.

Обшарив глазами небо, тут и там запятнанное облаками, он, однако, и сам снял еще совсем новую серо-голубую училищную ушанку и, зажмурясь, смежив ячменно лучившиеся на свету ресницы, подставил свое строгое пацанье лицо солнцу. Не раскрывая глаз, продолжая дремотно нежиться, он проговорил с ленивой начальственной растяжкой:

— Та-ак... Два человека: Носов, ну и ты, Панюков.

— Тут я! — поспешил высунуться из прохода Панюков. Он всегда пугался собственных слов, при этом его зеленые глаза останавливались и округлялись, будто ожидали пощечины.

— Пойдете к старым немецким траншеям, — продолжал младший. — Поищите досок, порожних ящиков, ну и всякого такого. А то скоро на огневой утонем по уши.

— Сейчас прямо? — испуганно округлил глаза Панюков, как и я, обрадованный, что предстоит куда-то идти.

— Сразу и пойдете. Да по блиндажам поищите железных скоб. У немцев все капитально, так что скобы должны быть. Нам тоже надо бы накаты схватить. Зимой, поди, на авось делались. А теперь вся наша держава оттаяла. От первого же близкого разрыва, как тогда во втором расчете, все перекрытия рухнут. Понятно говорю?

— Да уж чего уж...

И ВОТ МЫ ПОШЛИ. Потопали на восток, к Днепру. Ноги будто радовались возможности идти куда-нибудь, сообщая эту ножную радость душе, а уж у той свои утехи: после окопов и землянок — обостренное чувство простора, сладкий ветер, рожденный обильной водой и взопревшей землей, рвет прокуренную грудь, пьяно отдает в голову. И предвкушение воли, краткой свободы, предоставленности самим себе — ни команд, ни жестких окриков, без чего невозможно массовое окопное существование. А еще радуешься, что идешь в тыл, будто на побывку в иную жизнь. Конечно, иная жизнь там, за Днепром, где посыпаны песком штабные дорожки и пахнет парикмахерской. Но то заречное бытие для многих несбыточно. Солдату-обмоточнику, если он каким-то образом не связан с политорганами, особотделом или какой-нибудь самодеятельностью, вовсе там делать неча. Очутиться же по ту сторону у него только одна уважительная причина: если его шарахнет, продырявит или отшибет что-нибудь. Но мы рады и этим своим безлюдным двум-трем тыловым верстам, куда пули уже почти не залетают или обессиленно дохло шлепаются о комья земли, в порушенное железо. Здесь не надо кланяться каждому вжику и можешь ходить по-человечески, как когда-то на гражданке. Чего же еще надо для счастья!

Но главная радость — весна! Какое это все-таки окрыляющее чувство! Особенно здесь, на передовой, где все — и человек, и каждый куст, и всякая пичуга — пребывает на весах жизни и смерти. И потому любая вешняя примета бытия имеет особый знак и особую цену. И все же на дне нашей радости остается неизбывная печаль, возможно, от неопределенности солдатской судьбы, а может, и от неосознанного ощущения несовместимости этой взрытой войной земли с вольным, величавым ходом облаков. Уже завтра облака будут где-то далеко над Россией, и даже вполне может быть, что пройдут они над самым твоим домом, над двором, где мать как раз примется натягивать веревку, чтобы развесить свои изношенные постирушки.

И по сей день вольное шествие облаков вызывает во мне грустное чувство собственной бренности и несвободы.

Впрочем, что мнит себе Панюков, я не знаю. Он уже мужик, лет на пятнадцать старше меня, у него семья, хата в деревне, а потому, надо полагать, одолевают его какие-то свои думы, радости и печали. Он шел впереди меня, время от времени оборачивался и испуганно округлял глаза: иду ли я? И тогда я видел его бурачное лицо с широкими, как у пермского божка, скулами, маленький вздернутый и всегда как бы озябший нос, под которым нехотя пробиваются чернявые усики. Обтекая рот, усики переходят в изреженную скопческую бородку. Вся эта поросль пребывала в одной зачаточной поре, и Панюков никогда не брился. Убедившись, что я не отставал, он снова принимался вышагивать частыми спорыми шажками, постукивая самодельным щупом-костылем, каковым наш брат солдат обшаривал брошенные и выжженные усадьбы в поисках какой-нибудь зарытой снеди. Таких приспособ было множество, каждый ладил себе на свой вкус и аршин. Взял он его с собой, наверно, просто так, для надежности хода, поскольку на нашем берегу в окружном обозрении никаких поселений не было видно.

На Панюкове — замызганный синий треух, которым он выхватывал из печки кипящий котелок, а перед сном подкладывал под голову поверх облюбованной и специально сберегаемой чурочки, служившей ему подушкой. Чукаватая телогрейка едва схвачена брезентовым ремнем, просторные же ватные штаны неладно пузырились на засаленном заднем месте и при каждом шаге складывались то русской буквой «м», то немецкой «w». Так и мелькало передо мной: M — W, M — W... Если бы не защитный цвет да не обмотки на упористых кривых ногах, своей экипировкой Панюков (как, наверное, и я тоже) больше всего походил бы на долгосрочного, ко всему притерпевшегося зэка. Впрочем, он, кажется, уже сколько-то отбывал за... в общем, сказанул лишку на чужой завалинке. Может, оттого теперь в присутствии мало-мальского начальства он оробело округлял глаза и, что-либо сказавши, цепенело выжидал, не будет ли каких последствий. Но в бою, у орудия вел себя независимо, без суеты и подавал снаряды, как подавал бы снопы в молотилку.

Мы шли пока без хлопот по натоптанной и еще крепкой тропе, что вела на батарейную кухню. Продовольственные тылы Усова почти на километр отстояли от боевых порядков и прятались от постороннего глаза в забурьяненном овражке.

— Слышь, Усов чечевицу заварил, — оповестил Панюков.

И верно, встречный косой ветер доносил из оврага дразнящий запашок какого-то незнакомого варева.

— Точно, чечевица! — возбужденно выкрикивал Панюков, штанами продолжая выделывать буквы. — Я ее по запаху за версту унюхал. Знаешь, чем пахнет?

— Не знаю.

— Домом пахнет. Деревней! Так и кажется: вот сейчас спущусь в овраг, а там хата моя стоит, баба супчик варит.

— Ни разу не пробовал.

— Что ты! Особенно со свиным сальцем!

— Нет, не ел. У нас в городе ее что-то не было.

— Ну вот Усов наварит — попробуешь. У-у! Вообще-то его больше перловкой кормят. А мне — в самый раз! Люблю — прямо страсть! Бывало, во время посевной в колхозе из сеялки незаметно начерпаешь карман или в сапоги насыплешь, принесешь домой... Красота! Интересно, где Усов ее взял? Раньше никогда не варил: все пшенка да пшенка.

— Привезли, должно.

— Не иначе. А то разольет — подвоз надолго кончится. А пока лед на Днепре еще держит. И наша тропка тоже молодец — выручила. А дальше, брат, целиной пехать.

— Куда ж денешься, — поддержал я разговор, удивляясь тому, как Панюков разговорился на воле.

— Ты поосторожней, когда свернем с тропы. Целься по моим следам, а то мины могут быть.

НА ПОВОРОТЕ, где тропа круто уходит вправо, к усовскому хозяйству, мы, перед тем как сойти в бездорожье, остановились перекурить. Панюков, никогда не куривший всерьез, скрутил для своей потехи козью ножку. Я же заделал обычную цигарку, похожую на жирного саранчука, сквозь газетное брюхо которого прощупывалось грубо накрошенное курево. Проводя по цигарке языком, я невольно устремил взгляд в поле. И тут среди его талой запятнанности, в вешнем хаосе осевшего грязного снега, вытаявшей земли и путаницы прошлогодних трав, совсем близко, всего в нескольких шагах, вдруг увидел разительно желтую скрюченную кисть руки, торчавшую из рукава шинели. И только потом определилось все остальное: среди стеблей отмершей травы ничком лежал убитый солдат, своей шинельной серостью похожий на земляную кочку. На его плоской спине горбился вещевой мешок, уже успевший полинять и обесцветиться. Шапки на солдате не было, и голова, повернутая лицом от нас, серела в нашу сторону коротко остриженной макушкой с крутым упрямым завитком в самом центре.

— Гляди кто... — потрясенно выдавил я.

Панюков перехватил мой взгляд, округленно вытаращился в то место, но произнес неожиданно легко:

— А-а, мертвик! Оттаял... Пойдем поглядим.

Он взял меня за рукав, но я, весь напрягшись, воспротивился его приглашению. Нет, это не первый труп, который я видал. На моих глазах гибли товарищи, мне приходилось брать их за руки и ноги, нести к могиле, забрасывать землей. Но в этот момент я почему-то испытывал неодолимую брезгливость, а еще больше — ознобляющий страх, унижавший перед Панюковым. Тот же, обойдя убитого, склонился над его лицом, опершись грудью о железный костыль.

— Бедолага... — обронил он, разглядывая. — За шиворотом — лед. Значит, изнутри еще совсем мерзлый. Иди сюда, чего ты?

— Я тут покурю, — отвернулся я, как бы от ветра, и усердно принялся сечь кресалом.

А Панюков все докладывал:

— На погонах — по три лычки. Сержантом был! Небось кричал: «В ш-шеренгу становись! На первый-второй р-рассчита-айсь!» Ну, вот и все! Хана! Со всеми рассчитался... Тебе, Носов, годов-то сколь?

— В этом январе было девятнадцать. А что?

— Он тоже вроде тебя. Поди, двадцати тоже еще нету. Салага! Должно, и школу не успел закончить. Связал бечевкой учебники и пошел... Во, кто-то вещмешок ему распорол... — Зазубренным концом щупа Панюков вытащил из прорехи сначала тряпицу, когда-то служившую полотенцем, потом алюминиевый котелок, простреленный в двух местах. — Небось бритву искали. А больше что у него взять... Затертый обмылок... Ну, огрызок чернильного карандаша... Кругляшок зеркальца... Вся и пожива. А бритву — ладно. Бритву можно взять. Чего ей зря пропадать. Бритва солдату нужна. Может, через нее и помянет сердешного... А ты чего отворачиваешься? Боишься?

— А чего хорошего?

— Брось! Чего там! Лежит себе и лежит. Еще совсем ничем от него не пахнет. Только мокрой шинелью. Вроде лег полежать... Мы, может, тоже так вот скоро ляжем... Чего самого себя бояться? Вон, вишь, рядом еще вытаял... Кажись, тоже сержант. Только младший.

Я с опаской покосился в ту сторону. Теперь мне за каждым сгущением прошлогодней травы, за каждой земляной неровностью чудилось то нечто похожее на кирзовый сапог, то на шинельное возвышение.

— Тут целое поле ими устлано, — озабоченно говорил Панюков. — Снег сойдет — все как на ладони будут. Ну, а жара хватит, тогда сюда не сунешься. Усову для своей кухни придется другое место искать.

— Но почему... почему их не убрали? — вырвалось у меня.

— Да оно как... Вроде и никто не виноват. Ту часть, которая сюда первой ворвалась, вскоре отправили на пополнение. Потому как от нее остались одни рожки да ножки. Родная часть, стало быть, умотала залечиваться, а ее битые солдатики тут остались. А которые на смену пришли, заволынили: дескать, это не наши лежат, нечего нам чужих подсовывать. У нас, мол, на них и документов нету. Им ведь тоже неохота дурную работу делать. Земля мерзлая, снегом все завалило, а тут еще мин полно. Такая, брат, перетычка... И вот лежат смертью храбрых... Вроде как ничьи, бесхозные.

— А как же теперь?

— А чего гадать? Вот Днепр пошире разольется, отрежет всех нас от того берега, немец возьмет да и шарахнет изо всех сил. Думаешь, он зря прошлый раз в разведку боем ходил? Не-е! Это он нас прощупывал: крепки ли? А чего танков тут нет, негде им притаиться. И почти вся артиллерия на том берегу. А тут так, хлопушки, вроде наших... Нынче все про одно думают: уцелеем или нет, ежли вода разольет. Небось и ты тоже думал? Ну и как?

— Не знаю... Начальство ведь тоже об этом кумекает. Может, авиацией поддержит, артиллерией с того берега.

— Нынче начальству не до убитых, им — как бы плацдарм удержать. Не удержат — хана, могут должностей лишиться.

ПОСЛЕ рассказанного читателю, думаю, уже не интересно знать, как мы добрались до старого немецкого рубежа и какие там были капитальные сооружения, особенно доты, имевшие подземные бункера для обслуги, оборудованные многоярусными нарами, отоплением и телефонной связью с поверхностью; как наломали отменных досок, надергали железных скоб и как, обливаясь потом и часто передыхая, уже в сумерках добрались до своих позиций.

В тот вечер я не стал есть оставленные нам сразу обед и ужин не только от усталости, но и от невозможности что-то проглотить. За выполненный наряд мы с Панюковым получили по освобождению, и весь следующий день я спал или лежал, отвернувшись к стене, благо что ребята ушли укреплять в снарядных нишах раскисшие стены. «Ты чего? — толкал меня в бок Панюков, починявший разорванный досками ватник. — Не захворал ли?» — «Да нет, так просто...» — «Ну ты брось, не бери в голову».

А ночью, набросив на шею автомат, я вышел на свое очередное дежурство по огневой. Было кромешно темно, парно и душно, как случается в апреле при сходе снега. Но темнота эта была полна движения: где-то капало, булькало, лилось со всхлипыванием, журчало и глыбисто рушилось; с тяжким посвистом крыльев кто-то пролетал над самой головой, так что я ощущал на своих щеках пульсирующие толчки воздуха, и вся душная, ватная плоть неба полнилась тонким страдальческим писком, сухим деревянным вскрякиванием или смачным добродушным хрюком. Я не узнавал эти голоса, и мне впервые стало страшно стоять одному. Видения того горестного поля теснили мое воображение, и, чтобы не утрачивать связи с реальностью, я протягивал руку и касался холодно вспотевшего тела орудия, с облегчением ощущая его успокаивающее присутствие.

ПЛАЦДАРМ мы удержали, а как только спала вода и навели понтоны, мы снялись и передислоцировались на его южный фас, под Рогачев. Оттуда, когда грянул «Багратион», рванули к Бобруйску, в окрестностях которого пылал и смрадно дымился многотысячный немецкий котел. Помню, леса были засыпаны кипами полуобгорелых штабных бумаг. Покончив с котлом, прошли Минск, потом двинулись на Волковыск, Белосток и уже к концу августа вступили в Польшу. А в январе повернули на грозные редуты Восточной Пруссии. Это были все славные победы! Заветренные, в полинялых пилотках, истощенные до крепкой выносливой сухости, каковая наступала в крестьянскую сенокосную пору, бойцы с азартом в лицах, с вдохновляющим ощущением успеха и близкой победы рвались вперед, не щадя себя. Но и их тоже не щадили. Я не помню, не знаю, сколько полегло за Белоруссию. Но, кажется, в двести тысяч обошлась Прибалтика, шестьсот тысяч отдано за Польшу, триста тысяч — за Зеловские высоты на подступах к Берлину и девятьсот тысяч — за сам Берлин... А еще были Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, Чехословакия, Австрия... Тем не менее это были славные походы и блистательные победы, и все уцелевшие — от рядовых до маршалов — густо заблестели орденами и медалями. Но то смерзшееся поле под Новым Быховом почему-то не оставляло мою память до самого победного салюта. Не забывается оно и до сих пор. И тот вопрос по-прежнему гулко бьет в висок. И не только у меня.

Недавно я получил письмо от своего друга Николая Харченко — бывшего мальчишки-партизана. Не могу не процитировать хотя бы часть его:

«В марте сорок третьего мы, партизанские семьи, только что вышли из лесу. Остановились мы в селе Жиденовке Дмитриевского района (Курской обл. — Е. Н.). Там расположился какой-то госпиталь, не то эвакопункт. С близкого фронта раненых везли туда на санях. Многие умирали по дороге. Мертвых складывали в госпитальном дворе, и там их лежало выше забора. Трупы перекладывали на широкие розвальни и двумя-тремя подводами отвозили за село. Там были три глубокие и долгие ямы, в которых прежде хранили колхозную картошку. Их наскоро вычистили, выгребли смерзшуюся гниль и приспособили под братские могилы. Когда я впервые пришел туда, то одна яма уже до самых краев была полна. Погибших сверху закидали шинелями, но не закапывали, потому что земли вокруг не было и закапывать было нечем и некому. Вторая яма была заполнена наполовину. Время от времени приезжали подводы, сбрасывали умерших, и какая-то женщина, должно быть, из госпиталя, принималась одна таскать трупы и укладывать поровнее. Мне стало ее жалко, я спрыгнул в яму и принялся помогать. Мы вдвоем растаскивали погибших, клали их головами на обе стороны, а ногами в середину. Когда ряд был уложен, мы обрезали у них вывернутые карманы и закрывали ими глаза. Так мы заполнили еще одну яму и начали третью. А наверху дико выли бабы. Одни подходили, другие, наголосившись, уходили. Потом на передовой начался страшный бой, и мы отступили. Я так и не знаю, что сталось с теми картофельными ямами».

Нет, я не могу, я плачу, это читая.

Как же так? Ну почему, почему все не по-человечески? Ведь все, кто оказался в картофельной яме, — защитники нашего Отечества! И как же мы с ними? Почему немцы для каждого своего убитого отрывали отдельную могилу и каждому ставили личный крест с начертанием всех данных о погибшем? Все мы, тогдашние, помнили эти ровные, отбитые по шнурку ряды надгробий и строгие шеренги березовых крестов. Мы тогда потешались над этой немецкой педантичностью. Дескать, дураки: сразу видно, сколько ихних наколочено. А они стремились выполнить этот последний воинский долг перед павшими и перед их ним богом при любых обстоятельствах. Мы же своих — в ямы! Или даже в старый окоп. Друг на друга, иногда навалом. И женщин — туда же, наших боевых подруг. Некогда разбираться. Так быстрей, потому что нам все время некогда, нам надо было приближать победу любой ценой. Эту наспех отрытую яму называем братской могилой. Звучит почти красиво, сообразно с нашей идеей братства. Дескать, и там, как и при жизни, все вместе, единым строем, едиными рядами.

Между прочим, Панюков через несколько месяцев после того мерзлого поля был убит в окрестностях бывшей пограничной станции Негорелая. В остервенелом бою от нашей батареи осталось тринадцать человек. Мы, уцелевшие, подняли Панюкова и вместе с другими погибшими батарейцами и еще какими-то подобранными солдатами опустили в общую яму у шоссе Минск — Барановичи. Убитых притрусили соломой и закидали рыжей влажной землей, комом налипавшей на лопаты. Сверху никакого знака не успели поставить — не из чего да и некогда: надо было спешить вперед...

А на Поклонной горе я все-таки поставил бы монумент, предложенный Вячеславом Клыковым. Он величествен и прост. И в нем есть символ того голоса, которым павшие взывают к нашей совести, — колокол!

Письмо ветерана

В чем мы виноваты?

Повергнутый враг и наши союзники в войне за минувшие десятилетия добились совершенства своих общественных институтов, счастливой и безбедной жизни для большинства своих граждан. Мы, народ-победитель, доведенный до отчаяния, готовы растерзать своих некогда обожаемых лидеров и друг друга!

Спросите себя: может ли в подобной обстановке послевоенное поколение с уважением относиться к нам, ветеранам, к нашему юбилею Победы!

Так оставьте за нами право просто тихо, не обращая на себя внимание, поутру 9 мая надеть свои медали и ордена и мысленно помолиться за тех, кто не дожил до этого дня.

И не надо никаких военных парадов на Красной площади 9 мая, ибо страна уже знает, что люди, проходящие по ней в военной форме, по существу, лишены крова над головой, гарантий обеспеченной жизни, что их жены и дети кое-где становятся мишенями для насилия или в лучшем случае превращаются в знакомое нам со времен войны сословие беженцев!

Не надо парадов в центре Москвы, если на ее окраинах и на стадионах в этот же день другие десятки тысяч будут митинговать против возвеличивания того, что мы имеем в результате Победы.

Пусть же этот святой день просто останется в моем сердце.

Пусть больше не оскорбляют чувства людей громы военных оркестров, славящих армию и народ, доведенный до ручки.

Кто повинен в том, что 45-летие Победы мы будем встречать, утратив веру в будущее, боясь выходить на улицу, чтобы не быть оплеванными юными хамами! Кто повинен в этом! Говорят, что повинны мы, наше поколение... И в наказание за это мы должны воспринимать эту вину как расплату за наши грехи.

Но, если сказать честно, я никак не пойму, в чем наш грех перед Отечеством.

Возможно, только в том, что именно мы дожили до этого дня нашего общего позора.

Не надо парадов!

Г. НАЙДИЧ,
кавалер 14 государственных наград,
инвалид труда

Фото Ф. ГУБАЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

УКРАИНА: погода на завтра

НЫНЕШНЕЙ весной (как, впрочем, всегда) одинаковой погоды на Украине не бывает. А температура общественно-политической жизни — сегодня она здесь уж вовсе не одинакова: какая-то скачкообразная, лихорадочно прыгает то вверх, то вниз, и назвать сейчас определенный градус по республике, как когда-то шутя говорили о средней температуре по госпиталю, никто, естественно, не возьмется. Одно слово — лихорадит... Поскольку много проблем. Много сложностей. Новых и корневых. Есть противостояние. Конфронтация. Борьба. Буквально на глазах меняется соотношение сил. Что это за силы?

Одна из новых и самых заметных — «Рух», по-русски «движение», а если полностью — Народное движение Украины за перестройку. Идея «Руха» родилась в писательских кругах. Инициатива его создания принадлежит партийному комитету Киевской организации Союза писателей Украины.

Леонид КРАВЧУК:

СВОБОДНАЯ, СУВЕРЕННАЯ!

На вопросы корреспондента «ЛГ» К. ГРИГОРЬЕВА отвечает секретарь ЦК Компартии Украины

— С первых дней зарождения «Руха» вы, Леонид Макарович, как, пожалуй, никто другой из партийных работников, постоянно занимались им, спорили, вели с ним полемику. Отношения сторон развивались диалектически: от полного неприятия и конфронтации до определенного взаимопонимания год спустя. Что вы думаете о «Рухе» сегодня?

— На первых порах «Рух» заявил о себе как общественная организация, готовая помочь КПСС осуществить перестройку. Но, познакомившись с первоначальным наброском проекта программы «Руха», я пришел к выводу, что растет альтернативная нам сила, намеренная превратиться в политическую партию. Открыто заявил об этом на первом же собрании, где принимался проект. И, естественно, вызвал огонь критики, упреки в недопонимании, навешивании ярлыков, возврате к старому. Особенно много шума было, когда развернулось обсуждение программы в средствах массовой информации.

— Обсуждение шло, а программа не была опубликована — именно этот факт сильно напоминал старые времена...

— Не буду отрицать: здесь мы допустили ошибку. У нас их, кстати, было немало, всяческих просчетов. Не надо, однако, забывать: еще год назад многое казалось совершенно неприемлемым — скажем, откровенно негативное отношение к партии. Мы все же пошли на публикацию, но предложили авторам проекта внести ряд принципиальных поправок. Весь день просидели над проектом Ю. Мушкетик, Б. Олейник, И. Драч, Д. Павлычко, В. Дончик и В. Брюховецкий, и на следующий день он был напечатан в газете «Літературна Україна».

— Тогда это выглядело сенсацией, по нынешним же меркам, даже по тому, какие законопроекты обсуждает и какие законы принимает Верховный Совет, та программа выглядит довольно безобидной.

— Но вот что выяснилось: в опубликованных руховских документах нет ничего антиконституционного, а вот в публичных выступлениях, особенно на митингах... Это вызывало реакцию у части населения, в средствах массовой информации. Чтобы избежать конфронтации и не ссориться с творческой интеллигенцией, мы пошли на открытый диалог. Именно такой была моя беседа с одним из лидеров «Руха», профессором Поповичем, по телевидению.

Тем временем в стране начался новый виток событий, на передний план вышли процессы национального возрождения, радикализация охватила все слои общества. В новых условиях и «Рух» как бы ускорил свой темп. Его лидеры стали выходить из партии. Наша позиция по этому поводу изложена в известном Обращении ЦК Компартии Украины.

— Позиция ясна, а ваше личное отношение к выходу из партии писателей И. Драча, Д. Павлычко, В. Яворивского, которых вы хорошо знаете?

— Если откровенно, я уважаю их не только за талант, но и за последовательность. Да, их позиции неприемлема для нас, но они борцы. Причем выступают искренне, взвешенно, хотя и не без эмоций (ведь писатели!). Думаю, не последнюю роль в их выходе из партии сыграла медленная радикализация у нас политических и экономических процессов. Одновременно лидеры «Руха» выступили с инициативой создать новую партию. Однако в конце концов решили дождаться появления ряда других партий, которые можно объединить в «Рухе» как некий демократический блок. Посмотрим... Впрочем, я не думаю, что новые партии станут массовыми, разве только крестьянская...

— Как вы оцениваете на этом фоне сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию в республике? Каковы тут тенденции?

— Начну с Донбасса, где сосредоточена наша индустриальная мощь. Что мы видим? Металлургическая промышленность, как говорится, лежит на животе. Угольная: 70 процентов породы — это песок. Видя такое положение и не находя реального выхода, шахтеры ведут поиск силы, которая была бы способна поправить ситуацию. Что-то вроде «Солидарности». Советская власть их уже в старом виде не устраивает. Партийная — после отмены 6-й статьи — из-за непонимания многими партийными комитетами своеобразия политического момента как бы сама отпала. Кто же будет заниматься делом? Все функции — и экономические, и политические — берут в свои руки стачкомы.

Западный регион — картина другая. Там в ряде областей к власти пришли деструктивные силы. То, что заявлялось в период выборов (образование Галицийской автономии, выход из Советского Союза), теперь подкрепляется деятельностью местных Советов. В Тернополе дошли до того, что сразу приняли Декрет о власти — вот такой устроили фарс...

Впрочем, я отношусь к этому спокойно. Надо понимать, что Тернопольская область — не республика, а всего лишь административно-территориальное образование, не обладающее правом принимать решения на конституционном уровне. Но будоражить народ это будет. И опасность заключается в том, что подобные тенденции все более вступают в противоречие с Конституцией. Все эти вопросы можно ставить и обсуждать: федерация и конфедерация, самостоятельность республики и компартии,- но делаться это должно цивилизованно, на принципах правового государства.

Конечно, западный регион неоднороден: то, что происходит в бывшей Галиции (Львовщина, Ивано-Франковская область и часть Тернопольской), где особенно сильны «Рух», УХС (Украинский хельсинкский союз) и СНУМ (Союз независимой украинской молодежи), не похоже на ситуацию, которая складывается на Волыни и Ровенщине, а та, в свою очередь, отличается от Закарпатья и Буковины. Тут у всех свои особые исторические корни, своя специфика. Известно, эти районы после воссоединения стали бурно расти и развиваться при участии приезжих людей. Не все из них сумели или захотели считаться с местными особенностями, а ведь адаптироваться в Донбассе совсем не то, что во Львове.

— А Киев? Не административным ли засильем объясняется то, что здесь перестройка развивалась, как принято считать, медленнее, чем в других местах?

— Быть может, и в самом деле не очень торопились, проявляли кое-какой консерватизм, но не было у нас зато серьезных конфликтов, не проливалась кровь. Знаете, консервативная жена скорее, чем радикальная, удержит семью, которая идет к развалу... Киевский горком партии тем не менее так и не смог привлечь людей на свою сторону. А «Рух», напротив, после того как оформился секретариат во главе с Горынем, сильно активизировался, сумел сосредоточить в своих руках все нити публичных мероприятий (митинги, манифестации).

И все же я оптимист. В мае состоится сессия Верховного Совета УССР, на которую возлагаем надежды. У нас перспективный депутатский корпус. Пришли новые люди. Из старого состава депутатов осталось, кажется, не более двадцати. Разумеется, люди пришли разные. И будут споры. И борьба. Но это нормально.

Убежден: при всех ожидаемых сложностях мы сумеем принимать те решения, которые будут в интересах как Украины, так и всей страны. Абсолютно уверен. Не могу себе представить, чтобы Верховный Совет республики всерьез обсуждал вопросы, скажем, выхода Украины из Советского Союза. Они могут ставиться, какие-то группы постараются. Но это сегодня бесперспективная точка зрения. Я знаю: большинство народных депутатов да и основная масса украинского народа — за свободную, суверенную, национально возрожденную и независимую Советскую Украину в рамках обновленной Федерации. В рамках Союза, построенного на новых принципах, где приоритет принадлежит республикам.

Михайло ГОРЫНЬ:

ЗА ЧТО БОРЕТСЯ «РУХ»

На вопросы корреспондента «ЛГ» С. КИСЕЛЕВА отвечает председатель секретариата «Руха», народный депутат УССР

— Уважаемый пан Михайло, как вы оцениваете ситуацию с новоизбранными Советами?

— Легко заметить: сегодня Украина не является однородным политическим и национальным телом. Выборы в Верховный Совет показали, что, скажем, Западная Украина значительно опередила Надднепрянщину в отношении политической активности и национального самосознания. Поэтому здесь в основном одержали победу представители демократического блока. Например, во Львовской области по всем 24 округам прошли только демократы и — ни одного партократа. Приблизительно такое же соотношение в Тернопольской области. Даже в Киеве в 15 округах из 22 победили на выборах представители демократического блока. Много демократов попало в местные Советы. Но дальше на восток республики положение ухудшается, поэтому политическая карта Украины напоминает сегодня птицу с перебитым крылом.

— Блок, к которому вы принадлежите, не получил большинства в Верховном Совете...

— В парламенте УССР демократический блок по предварительным подсчетам получил не более 115 мест из 450, тем не менее, надеюсь, многие вопросы можно будет решать успешно, поскольку, как показывает опыт, в процессе работы часть депутатов постепенно «левеет».

— В конце апреля состоялся съезд Украинского Хельсинкского союза, и эта правозащитная организация объявила о превращении в партию. Как вы планируете совмещать свои обязанности в УХС, где вы были ответственным секретарем, и в «Рухе»?

— Откровенно говоря, более всего я хотел бы сосредоточиться на депутатской работе, поскольку являюсь традиционалистом в отношении доверия людей. Тридцать лет я пребывал в оппозиции к Советской власти, ныне хочу бороться за власть новоизбранных демократических Советов. Поэтому в новой партии я предпочту быть рядовым членом. Что же касается секретариата «Руха», то данную работу я пока что намереваюсь выполнять, во всяком случае, до следующего съезда «Руха».

— Как вы отнеслись к тому, что «Рух» отказался от идеи преобразоваться из общественно-политической организации в политическую партию?

— Когда я подписывал заявление об этом, то считал, что «Рух» является слишком аморфным и требует определенной дифференциации. Теперь же, когда принято решение о создании партии на платформе «Руха», он сам как общественно-политическая организация будет крайне необходим. Пока продолжается процесс возрождения, процесс размораживания души, либеральный «Рух» нужен для того, чтобы наш народ поднялся с колен на ноги.

— Порою самые рассудительные люди готовы поверить, что «Рух» может стать инициатором еврейских погромов на Украине...

— Ну, о том, кому выгодно распространять подобные слухи, догадаться нетрудно. Мы стараемся всячески опровергать их, поскольку от самых своих истоков «Рух» не на словах, а на деле выступает против антисемитизма. И как ни хотелось бы кому-то столкнуть членов «Руха» с евреями и русскими, ничего у них не получится. Убежден, что «Рух» никогда не допустит ни еврейских, ни каких-либо других погромов, ибо мы выступаем за то, чтобы каждая национальная группа людей, живущих на Украине, имела возможность развивать свою национальную культуру, чтобы никому не приходилось скрывать свою национальность, как это случалось раньше.

— В чем вы усматриваете причину того, что в Донбассе «Рух» пока остается менее популярным, чем в некоторых других регионах республики?

— Прежде всего в проводившейся долгие годы политике русификации Украины. Скажем, ни в Донецке, ни в Луганске до сих пор нет ни одной украинской школы. Что же до перспектив «Руха» в Донбассе, то я смотрю на них с оптимизмом. Насколько мне известно, некоторые шахтерские стачкомы, которые являются единственной реальной силой и властью, ныне пытаются налаживать контакты с местными организациями «Руха», действовать совместно.

— Намеревается ли «Рух» сотрудничать с Коммунистической партией?

— Ответ на этот вопрос неоднозначен. Несомненно, консолидация общества нам необходима, и мы готовы предпринять шаги, чтобы этого добиться. И хотя авторитет компартии упал, в новосозданных Советах ее представители получили довольно много мандатов. И с ними следует «Руху» сотрудничать. Но, мне думается, сотрудничество было бы более плодотворным, если бы Компартия Украины отреклась от своего преступного прошлого, выступила инициатором реабилитации всех без исключения политзаключенных. Ведь только у нас в стране возможен такой нонсенс: нереабилитированный уголовный преступник, как нас именовали многие годы, коим и сегодня считают меня и многих других правозащитников-депутатов, — сенатор, член правительства... Впрочем, независимо ни от чего с компартией придется искать взаимопонимание и в местных Советах, и в Верховном. А работы, как говорится, непочатый край. Стоим на пороге экологической катастрофы. И если не удастся переориентировать экономику, перевести ее с имперских рельсов на национальные, если не удастся сократить добывающую промышленность, что забирает воду, воздух, электроэнергию, последствия, которые нас ждут, непредсказуемы. Нам угрожает радиоактивное заражение, и опасность эта одинакова и для коммунистов, и для некоммунистов. Так что сотрудничество с компартией нам нужно, и должно оно строиться на конструктивной основе, и основой этой обязана быть ответственность за судьбу народа.

— Наверное, нет сегодня в стране и в республике людей, которых бы не тревожил вопрос: какого будущего для Украины добивается «Рух» — оставаться в составе обновленной Федерации или, отделившись, стать самостоятельным, независимым государством?

— «Рух», означающий по-русски «движение», не стоит на месте, он все время движется. Когда во время перерыва на съезде «Руха» мы с Драчом давали интервью английскому корреспонденту, Иван Федорович сказал: «Я за то, чтобы находиться в рамках Федерации, а вот Горынь выступает за независимую Украинскую державу». Это было в сентябре прошлого года. А сегодня тот же Иван Драч выступает за независимую Украину, в том числе и на страницах «Литературной газеты». Что до позиции «Руха» в этом вопросе в целом, то, думаю, она более четко определится на его втором съезде. Мне кажется, путь «Руха» ныне весьма напоминает путь «Саюдиса», который также сперва ставил вопрос о нахождении в составе Федерации, а лишь со временем заговорил о полной независимости для Литвы.

— Не считаете ли вы, что в результате всех перипетий, о которых мы говорим, на Украине может пролиться безвинная кровь?

— Не дай Бог. Груз ответственности за судьбу народа, хочу верить, убережет от развязывания подобного конфликта и «правых», и «левых», и «центристов». Вооруженная конфронтация на Украине, напичканной атомными электростанциями и атомными боеголовками, может превратить в пустыню не только республику, но и весь земной шар. Единственный путь для достижения политических целей — это путь мирный, парламентский. И иного здесь не дано. Скажем, нас сейчас чрезвычайно огорчает конфронтация, возникшая в Западной Украине между православными верующими и греко-католиками. Похоже, кому-то очень выгодно сталкивать лбами украинцев на религиозной почве, разжигать между ними вражду. Ситуация остается напряженной, а время уходит. Хочу верить, что новоизбранные местные Советы в Западной Украине сумеют найти достойное решение, которое удовлетворит обе стороны.

— Те самые Советы, первые решения которых, как говорилось в заявлении ЦК Компартии Украины, Президиума Верховного Совета УССР и Совета Министров республики, «свидетельствуют об их деструктивности и сепаратистской сущности»?

— Обратите внимание, названный вами триумвират заявителей подписан по классическому доперестроечному образчику: сперва — ЦК партии, потом все остальные. Эта забывчивость, в результате которой и был проштампован старый сталинско-брежневский порядок, наглядно продемонстрировала враждебное отношение власть имущих к демократическим преобразованиям в Западной Украине, к становлению украинской национальной демократии. Те, кто о власти, избранной народом, позволяет себе на пятом году перестройки говорить как о политических экстремистах, несомненно, хотели бы оставить все как было и давать украинскому народу свободу именно в той дозировке, которую они считают не вредной. И все таки я верю, что, несмотря даже на это, консолидация политических сил республики возможна и что «Рух» будет к ней всячески стремиться. И да поможет всем нам в этом Господь.

Киев. Митинг «Руха»

Фото С. КИСЕЛЕВА

ДВОЕ У ШТУРВАЛА

Репортаж из Львова

— Пани Стефания, вам не страшно было поднимать желто-голубой флаг на ратуше?

— Нет. Несмотря на репрессии, через которые пришлось пройти, нет никакого страха. Просто трудно поверить, что это наконец произошло. И если все переменится — нет, не боюсь!

Пани Стефания Шабатура. Художник. Правозащитник. Депутат горсовета.

Надо уточнить: нового горсовета. В котором, как и в областном Совете, к власти пришли новые силы — из тех, что еще вчера назывались «диссидентскими». Компартия перешла, говоря парламентским языком, в оппозицию.

Сегодня Украина стремится к лучшему. Она через многое прошла, чтобы теперь вывалить на политические весы все: и неэффективное, как везде, хозяйство, и пустые — по-моему, все-таки относительно — прилавки, и репрессии вплоть до начала перестройки, по которым, как по годовым кольцам, отсчитывают историю. И гражданскую, как здесь называют, войну после войны. И мертвечину идеологических догм, давно вступивших в противоречие с жизненным опытом людей.

Выброшенное на одну чашу, это влечет ее вниз, поднимая соответственно другую — пока пустую. Отсюда — успех, даже победа демократических сил, провозгласивших своей целью свободу.

Добиваться демократии естественно. Но как добиваться ее естественно, то есть не вызывая искры в и без того наэлектризованной политической атмосфере!

Над этим задумываются сегодня во Львове многие. Конечно, можно счесть главным ограничителем демократии Советский Союз, Москву — тогда естественно стремление выброситься в «свободный полет». Вот и пример: молодые люди, артистически проводившие голодовку против «московского империализма» на цоколе памятника Ленину. Другие думают иначе: свободный полет хорош до тех пор, пока не обнаруживается, что твой парашют не раскрылся. Третьи — что вообще можно и не выпрыгивать, если добиться, чтобы самолет летел на нужный аэродром. Правда, существует еще опасность, что самолет врежется в землю, если разные группы пассажиров начнут вырывать друг у друга штурвал...

Партия вынуждена была во Львове отойти от штурвала, уступив место «неформалам» и «демократам», еще недавно разгоняемым дубинками и бросаемым в «воронки». А во главе городской власти оказались бывшие «диссиденты», «отщепенцы», «националисты», «лагерники»... В. Черновол, председатель облсовета, имеет, например, за плечами три «ходки». Немало депутатов знает, что такое административное задержание. Пожалуй, редко где видели такой судимый орган власти...

Понятно, что это не добавляет уверенности тем аппаратчикам, кто о своей авангардной роли помнил лишь на праздничных демонстрациях да в величавых кабинетах и растерялся, когда «народные массы» избрали «выразителями» своей воли других.

Во Львове Компартия показалась мне похожей на «Запорожец», прижатый к обочине мощным самосвалом. Достаточно сказать, что есть Советы, в которых до 80 процентов мест контролируют представители «демблока».

Но... Уступив место у штурвала власти, партия пока не уступает власти. И до сих пор в городе легче пробиться через заматеревшее за десятилетия сопротивление исполнительных органов, сославшись на авторитет обкома, а не облсовета. У кого же реальная власть? Во главе областной парторганизации стал В. Секретарюк, старый знакомый львовян, поработавший здесь и председателем исполкома, и секретарем горкома... Секретарь Секретарюк, надо отдать ему должное, не стал ждать ста дней, чтобы проявить свою программу. На четвертые же сутки его пребывания в обкомовском кабинете город был взбудоражен слухами о том, что он в своем выступлении перед железнодорожниками отвел новому Совету полгода на существование, заявив якобы, что будет всячески противодействовать его политике.

Первый секретарь обкома подтвердил сказанное железнодорожникам в своем интервью мне. Но смысл его комментария сводился к тому, что одна монополия на власть не должна смениться другой монополией. И что партия, содействуя демократии, действительно бросит свой политический вес на укрепление равновесия, на противодействие новому диктату, на подправление курса Совета, если это потребуется.

Итак, противостояние политических сил обозначилось четко. Однако нельзя забывать, что оно сопровождается не менее значимым противостоянием двух церквей на Львовщине — греко-католической и православной. Здесь борьба не менее драматическая, чем в мирской политике, с пикетами, голодовками, обращениями... Но это противостояние требует своего исследования и своего исследователя, мне же придется ограничиться лишь упоминанием о еще одной позиции, где окопы «Руха» пролегают против окопов партии: при всей примиренческой риторике обеих сторон «Движение» все-таки поддерживает греко-католиков, партия же вновь выступает за сохранение статус-кво.

Противостояние — значит оппозиция. Нетрудно доказать, что это вполне вяжется с демократией. Но... лишь в том случае, если она конструктивна, если, критикуя, помогает, если, стремясь вновь взять власть, остается в рамках парламентской этики.

Кажется, во Львове партия пока не решила, какого рода оппозицию избрать. И потому, размышляя о львовской ситуации, я все никак не могу увидеть, в чьих же руках все-таки штурвал. Вроде бы вся власть у местного Совета. Но большой ее кусок, увы, до сих пор как бы в собственности центральных властей — и в Киеве, и в Москве. Такое пока впечатление, что у руля сразу и прежний экипаж, и замполит прежнего экипажа, и новый экипаж, и автопилот, и даже диспетчерская. Не врежется ли самолет в землю?

Я не идеализирую новые власти. В них наверняка будет много и непрофессионализма, и сырой идеологии, и незнания реалий, и чисто неофитской наивности. Они уже сейчас все это показывают и еще не раз споткнутся. Но они — выбраны. И вправе ли кто-нибудь противодействовать исполнению новой властью своего предназначения?

Не случайно я использую именно это слово — «противодействовать». Потому что демократия оставляет за любой ушедшей в оппозицию силой право оспаривать решения власти, протестовать против ее акций, призывать общественность в судьи. Но не действовать против закона. Потому что это уже некая форма гражданской войны.

Сложившееся во Львове и в некоторых других городах фактическое двоевластие представляет собой новый вызов, которого не знала наша страна. Пойти ли по пути где тихого, процедурного выжимания одной стороной другой, где экономических санкций или громкого, даже военного решения? Или — решиться на сотрудничество?

Полагаю, нам еще долго не жить друг без друга. Мы — части одного, может быть, и уродливого, но целого, а попытку избавиться от «не наших» мы уже предпринимали. Может быть, сегодня мы еще не вышли на этап, когда можно спокойно раскачиваться на парламентских качелях, выбирая то одну партию, то другую.

Но если отрезать противоположный кусок доски, то взлетишь ведь не вверх, а упадешь вниз. Это общественный закон тяготения, когда ликвидация второй чаши весов означает только одно — вниз, вниз, вниз...

А. ЦЫГАНОВ,
спец. корр. «ЛГ»

Левиафан

2. «Мы грабим награбленное...»

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

«В НАЧАЛЕ жизни школу помню я...» Состояла она в том, как быстро растащили колхозы, когда (в ноябре 1941-го) в степной Крым ворвались немцы. Сильней, чем желтоголовые «мессершмитты», катастрофу жизни обозначила муравьиная беготня моего же рабоче-крестьянского сообщества с мешками на спинах. Наверно, кто-то зарывал и «фордзон», и бюст Сталина было некое, но большинство бегало. И идейно! «Идут же, не оставлять же?» Лет пять я читал в клубе перед сеансом: «Лица, покушающиеся на социалистическую собственность, являются врагами народа». В два дня безвластия врагом народа был — поголовно — он сам.

С той же энергией («уходят — не оставлять же?») снова все растащили по дворам в апреле 1944-го, когда наши, теперь в погонах, гнали немцев к Севастополю. Что растаскивали после немцев? А тоже общину. Так оно называлось в оккупацию: «община». Вместо колхоза, но опять-таки и план, и бригады, и носить молоко на молоканку, и — воровство. Повсеместное всеобщее. Правда, когда растаскивали колхоз, то диапазон был широк: и кони, и сбруя, и лаврушка со склада, и сепараторы, веялки, фляги, подковы, вожжи... Левиафан исчез, «людского» не пропало ни волоса.

Нас у матери осталось трое, мы были беженцы — илоты степного полиса. На нашу долю остался проросший ячмень на току, недорытый картофель и стебли хлопчатника — топить (Сталин указал сеять в Крыму хлопок).

«Вон он где научился отношеньицу!» Да лет тридцать писал я в анкетах: «находился на территории...» Нас были десятки миллионов. Никто нас не спрашивал, когда оставил под немцем. Да в тысячах и тысячах «общин» юга пацанов гоняли и пахать буккерами, и молотить на токах. Но мы не бросали дивизии морской пехоты на пирсах Севастополя. Не красили кровью Черное море и Азов. Не оставляли умирать партизан на Яйле. То — другие с чудными анкетами.

А учиться — это всегда.

За 37 лет ученья и практики (а это больше половины существования колхозного строя вообще) я не усвоил зыбкой грани между вполне колхозным и несомненно уже «людским», но зазубрил ряд четких, как боевой устав, позиций.

Колхоз есть охраняемое коллективное хозяйство. Охраняется от коллектива. Организует охрану руководство (председатель) колхоза, опираясь на парторганизацию (на сознательный коллектив). Охрана ведется от замыслов и покушений несознательной части коллектива, которая обыкновенно составляет большинство. Все, в сущности, знают, сколько кто взял, чего именно и откуда. Задача воспитательной работы: «Пусть земля горит под ногами расхитителя колхозного добра!» И горит. Прежде — не знаю, а за свои 37 лет ручаюсь.

Охрана колхозного имущества организуется тремя способами. Они следующие:

Фортификации, или создание искусственных препятствий и сооружений, делающих акт присвоения колхозной (совхозной) собственности затрудненным или вовсе невозможным. Среди препятствий — заборы, решетки, стены, канавы, прожекторы, шлагбаумы, проходные и т. д. Колхозно-совхозный строй создает глубоко эшелонированную оборону. Сложность в том, что надо пускать людей на работу, но надо и выпускать. Это делает наш пейзаж средневековым: хоздворы — как замки феодалов, пункты заготзерна — провинциальные кремли, склады скрыты обычно за бетонными оградами плюс колючка. Иностранцы думают — военное, секретное. А оно вполне мирное, просто население у нас еще не такое, какое нужно народу. Велики ли расходы на оборону? Ограды отнимают подчас четверть или даже треть стройматериалов. Бывает, что на сам объект уже не остается — фонды кончаются. Но с этим не считаемся. У нас без забора — неэстетично! Закладывать титульный объект по заграничному методу — на юру, без ограды, без охраны — не станет и душевнобольной. Да и иностранцы (турки, финны), если строят у нас что, теперь начинают с забора.

Постоянный надзор за кадрами, то есть внушение отсталому большинству, что руководство вездесуще, скрыться от него — утопия, а утаить что-либо и думать смешно. С. Ф. Медунов внедрил по всему краю особые фальшвышки у границ кукурузных массивов: для поселения вечной тревоги (а хрен его знает — вдруг, гад, влезет и заметит). У Чаушеску такие же вышки по углам были с начинкой: сам видел «попок» над кукурузой в дельте реки Дунай. Опытный руководитель в секунду, окинув усадьбу колхозника, опознает, откуда сено в копне, где взяты кукурузные бодылья или топливные запасы, чьим кровельным материалом (шифер, жесть, очерет?) ремонтирована крыша. Никаких меченых атомов не нужно — на то и выдвигают людей.

Конечно, ценней всего профилактика хищений: заблаговременное принятие мер, делающих приемы и навыки отсталого большинства никчемными. В селе Стригуны (Белгородская область) заблаговременно копали схроны на путях ночного несения женщинами знаменитого лука (особенно семян чернушки). Председатель сельсовета, восстав из тьмы с полной внезапностью для колхозниц, достигал столбняка и массового шока. Но наблюдал я сюжеты и с обратным исходом. Директор совхоза «Победитель» (Омская область) принимал меры против стабильных хищений зерна у особо отпетого поселка. Скосив созревшие хлеба в валки, он не стал ждать положенных пяти-шести дней, а послал бригаду комбайнов (ипатовский метод!) уже через сутки. Каков же был у нас с ним стресс, когда, прибыв во главе колонны, мы застали полностью и тщательно обмолоченное поле.

Наряду с комбайнерами, трактористками, женделегатками в колхозное село вошла еще и профессия сторожа. Прежде его держали только в имении (вспомните дедушку Ваньки Жукова Константина Макарыча), одного, с колотушкой — ныне служба охраны задействована внутри села, она в полях, у складов, у многолетних насаждений, сторож — одна из распространенных, если не массовых профессий. Народ надсмеивается и над своею охраной. «Чего ты пришел хлеба просить, — говорит председатель бедолаге-колхознику, — я ж тебя два раза посылал ток сторожить!..»

Впрочем, тогда следует отметить и прежнюю (давнюю) единичность вора. Правдивый повествователь А. Н. Энгельгардт дает понять: вор в его время был в деревнях столь же профессионален и отличим, как, скажем, коновал или кузнец. Если украли кожи, то нужно искать известного всей округе Костика, пока не пропил выручку. Ныне же — массовость и регулярность: где работаешь, то в принципе и несешь. Колхозница из-под Миргорода требовала протянуть в «Сельском часе» нового «голову колгоспу»: не дает, собака такый, принести мешок «кавунов» с бахчи, совсем обнаглели «райкомовськы сторожа». Отстаивала старинное ленное право!

«Не того лес боится, кто много возит, а — кто часто ездит». Отсюда и взгляд на транспорт. Велосипед — безнаказанно, но нерентабельно. Автомобиль (даже «каблучок», «пирожок») — хорошо, но наказуемо: «машиной заехали»! Золотая середина — мотоцикл с люлькой и еще отчасти легально и уже эффективно бычки, кабаны, стадо птицы. И когда зажатый сзади могучими коленями подруги жизни владелец «Урала» вылетает на дело, взоры зависти и любования провожают его: поехал.

Охрана путем дозировки и управляемости хищений есть путь третий. Он выражает чувство нового и стремленье превратить расхват (это странно звучит, но — потерпите) в организующий рычаг, отчасти даже в двигатель хозрасчета. Давайте же глядеть в лицо фактам! Ну, внедрил тот же Медунов так называемые контрольные обмолоты: прошел комбайн с представителем первый круг, вышло по сорок — так и со всего поля, канальи, гоните по сорок! А меньше — разворовали! Либо потери, что тоже по-сталински гляди, надо принимать за хищение социалистической собственности. А что народ? Ответил. Стали контрольный обмолот исчислять после подбора валков. Может, хватит изматывать друг друга? А вместо взаимного изнурения прийти к консенсусу? Может, и не охранять то, что нам не нужно? При Ф. Т. Моргуне в Полтавской области было указание ГАИ вообще не задерживать на переездах возы с соломой и кукурузными стеблями: раз мужик везет, значит, ему надо.

И демократизировать — переложить контроль и «стук» на низы!

Внедряется, скажем, штраф в конце года за прегрешения во всем сезоне, причем малый коллектив заинтересован быть строгим, ибо удержанное делится между непойманными. В сущности, семейный подряд и аренда имеют целью среди других достижение идеального состояния хозяйства, при котором нет смысла красть.

Позволить много воровать нельзя, не разрешать воровать вовсе — опасно: человек выходит из-под контроля, становится белой вороной, из этой-то среды и возникают «писатели», обрекающие себя и руководство на вечные комиссии, проверки и шпионаж, контрразведку и ненависть. Нет, ты утащи на рубль — отработаешь на десять. Попользуйся десяткой — промолчишь на сто рублей. Консенсус!

— Что он опять городит? Да я жизнь проработал — и ни былинки чужой не взял! — с дрожью губ и бешенством стучит сейчас кулаком по столу некий читатель. И я верю, верю ему, потому что еще в том присивашском поселке, где летом 1943-го у самого коменданта сперли доски, запасенные на новый чистый клозет, и тот носился с криками «шиссен, шиссен», то есть грозя расстрелять, — в том учебном моем поселке знал дядьку-пастуха, который просто не умел плохо работать. Такое увечье было у человека: копать пошлют — пашет в полный штык, сторожить на ток — не спит до света и идет домой пустым. Он бы, наверно, умер, но пастухов хозяйки поочередно кормят... Наша страна разнообразна, а села впрямь не стоят без праведников, и до войны их, инерционно честных, даже призывали на нравственную, что ли, службу: «инспектор по качеству». Чтоб не подсовывали люди колхозу вместо работы туфту! Самый массовый вид хищений, самый разорительный, о каком мы почему-то здесь не говорим, увлекшись одними хищениями. Словом, это тип Терентия Мальцева, но без книг и диспутов, в хуторском варианте его использовали сторожем при работе. Наличие пяти-пятнадцати, даже пятидесяти процентов таких — «отсохни рука, если возьму» — вовсе не устраняет и не убавляет экономического веса того факта, что колхоз (совхоз) — не жилец без непрерывной, зоркой, как Карацупа, охраны, и все равно воруют!

Председатель колхоза, самый изначальный, стандартный, — он что делает? Уличает во лжи и не дает украсть. Семен Давыдов — классический герой: пострадал в бабий бунт, когда хотели вернуть свои семена, — и изнурил себя на пахоте, вскрывая заговор и саботажников из Татарского. Но откуда столько лжецов и грабителей?

Мы судим-рядим о колхозно-совхозной системе воспитанно, не допуская непристойных речей о всеобщем воровстве. Чем колхозы выгодны, а чем, не скажи, все-таки слабоваты. Не конкретно, а как уклад, как всемирно-историческое завоевание, как разрушение самого первоисточника, рождающего капитализм ежедневно, ежечасно, повсеместно и в массовом размере... А что воруют и повсеместно, и ежечасно — об этом, поймите, нельзя! Даже при гласности — невозможно. Дискредитация!

— Да почему же Горбачев не накормит Россию! — вдруг заводит сочувствующий, только что учивший тебя уважать и беречь Горбачева, но потерявший в толчее воды терпение.

И ты снова говоришь ему — Стиву Марку, Джерри — о традиционности коллективизма, общинности владения землей... А что воруют — ни-ни. Оскорбительно!

«Мы грабим награбленное». На третьем съезде Советов в январе 1918 года участник казачьего съезда в станице Каменской изложил случай, пересказанный В. И. Лениным в феврале того же года так:

«Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм.

На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное». (ППС, т. 35, стр. 327)

Суть налицо — вопрос в детали: что считать награбленным в данный момент? К великому перелому таковым было собственное крестьянское имущество СССР вообще: 25 миллионов крестьянских хозяйств, 118 миллионов га посева, то есть 105 процентов от дореволюционного уровня, 34 миллиона лошадей, 68 миллионов коров (крупного рогатого скота вообще), 147 миллионов овец и коз, 20,9 миллиона свиней. Сбор зерновых в 1930 году составил 83,5 миллиона тонн — на 3,4 миллиона больше предреволюционного.

В итоге переворота, основой которого, как и при всяком политическом перевороте, были перемены во власти и в собственности, возникло двести двадцать тысяч колхозов, поглотивших 15 миллионов крестьянских хозяйств. Лошадей уцелело менее половины, крупного рогатого скота — 57 процентов, овец и коз — одна треть, свиней — 60 процентов. Ничего даже близкого по размерам катастрофы страна никогда не переживала. Размер скотьего падежа смутил даже Сталина: он привел цифры потерь в докладе XVII съезду.

Сбор зерна в 1932 году упал на 13,6 миллиона тонн и был на 10,2 миллиона тонн меньше дореволюционного. Повальный чудовищный массовый голод зимою 1932-го и весной 1933 года унес на Украине, Дону, Кубани, в Поволжье и в Казахстане многие миллионы жизней. По числу потерь людских и материальных это была гражданская война, не уступающая официальной гражданской 1918—1920 годов.

Сталин вовсе не объявлял себя автором идеи колхозов-совхозов. Наоборот — методически отсылает к Ленину, к «военному коммунизму». «Если речь идет о том, чтобы предвидеть необходимость колхозов и совхозов, то это дело мы начали еще во время Октябрьского переворота. Что партия предвидела необходимость колхозов и совхозов еще тогда, в период Октябрьского переворота, — в этом не может быть никакого сомнения. Можно, наконец, взять нашу программу, принятую на VIII съезде партии (март 1919 г.). Необходимость колхозов и совхозов учтена там со всей ясностью» (т. 12, стр. 64).

Если в период самой коллективизации категории власти и собственности маскируется фразеологией о тракторах, машинном труде и т. д., а также о крупности хозяйства (приверженность гигантским размерам госхозов казалась бы маниакальной, если бы не служила просто камуфляжем раскрестьянивания): мужик должен был стать песчинкой против совхоза «Гигант», — то уже летом 1932 года колхозничку заявлено со всей ясностью и лютостью, на какие было способно сталинское ядро:

— Все на этой земле больше не твое. Твоего тут нет! За посягательство — расстрел. Умирать с голоду будешь — и то расстреляем. Не подчинишься — выселим, лишим и дома, и поля, и языка, и могил родных.

Фантастическое по ненависти к земледельцу постановление ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» передает размер преступления, совершенного властью над крестьянством, как тень передает величину предмета.

«Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишения свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества».

Подписано председателем ЦИК М. Калининым, председателем СНК В. Молотовым, секретарем ЦИК А. Енукидзе.

Геноцидным «законом о пяти колосках» Сталин — не автор колхозов! — спас колхозы от бездумной растащиловки со стороны крестьян, вскоре понявших, что произошло, и поэтому Вождь и Учитель — полноправный отец колхозов. Форма порабощения недавно еще свободных людей казалось навсегда. Особым приказом пригрозили судьям: не валяйте дурика, сажать повсеместно! После первых пятидесяти тысяч «дел» по «закону от седьмого восьмого» голод в самой плодоносной, изобильной части Европы можно было считать гарантированным и вполне истребительным.

В декабре 1932 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают даже для того жестокого времени драконовское, людоедское постановление: искоренять контрреволюционные элементы, не останавливаясь перед всеми видами репрессий (арест, концлагерь, высшая мера). Предлагалось выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ) как наиболее контрреволюционной всех жителей... Северо-Кавказский крайком, где выездную диктатуру осуществлял тогда Каганович, решил выселить и другие занесенные на «черную доску» казачьи станицы — Медведовскую, Урупскую, Уманскую. И переименовать их! «Нет» «черных станиц» Полтавской, Урупской, — писала краевая газета.— есть «цветущая станица Красноармейская», «революционная станица Советская». К половине января 1933 года в крае было отнято у голодающих 1,8 миллиона тонн хлеба — ровно 1,8 миллиона тонн было экспортировано в том году из черноморских портов! Насчет цветущих станиц рассказывают донесения политотделов МТС, совершенно секретные: в зоне Черноуковской МТС — «поголовное полное опухание, ежедневные смерти до 150 человек в одной станице и больше», в Ейской МТС — «состояние людей в январе 1933 года было жутким... Итого по 4 колхозам умерло свыше 1000 человек, был ряд случаев трупоедства и людоедства своих близких и родных»; в Пластуновской МТС «весной 1933 года 1300 человек умерло...»

Было это или не было?!

Я вот к чему. Дважды на протяжении трех съездов совсем уже нового парламента мы с Иваром Райгом, народным депутатом от Эстонии и секретарем Комитета по аграрным вопросам Верховного Совета, доводили до трибуны сдержанно, на наш взгляд, написанную декларацию о признании сталинской коллективизации преступлением перед человечностью — и торжественным заверением, что больше эти злодеяния ни-ког-да не повторятся. Отречение, так сказать. Отряхивание преступного праха с ног. Раз выселения народов признаны злодейством и формула «никогда больше» произнесена, то как не оценить прямой бандитизм и расправу над всеми народами, только в крестьянской их части?

Не пойму механики, как наша декларация — извинения за коллективизацию, что ли,— так и не прошла. Мне удалось сказать с трибуны Верховного Совета, что 70 процентов сельских жителей верят в возможность нового раскулачивания и больше трети партгосаппарата «на местах» не сомневается в повторении мер тридцатых годов. А это значит, что люди считают людоедские приемы вождей ВКП(б) генетически, наследственно присущими режиму — и необходимо, значит, или громогласно отречься, клятвенно обещать уважать жизнь-имущество, или...

— Преступление против человечности, — предупреждающе покачал головой один очень большой чиновник.— А ты знаешь, что это подходит под определение геноцида? Партия — и геноцид?! Ты подумай...

Я одно хочу знать: было или не было?..

Люди председательского корпуса, сами теперь иронически называющие себя то «феодалами», то «помещиками», в Верховном Совете держатся нескольких зыбких позиций: дескать, да, отчасти оно и было, но муссировать и тем более акцентировать нельзя и вредно, потому что теперь совсем не те колхозы, от сталинской принудиловки сохранилось одно название, а жить с головой, повернутой назад, может или калека, или, напротив, враг, который не хочет разрешения проблем и выполнения Продовольственной программы.

Вот! На вопрос «было или не было?» тебе все-таки врежут: «Враг»!

В месяц, когда смерть косила в станицах, в украинских селах, в казахских зимовьях миллионы людей, Сталин выступает с речью «О работе в деревне» (11 января 1933 года), где со всей прямотой (или цинизмом, как угодно) объявляет, что власть в колхозе уже принадлежит не колхозникам, не их собранию, не ими выбранным, но — «партии», то есть послушному аппарату. Наверно, по первости это ошеломляло.

«Пока в деревне преобладал единоличный хозяин... единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве... Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь: «колхоз мой и не мой... колхоз общий».

...центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза.

...партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами.

...коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне... Крестьяне тут ни при чем... Мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами, и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне».

Так выглядел манифест о порабощении вольных российских землепашцев, просуществовавших как реальность неполных десять лет. Думается, эта же речь определяет точки, когда Сталин повернул свою партию (точней аппарат, «орден меченосцев») в то аграрное ущелье, из которого ВКП(б) — КПСС — в прежнем состоянии, монопольной, не делящей власти ни с кем — выйти так и не смогла. И не по ошибке того или другого вожатого, а потому, что совмещение политического диктата с хозяйственным тоталитаризмом, гибрид агронома с прокурором, скрещение бургомистра с агентом охранки, смычка полной вседозволенности и безответственности с реальной и все-таки точной суммой тонн, нужных на прокорм городов и армии, были гибельны, «ловушечны», «капканны» с самого начала. «Военный коммунизм» только отнимал хлеб, предоставляя крестьянину свободу пахать-сеять на переделенной земле, поэтому в период гражданской войны урожайность практически не упала. Семен же Давыдов сразу стал учить пахать — и это уже, да, генетика: иначе аппарат не может. Никита Сергеевич попробовал передать команду вновь изобретенной опричнине — «территориальным управлениям», и что? Несколько месяцев безалаберщины вернули все на круги своя. Серединности, половинчатости система не терпит...

Мог ли Сталин поступить иначе — ну, скажем, по планам Бухарина? Пойти на закупки хлеба за границей, истратив 100 миллионов валюты (просто плевая сумма по нынешним импортным тратам)? И могла ли его клика сделать иные колхозы, без расстрелов, выселений, голода? Нет и нет. Так что же — обреченность? Напротив — диалектика. И — «поделом вору мука».

ЗАМЕТЬТЕ: ни слова пока о багажнике председателя. Ни звука про яства и пития, ранние овощи и белую черешню, про ящики с виноградом «кардинал», фиолетовым, как мантия ватиканца, и просто про шашлык над старым прудом.

Но фактический ущерб от развозимого председательской «Волгой», фургоном главного инженера, старым «уазиком» зоотехника и т. д. не входит в сравнение с ущербом от гримас и деформаций экономики, которую можно бы выразить понятием «борьба за...». С кем аппарат организует эту борьбу? Борьбу за хлеб, за ипатовский метод, за раскорчевку виноградников, за аренду и подряд?.. Да с председателем в первую голову! «Ломать рога враз и навсегда» — формула можаевского Мотякова действует и последние пятилетки. И выгоднее было бы (страшно и сказать такое!) откупаться и возить багажниками сколько надо, но зато уже не «бороться за...». В сущности, партгосаппарат старается отрегулировать температуру у искусственного человека до того состояния, чтобы тот и в жару не метался, и не холодел, синея.

«Хорошо, а там, где кофе в топках сжигали, по-вашему, не воруют? Что, у фермеров — без хищений? Ни фига вы не видели и не знаете...»

Знать я знаю, естественно, мало, но довольно, чтобы сделать из личного опыта заключение, что — да! — тяжба, взаимное обжуливание между крестьянином и правительством есть вещь, наверное, повсеместная, на то и щука в море, чтобы карась не дремал, а что до воровства, то оно перестает (перестало?) быть натуральным, вещным, так сказать, и сосредоточивается все больше вокруг товара товаров. Мне думается, Интерпол давно не получал заявлений на розыск, скажем, трейлера с яблоками или свежими томатами, вышедшего из области Эмилия — Романья (Италия) и исчезнувшего где-то в Норвегии. Стража при продовольственных базах бодрствует, хотя не думаю, что целые кварталы, переулки (на манер Краснодара) покупают мясо у комбинатских несунов.

Надо, чтобы у колхоза не воровали. Только и всего!

Но это все равно, что сказать врачу: сделайте, чтобы столбик ртути у тяжелобольного показывал тридцать шесть с половиной градусов. Достичь этого можно или встряхиванием-натиранием термометра (в чем партократия большая мастерица), или более сложным путем, для которого нужны свежий воздух, куриный бульон, ласковый уход, окно в сад, хорошие лекарства, стерильность всего, в том числе и «утки», знающие и оснащенные супертехникой врачи и т. д. Колхоз, из которого не тащат, где не «грабят награбленное», есть — по В. А. Тихонову — сумма добровольно сложенных владений и имений крестьян, где каждый может по своему желанию унести сразу все свое. Выйти, одним словом, получить свой пай в полное распоряжение. Именно эта формула, звучавшая никак не меньше десятка раз в баталиях вокруг Закона о земле и, конечно, «забоданная» гневным председательским большинством, гарантирует не-воровство, ибо тащить становится незачем.

...А Кузьмичева из «Зыбина» выставили. Срочно и оперативно. Райком Ясногорский, бросив все на свете, налег всем аппаратом, озадачил кадры, не брезговал ничем, а тут и «Правда» подсобила («Сегодня сотни Кузьмичевых рвутся к власти»!). Недовольных доярок возили на черных «Волгах» столько, что, казалось, демократия уже воцарилась и в тульских палестинах. «Кузьмичев раздает совхоз! Никакой дисциплины, надой упал — кругом одни кооператоры». Директора не выбрали: 119 «за» — 121 «против». Конец еще одной известности.

В доказательство кристальной честности свергших Кузьмичева... Доярка Клименко Н. С., лидер народного контроля в племзаводе и трибун-обличитель реформ, унесла ночью с фермы 20 килограммов комбикорма, была задержана и уже не избрана на райпартконференцию. (Кажется, будет суд. Коллектив вступится, не бросит ведь...) Все путем, всем есть дело. Левиафан обрел свой статус-кво... Совхозные активисты отменили «зону трезвости» — теперь водка поступит и в «Зыбино». Служивый люд вернулся в контору (а то «Известия» порадовались вместе с Кузьмичевым статьей «Прощай, контора»!) — и она снова стала местом надзора, догляда, раздачи наказаний и наград, комендатурой совхозных будней... Райкому снова есть дело на территории «Зыбина», еще одна атака на власть отбита.

Провал интересного опыта... Причина? Должна же быть причина, если партаппарат попер и против всесоюзной известности, и против поддержки в Политбюро? Мне судить трудно: я был целиком на стороне сорокалетнего директора-бунтаря. И все же...

Кузьмичев недоучел силы райкома как организма смертного боя за власть на всех уровнях, не прощающего ни малейшего покушения на свою монополию. Был слишком брезглив, что ли, не хотел прибегать, подобно оппонентам, к любым средствам и способам, отстаивая свои взгляды.

— ...У нас не воруют! Ко мне приезжай, — говорит Магомед. — Мы людей освободили от найма. Они что вырастят — продают. У нас люди уже шесть лет свободны, они собственники, как они воровать будут?

Магомед Чертаев — председатель колхоза из-под Махачкалы. Приехал в аграрный комитет Верховного Совета с обидой российского изобретателя паровоза, которого вот-вот обскачет Стефенсон, требует должного внимания, потому что...

— ...насколько плохо — все знают! Беда, что мы не знаем, как хорошо. Наш колхоз — уже настоящий банк, и все мы акционеры: человек имеет свой пай, получает дивиденды от прибыли этого года, а что его дедом было вложено или заработано, тоже учтено, сумма собственности — за ним, всегда может свой пай взять, но кто ему выплатит такие проценты?! Если я не обеспечу пять процентов годовых, я должен буду колхозникам выплатить из своего кармана! Условие такое: мы заместителя председателя наказали на восемьдесят четыре тысячи — выплачивает... Какие сторожа, от кого? Нечего растаскивать! Мы свой социализм строили чужими руками, отсюда сторожа, жандармы, а при нашей системе нет воровства. Приезжай, увидишь...

Придется ехать. В России не соскучишься.

Май, 1990 г.

ПАЛАТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ФЕДЕРАЦИЯ? КОНФЕДЕРАЦИЯ? СОДРУЖЕСТВО? СООБЩЕСТВО...

Заметки с заседания Клуба народных депутатов

В конце апреля под председательством Ф. Бурлацкого состоялось заседание Клуба народных депутатов СССР, на котором обсуждался вопрос о будущем нашей федерации.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.

Союз нерушимый... Не получилось нерушимого Союза. Нынче это уже всем ясно — не только из-за резкой Декларации о выходе Литвы, но из-за общего роста, как принято говорить, центробежных настроений.

Что же случилось? Что такого страшного обнаружилось в Союзе, что для многих превратило его в чуждый, нежеланный берег, от которого они стремятся оттолкнуть свой челн?

Ясно, что во многом нынешние центробежные силы — острая реакция на прошлую бездарную политику в отношении наций, когда в республиках, расположенных едва ли не на противоположных концах земли, с совершенно различной историей, обычаями, нравами, традициями, укладом, насаждались одинаковые стандартизованные порядки, подкрепляемые глубокомысленными теориями о неизбежном и скором слиянии наций.

Как быть? Что делать? Посмотреть окрест — как люди живут. Первое же дело — оглянуться назад, на свое прошлое.

Сызмальства мы усвоили, что дооктябрьская Россия была тюрьмой народов. Эта категоричная теза мешала присмотреться: а может, есть в этом тюремном сооружении что-то такое, что и нам в нашем вольном доме неплохо бы иметь? В самом деле, как так получилось, что Российская империя смогла объединить не только славянские и не только христианские народы и государства, но и народы других преимущественных вероисповеданий, государства, которые существовали не века — тысячелетия! Видимо, главную роль играла широта подхода, гибкость и многообразие форм при устройстве отношений с другими народами. В Финляндии, входившей, как известно, в Россию, сохранялся парламент, в Польше, также составлявшей ее часть, — сейм, в Бухаре же и вовсе сидел эмир Бухарский.

«Мы же все время стараемся вывести какой-то один-единственный закон, подобный ньютоновскому закону всемирного тяготения, и распространить его на все народы, надеясь, что он всех сплотит,— говорит Д. Кугультинов.— На самом деле как все люди разные, так и все народы разные. Надо искать не общую для всех формулу, а для каждого пытаться найти особый ключ. Единой формулы нет»

О ГОРЕСТЯХ и бедах различных народов можно много говорить. Да и говорится. Вместе с тем нынче у всех ощущение некоторой чрезмерности, преувеличение всего, что связано с понятием «нация» и что вовсе не вытекает из реальных жизненных проблем. Нация, нация, нация... Нация — превыше всего! Полно, превыше ли? Видно ведь уже: это очередной перехлест. Как был когда-то перехлест с классами.

Надо признаться, во многое, что сопряжено со словом «нация», мы внесли безнадежную путаницу. Сама формула «право наций на самоопределение» понимается по-разному. Если следовать ей буквально и при этом подразумевать под нацией некую этническую общность, в будущем нас ожидает великая чересполосица. Каждая нация — и большая, и малая — вроде бы вправе выгородить свой огород, отделиться границей-межой от соседей.

Ясно, что на деле безумие это нереализуемо: большинство народов со времен вавилонского столпотворения на грешной земле перемешано. Границы придется проводить не то что по окраинам городов и сел, а по контурам квартир, кое-где и квартиры даже делить на части. Тем не менее стремление во что бы то ни стало осуществить это «право наций», мы видим, действует, усиливается, порождая все больше и больше распрей.

Во всем мире под правом наций на самоопределение имеется в виду иное — соответствующее право гражданских, а не этнических сообществ. Именно так образовалось большинство современных государств. Взять французов — они ведь не были этнически однородными. В их составе до сих пор есть и бретонцы, и эльзасцы, и корсиканцы. Тем не менее — Франция, французы. В любой стране Латинской Америки — индейцы, потомки испанцев, португальцев, африканских негров. В Африке, как известно, сотни этнических сообществ, но самоопределялись опять-таки не они, а в основном гражданские сообщества. Гражданское сообщество и подразумевается во всем мире под словом «нации», чему свидетельство само название Организации Объединенных Наций.

Директор Института этнографии В. Тишков, говоривший об этом на заседании депутатского клуба, тезис о праве наций на самоопределение (подразумевая под нацией этническое сообщество) назвал величайшим заблуждением социалистической мысли XIX века, распространенным на век XX. Это заблуждение загнало нас в нынешний тупик. Мы сами себя загнали.

НАКОНЕЦ произошло еще одно смещение сознания: главная причина обострения национальной проблемы, как ни странно по-видимому, вовсе не лежит в плоскости национальных отношений; причина — тоталитарная система, которая угнетала всех. Все от нее оказались в проигрыше, все оказались у разбитого корыта, и все теперь обвиняют друг друга.

«Принято считать, что в основе нашего Союза лежат два главных фактора— экономическая необходимость и коллективная безопасность, — сказала Л. Арутюнян. — И то, и другое сейчас под сомнением. Все народы говорят, что их грабят, но что удивительно — при этом нет никого, кто обогащался бы. Это поразительный феномен. Никто не знает, куда что уходит. Что касается коллективной безопасности, Союз не обеспечивает и ее. Более того, он может стимулировать опасность. Свидетельство тому — война, идущая сейчас между Арменией и Азербайджаном».

Союз не обеспечивает коллективной безопасности... Всерьез ли сказано! Что ж, давайте рассыплемся, как бывало, на отдельные царства и княжества, начнем все с нуля со времен Чингисхана. Когда-нибудь, через столетия, осознаем необходимость снова прибиться друг к другу. А после опять... Прочертим этакую историческую синусоиду... Если выживем, конечно, под свистом атомных копий и стрел.

«У России был уже опыт, когда отдельные княжества разделились, — напомнил М. Бочаров. — И мы знаем, чем это кончилось — тремя веками рабства. Такой эксперимент в российской истории имеется. Наверное не надо забывать историю».

Д. Кугультинов напомнил, как пришел в Россию его народ — калмыки попросил убежища, защищал ее южные границы и сам был защищаем. Хорошо было бы, если б и о других народах историки напомнили — как произошло чье присоединение, прописали бы все честно и объективно, без заведомого соцзаказа, диктующего непременно представить, что все было чинно и благородно. Надо нам это нынче знать.

Конечно, сейчас совсем другое время но безопасность — это ведь дело такое... Не стоит подходить к нему легкомысленно. Только-только начинаем разгребать горы ракет и танков, и вот уже полная беспечность.

Что касается экономической необходимости... Тут сложнее всего найти возражения. Так и так нищие. Вместе нищие и врозь. Все ж таки теплится надежда, что когда-нибудь воз сдвинется с места, кончится болтовня и начнется дело. Что в конце концов хватит духу оттолкнуться от болотистого трясинного берега и пуститься в плавание в поисках настоящей тверди. Вот тогда-то и понадобится нам единство. Как-никак экономически страна сооружалась как единое целое — в надежде, что этот самый Союз нерушимый будет существовать вечно. Принципы постройки нам со школы известны: специализация и кооперация. И что же теперь? Как узбеки собираются отдельно благоденствовать со своей хлопковой специализацией, а молдаване — с помидорной?

Нам говорят — особенно настойчиво литовцы говорят, — что экономические связи после отделения останутся нерушимыми. Полно, и сейчас-то, в рамках одной-единой державы, снабженческое дело — верх бестолковости и разгильдяйства. А что же будет, если на снабженческих путях еще воздвигнуть таможенные будки? Следуя велению разума, надо, наверное, все наоборот — сначала отладить, как часы, общий экономический механизм, а уж после, если будет желание, проводить эксперименты по его разборке и разнесению отдельных частей по разным углам, с тем, однако, чтобы он продолжал при этом безостановочно работать.

БЕССПОРНО одно: жажда разделения говорит о неудовлетворенности состоянием нашего Союза. Как говаривал незабвенный классик — чего же мы хотим?

Любимое наше занятие — подражание факиру, заклинателю змей. Мы придумываем какую-нибудь словесную формулу и принимаемся играть на дудочке в детской надежде, что она нам изобразит что-нибудь этакое чудесное, о чем мы и сами не догадываемся. Надо наполнить понятие «федерация» новым содержанием. Верно, но как влить новое вино в старые мехи?

«Безупречна ли форма федерации?— спрашивала на заседании депутатского клуба К. Хаппик. — У меня все больше укрепляется убеждение, что она нежизнеспособна. Государство, отдельные части которого обладают столь большими различиями, в прежней, федеративной форме может удержаться только в условиях тоталитарного режима. Даже авторитарные формы правления уже не могут удержать эту систему»

Что же другое, если не федерация? Дальше по степени ослабления власти центра и усиления роли отдельных частей идут конфедерация, содружество, сообщество. На чем остановиться? Наверное, нет ничего глупее, как ткнуть пальцем во что-то одно и сказать «Давайте строить это». Мы уже совершили однажды историческую ошибку, наметив постройку социализма по определенным планам и чертежам.

Надо спросить людей, чего они хотят, и посмотреть, куда клонит жизнь. Постараться отследить здоровые тенденции от безнадежно гнилостных (не следовать же, например, кликушеским призывам соорудить некий симбиоз из сталинского социализма и «самобытной» лапотной Руси!).

При этом, разумеется, хорошо бы все-таки иметь какой-то конечный ориентир, который виделся бы хоть бы вдалеке, хоть бы в тумане, чтобы не доверяться одному только блужданию в хитроумном лабиринте противоречивой жизни по методу «проб и ошибок». На депутатском клубе называлось несколько таких ориентиров. Первый из них — замрите идеологические охранители! — это модель США. Андрей Дмитриевич Сахаров, как известно, не однажды обращался к этому примеру и мечтал — в той или иной форме — перенести эту модель на нашу почву. Устройство соблазнительное: разделили страну на равные штаты, предоставили им равные права, оставили центру то, что не мешает жить каждому штату в отдельности, и — все довольны. Конечно, механически перенести эту модель в наши условия невозможно — у нас ведь не штаты, а самостоятельные государства, — но некоторые принципы перенять все-таки, наверное, можно.

Другой возможный ориентир — Югославия. Правда, если два года назад это был пример только лишь привлекательный, сейчас еще — предостерегающий: на опыте Югославии хорошо видно, к чему может привести предоставление отдельным республикам огромных прав без предварительной поломки командно-административной системы.

ОДНАКО большинство участников депутатского клуба наиболее привлекательным ориентиром на будущее назвали модель Европейского экономического сообщества.

Конечно, модель ЕЭС — это ориентир отдаленный. Упаси нас боже торжественно провозглашать, что эта модель будет воздвигнута к такому-то году или что вообще нынешнее поколение советских людей будет жить при... Мы ведь знаем, как надсадно тяжело складывался «Общий рынок» (помните, как злорадствовали мы по этому поводу!). Это при том, что страны «Общего рынка» куда как далеко ушли от нас и по уровню экономики, и по уровню культуры — вообще по уровню цивилизованности.

Особенно ценно, что ЕЭС дает желающим поучиться не только некую структурную модель, но и модель последовательного присоединения к ней государств различной степени развития, в виде так называемых ассоциированных членов или как-то еще. К сожалению, у нас почти нет работ, в которых содержался бы дельный анализ устройства этой организации, ее более чем тридцатилетней истории, зато навалом статей, диссертаций, монографий, набитых «научной» критикой ее: вот, дескать, яркий пример последней стадии загнивания капитализма.

Наконец, что важно, модель ЕЭС способна к эволюции, это не какая-то окостенелая структура. Экономическое сближение входящих в него стран сопровождается, как известно, сближением политическим. В одном из своих выступлений во время недавней поездки по Уралу М. С. Горбачев привел обращенные к нему слова бывшего французского президента Жискар д'Эстена: «Скоро вы будете иметь дело с Федерацией Европы». Что ж, может быть, в таком случае и мы наконец яснее станем представлять, каким содержанием следует наполнить это понятие — «федерация», если все же решим сохранить именно эту форму Союза.

Олег МОРОЗ

По тревоге

Фото В. БОГДАНОВА

Отверженные

БОЛЬНОЙ ВОПРОС: БЕЖЕНЦЫ

Лидия ГРАФОВА

НАДОЕЛО, понимаю, читать о беженцах. Человек ко всему привыкает, с особенной легкостью — к чужому несчастью. «Что-то ужасное там с ними происходит, но я при чем? — думает читатель. — Своих бед хватает. А о беженцах пусть позаботится правительство». Не знаю, что себе думает правительство, но, судя по тому, что оно делает с беженцами, позиция у него такая же, как и у любого обывателя: «А я при чем?»

Чем больше погружаюсь в эту страшную пучину под названием «проблема беженцев», тем очевидней становится: здесь (на крови!) происходит великий обман. С января судьба тысяч обездоленных людей висит на волоске напрасных иллюзий, которые теперь, к маю, растаяли вместе со снегом окончательно.

Значит, что получилось? Когда бежали они от погромов голые или с одним чемоданом, их встречали в разных городах России слезами сочувствия. Как же не приютить? Правительство издало тогда первое постановление о помощи бакинским беженцам: временно расселить в пансионатах, домах отдыха и пионерлагерях. Благо был не сезон и этот добрый жест никого особо не ущемил. Вскоре вышло еще одно постановление: выдать сто рублей пособия каждому, на двести рублей отоварить талоны «особо нуждающимся» (по какому критерию — до сих пор неизвестно) и трудоустроить всех по специальности. С предоставлением жилья! Если это обещание не легкомыслие, то просто издевка!

И вот, наконец, третье постановление. Оно столь же нереальное, как предыдущее, зато сурово указующее: очистить здравницы! И почему-то речь идет только о выселении беженцев, «временно находящихся в Москве и Московской области», будто детям, допустим, Рязанской или Орловской областей пионерлагеря к лету не понадобятся. О трудоустройстве «по специальности» уже и речи нет. Теперь без демагогии сказано: «обеспечить трудоустройство... с тем, что бы до 15 мая освободить...» «С тем», значит, их трудоустроить, чтобы нам для отдыха места дать? Куда девать не поддающихся трудоустройству недвижных больных, одиноких стариков, матерей с малыми детьми — ни слова.

«...глубоко потрясены содержанием Постановления Совмина СССР от 7 апреля с. г. Верим в Вашу личную честность, Николай Иванович, и потому убеждены, что этот документ, по сути, обрекающий нас разделить судьбу бомжей, мог родиться только в результате искусных происков сил, заинтересованных в том, чтобы сделать из беженцев взрывоопасный материал».

Письмо это за сотнями подписей «надежные люди» (конечно же, народные депутаты СССР) обещали вручить (а может, уже и вручили) «лично в руки» Н. И. Рыжкову. Путь от «низов» к правительству стал сегодня совсем коротким. Ну и что? Может ли глава правительства «решить судьбу», то есть дать работу и квартиру, равноценную потерянной, хоть одного-единственного беженца?

Где она пустует, эта квартира?

Но куда ж им исчезнуть, незваным гостям, которым показали на дверь? «Что будет дальше, после 15 мая?» — с тревогой спрашивали исполкомовские работники разных областей, съехавшиеся в Совмин РСФСР на совещание. Ответ зампреда Совмина Л. А. Горшкова (он возглавляет российскую комиссию по работе с беженцами) был лаконичен: «Что дальше? А дальше — все!» Понимай, как хочешь. Я разговаривала накануне с Леонидом Александровичем и поняла: да ведь он, зампред, сам не знает, что делать, как решать «тупиковую проблему».

Госкомтруд России в последние месяцы ничем, кроме беженцев, не занимается. А толку? Сколько сил тратит председатель Госкомтруда А. И. Блохин на беседы с беженцами и с министерствами, и с предприятиями, вымаливая милость к беженцам, а не смог вот, хоть и обещал нашей газете, даже временно расселить исстрадавшихся постояльцев Арминского постпредства. (Да, уже четвертый месяц триста человек спят там на полу!)

Недавно пришел к Блохину один из них — рабочий-ветеран, сорок лет трудившийся на одном заводе, попросился жить в Калининград. В Баку он имел прекрасную квартиру с балконом и галереей, где жил с рождения, а теперь вот ему сообщает прокурор, что квартира занята неким Гасановым «согласно полученному ордеру». Это по каким законам квартира с недвижимостью, заработанной семьей за жизнь нескольких поколений, переходит новому владельцу? Кто и где выдает ордера на захват чужой жизни?

Что мог ответить Блохин? Заплакать что ли вместе с этим заслуженным ветераном над его горемычной судьбой? Не предлагать же ему дом престарелых! А квартиру пенсионеру кто даст или даже продаст? «Ах, ветераны никому не нужны! — вспылил тот. — Не верю! Никому нам не верю! Будьте вы все прокляты!» И это не самое обидное, что он успел высказать.

Недавно ко мне в постпредстве подошел угрюмый мужчина и сказал: «Кажется, «Литературка» не знает, как лучше потратить свои 100 тысяч, пожертвованных беженцам? Так вот купите нам на эти деньги оружие — терять нам больше нечего...»

Оружия у них нет, москвичи могут не волноваться. Только вот ветеран с седой бородкой собирается объявить голодовку.

«ЧТОБЫ сделать из беженцев взрывоопасный материал...» Чьи ж это «искусные происки»? Кто этот талантливый всемогущий мафиози, планирующий погромы от Азербайджана до Подмосковья? Недавно в правительство пришла депеша от Краснодарского крайисполкома: разгрузите нас от беженцев! В крае такое столпотворение, что возможны вспышки на национальной почве. И Ставропольский край и Ростовская область вот-вот застонут. Отсюда идут отклики на статьи о беженцах, полные черной ненависти к «инородцам» и проклятий корреспонденту, посмевшему «продавать ни за грош лучшие места земли русской». «Настало время думать о себе!» — грозно напоминает меня читательница Н. Защита бесправных беженцев представляется ей коварным посягательством на ее права. И как не понять эту бедную женщину? У нее брат-афганец живут в коммуналке, ждут очереди.

Все так просто, что никаких дьявольщины искать не нужно. Не искусные происки лежат в основе того избыла уготившего беженцев постановления, а наоборот, грубое допотопное «авось». Правительство тянет, не решает судьбу беженцев в надежде на авось: «тупиковая проблема» как-то рассосется сама собой. Посмотрите, с каких благодушных мечтаний начинается текст постановления от 7 апреля с. г.: «Всемерно содействовать добровольному возвращению в места постоянного проживания...»

Ах, как было бы хорошо и уютно: беженцы-азербайджанцы уезжают в свои родные села в Армении, бездомные бакинцы, как русские, так и армяне, — в любимый свой город. Все на домах, все счастливы... Но вот же — «нюансы». У некоторых азербайджанцев дома в Армении сожжены, им просто некуда возвращаться. Отчаянных армян, рискнувших сейчас прилететь в Баку, прямо в аэропорту встречают официальные лица: лучше вам в городе не появляться, а сразу улетать назад. Доброжелательно так предупреждают и даже деньги на обратный билет дают. Что касается русских, то их в Баку зовут, ждут: квартиры их сохраняют, но когда выходит вернувшийся на работу, ему могут устроить товарищеский суд за бегство, а потом уволить. Я слышала не одну такую историю.

С другой стороны, знаю, что из Москвы уже 811 беженцев вернулись в Баку. А более 200 тысяч русских вообще не выезжали. Так что грех заражать их страхом. Но такой же грех подталкивать к возвращению тех, кто об этом и слышать не хочет.

Зампред Рязанского облисполкома А. И. Суменков рассказывал мне: «Я говорю им: лучше, чем дома, вам нигде не будет. А они в ответ: хорошо, мы вернемся, но наша безопасность будет на вашей совести. Знаете, я испугался. Да если они в Баку пострадают после ухода войск, я же в жизни себе не прощу...»

Почему так не рассуждает правительство?

«Спрятали нас в лесу и забыли», — жаловались беженцы, когда в начале апреля мне довелось вместе с народными депутатами РСФСР и Орденом милосердия имени А. Д. Сахарова побывать в нескольких подмосковных пансионатах. Судя по совещаниям в Госкомтруде СССР, чуть ли не во всех союзных министерствах кипела работа по индивидуальному трудоустройству беженцев, а к ним в лес лучи этой горячей заботы почему-то не пробивались. Неужели начальник управления миграции и переселения граждан П. С. Рудев не мог сразу же объяснить правительству, что обещанных мест с жильем в природе не существует? Да вроде бы объяснял. Госкомтруд СССР даже представлял (еще в начале года!) проект статуса вынужденных мигрантов. Хорош он или плох, но его спокойно положили под сукно.

Вот и топчутся два Госкомтруда, союзный и российский, в тупике. Просвета не видно. Конечно же, без закона, за ради Христа решать судьбы тысяч (сегодня уже полмиллиона беженцев в стране, а завтра?) — значит в темные, опасные игры с человеческим горем играть. Куда нравственней было бы развести руками и признать: простите, уважаемые товарищи, помочь вам государство сейчас не может! Да П. С. Рудев нечто подобное и сделал, но слишком поздно. После того совещания в Совмине, где было заявлено, что «дальше все», я слышала, как он объяснял беженцам: «И правда, Госкомтруд мог только выпускать лишний пар. А не займи мы вас хотя бы получением той же треклятой сотни (это надо было множество очередей пройти, уйму унижений вытерпеть. — Л. Г.), вы бы только и делали, что стояли пикетами на Красной площади».

Вот какая утонченная мудрость! А мы все недовольны: волокита, бюрократия. Да это ж родное государство

ОКОНЧАНИЕ НА 14-й СТР.

В КОНЦЕ НОМЕРА

Не хочу жить на пьедестале

В Париже, у Françoise Саган

О «ШАЛОСТЯХ» Françoise Саган в Париже много говорят. То она вдруг выходит босиком на улицу, то в безумно дорогой машине гонят со скоростью двести, то она «алкоголичка», то «наркоманка». Птичка певчая, шалунья...

Françoise мне очень понравилась. Своими естественными манерами, мгновенной реакцией, радушием. Началось с того, что она опоздала, и мы с переводчиком, журналистом Семеном Мирским, в течение часа томились в ее квартире, потягивая аперитив. Я все думал о том, как нам расположиться при разговоре, чтобы все записать на пленку. И когда с извинениями влетела в комнату хозяйка, я спросил, как же нам поудобнее сесть — на диван, на стулья, за стол? Françoise Саган мгновенно парировала: «Я виновата и готова сесть хоть к вам на колени!» Пассаж неожиданный, зато мы сразу почувствовали себя раскованными. И мне еще сильнее захотелось говорить с писательницей не только о литературе, но и о том, как создаются идолы, земные боги, «суперстары» XX века. Да и шутка ли, уже много лет ее книги не покидают списки бестселлеров. И сегодня они расходятся гигантским для Франции тиражом в двести — триста тысяч экземпляров. Прямо-таки какая-то советская раскупаемость, наш родной книжный ажиотаж. Впрочем, я сам убедился в большой популярности у нас ее имени. С этого я и начал разговор.

— Мадам Саган, примите поздравления, вы так популярны в России. Готовясь к встрече, я стал искать ваши книги и не мог их найти в магазинах. — «Книги Саган бывают крайне редко», — бесстрастно ответили мне. Тогда я обратился к московским книжным коммерсантам и, к моему удивлению, услышал от них те же самые слова. «Плачу за книги Саган любые деньги», — в сердцах бросил я. «Позвоните через неделю». И впрямь через неделю мне вручили книгу «Немного солнца в холодной воде» и другие повести», только что вышедшую в издательстве Университета дружбы народов, и сборник современной французской новеллы, где среди прочих имен есть и ваше «Сколько я вам должен?» Ответ делового человека меня поразил: «Вместо двух книг Саган привезите из Франции хорошую Библию». Вот это успех: Саган — на Библию. Явные издержки атеистического воспитания!

Саган рассмеялась. Впрочем, о своей популярности у нас она прекрасно знает.

— А кстати, вы слышали о новом издании у нас ваших повестей?

— Нет, меня не известили, как обычно, впрочем. И я хочу раз уж мы заговорили об этом, возмутиться учреждением под названием ВААП. Мне известно, что тиражи моих книг в Советском Союзе не малы, но существуют ли у вас авторские права? По-видимому, их просто нет. Иначе где же те деньги, которые я должна была получить за свои книги? По моим романам у вас ставились театральные постановки, и я также ничего не получила. Ни копейки, ни франка.

Между прочим, деньги, полученные за издание моих книг в Польше, я перевела целиком на банковский счет «Солидарности». Мне не нужны деньги, но я хотела бы знать, как их можно использовать в Советском Союзе. Я, к примеру, могла бы перечислить гонорар в фонд чернобыльской катастрофы.

Я люблю русских, русский характер, я всегда с восторгом относилась к России. Моя бабушка со стороны отца была русская.

— Вот как! Неожиданно и приятно.

— Бабушка со стороны матери — француженка, но в принципе семья русского происхождения, родом из-под Ленинграда. В моем характере есть склонность к игре, и мне говорили, что в этом моя русскость.

Да, я люблю русскую литературу, русский пейзаж. Вообще русских.

— А не потому, что русские, Россия сейчас в моде?

— Ну что вы! Мне много раз предлагали поехать в Россию в составе различных групп, но я всегда отказывалась принимать участие в таких организованных поездках.

— Вам хотелось бы встретиться, поговорить, к примеру, с Михаилом Горбачевым?

— Я отношусь к нему с уважением и восхищением. Горбачев — выдающийся человек поколения, я бы даже сказала, столетия. Что бы ни произошло в будущем, именно Горбачев останется родоначальником происходящего сегодня процесса.

— В таком случае хочу вас спросить: как вы относитесь к политике?

— Я ждала долго, лет двадцать, а то и больше, прежде чем у меня появились политические мнения о происходящем, до этого мне было многое безразлично. Я слишком предавалась забавам, чтобы заниматься политикой. Первое мое увлечение политикой связано с алжирской войной, когда я стала по левую сторону баррикад. Я прятала у себя людей, за которыми охотились. Я подписалась под манифестом представителей французской интеллигенции в знак солидарности с фронтом спасения Алжира. И тогда террористы взорвали бомбу возле моего дома. Я же продолжала прятать французов, работавших вместе с алжирцами, раненых.

— Помните ли вы обращенное к вам через «Литературную газету» стихотворение советского поэта Роберта Рождественского «Париж. Françoise Саган»?

— Нет, не помню, оно до меня не дошло. О чем оно?

— Поэт, называя вас пророком, отмечая вашу сверхпопулярность среди молодежи, призывает вас переосмыслить свою позицию отстраненности от острых социальных проблем, отказаться от своей философии и повлиять на общественное мнение.

— Но я не верю, чтобы я как-то могла влиять на события.

— Однако ваши романы действительно проникают в души читателей, влияя на их сознание, на их поведение. Скажите, что сильнее воздействует на человека — литература или политика?

— Естественно, литература. Литература настоящая вечна, она останется навсегда. Все же остальное — временно, преходяще. Конечно, в обществе, где царит тирания, слово должно служить восстановлению демократии. Но в демократическом государстве отнюдь не обязательно заниматься политикой. Художника должно волновать искусство с эстетической точки зрения. Отражать в литературе то, что называется скандалом, необязательно. Когда Достоевский писал «Бесов», то он писал о каких-то действительно важных общественно-политических проблемах, существовавших в ту пору. Но он писал и «Идиота», в котором политика не играет доминирующей роли.

— Прошу Françoise Саган вспомнить (в который уже для нее раз!), как все начиналось, как написалась первая повесть, было ли писательство, литературная работа неожиданным для нее ремеслом.

— Тогда я училась в Сорбонне. Я провалила экзаменационную сессию и летом осталась с отцом в Париже. Чем заняться? И я решила что-то такое написать. К осени повесть была готова. Я сама отнесла рукопись к издателю, который быстро ее напечатал. Ну и все завертелось. Так что писателем я стала довольно неожиданно. Хотя с четырнадцати лет, когда начала читать Стендаля, Бальзака, великих русских писателей, я уже мечтала только об одном — о литературе. И тем не менее, повторяю, увидев свою вещь напечатанной, я была поражена.

— Самим фактом публикации?

— Да!

— А как реагировали читатели, критика?

— О, это интересно. Разразился гигантский скандал, потому что впервые в литературе девушка, которая занимается любовью с молодым парнем, не страдает и не оказывается беременной. Полагалось, что после этого она должна быть беременной и обязательно наказанной за свой грех. В книге же этого не произошло, вот и вышел скандал. Ведь в то время плотская любовь у нас в литературе считалась запрещенной. Удивительно, как меняются нравы, но сегодня в такой же степени она является обязательной.

— А могли бы вы написать роман об историческом герое, о конкретной личности?

— Вы знаете, у меня уже есть книга, в которой я обмениваюсь письмами с Сарой Бернар. Разумеется, это вымышленная переписка, тем не менее она основана на биографии великой актрисы. Когда пишешь исторический роман или биографию, тебя ограничивают какие-то факты, они сжимают пределы, рамки воображения и, кроме того, всегда находятся люди, которые скажут, что здесь это не так, а вот тут не эдак.

— Почему Сара Бернар?

— Бернар — одна из немногих знаменитых женщин, которая весело прожила свою жизнь и не закончила ее в бедности, в каком-то приюте для сирых.

— Как вы считаете, ваша жизнь сложилась удачно, вы счастливы?

— Да, я счастлива! Моя жизнь была счастливой. Вполне. Надо впрочем, постучать по дереву, чтобы не сглазить, ведь завтра пятница. Ну конечно, я была и на щите, и со щитом, всякое бывало. Ведь можно иметь тираж книги в полмиллиона, но влюбиться в какого-нибудь кретина и ужасно страдать.

— Хотелось ли бы вам стать членом Французской академии — стать «бессмертной»?

— Нет, мне предлагали, но я отказалась.

— Почему?

— Во-первых, все они старые, во-вторых, все они правые. И, кроме того, там нет ни одного писателя, которым я восхищаюсь. Нет и не было. Многие выдающиеся писатели Франции не состояли в академии. И мне туда не хочется. И потом, мои друзья считают меня человеком свободным, и если бы я вошла в академию, я их сильно разочаровала бы. Конечно, там можно получать большие деньги, можно пользоваться привилегиями. Если ты член Французской академии, то с тобой никто ничего не может сделать. Вы защищены во всем, даже полиция не смеет к вам подойти. Но... все равно не стоит.

— Вся Франция знает, что вы близки к Франсуа Миттерану. Что вы могли бы сказать о нем?

— Заслуга Миттерана как политического деятеля в том, что впервые за более чем полвека он сумел вернуть к власти левые силы. А Миттеран-человек — сплошное очарование. Его отличает чувство юмора, он любит людей, он впечатлительный, вдохновенный и вообще прекрасный человек.

— Как вы относитесь к мнению некоторых критиков, упрекающих вас в узости жизненных интересов, наблюдений?

— Да, вы правы: меня нередко упрекают в том, что фон моих романов — роскошные места обитания очень богатых людей, буржуа. Однажды я написала книгу, в которой действующими лицами были люди бедные. И те же критики начали писать, что, дескать, зачем она лезет не в свое дело.

— Герои почти всех ваших романов, как правило, совершают какие-то поступки, волевые движения, меняя жизнь, судьбу, биографию. А какие, простите, поступки вы сами совершили в жизни?

— Два или три раза я резко меняла свою жизнь. В первый раз я вышла замуж в двадцать два года и, когда однажды, придя домой, увидела мужа, читающего на диване газету, я сказала себе: «Что я наделала, неужели вот так и буду жить до конца своих дней с мужем, читающим газету?» Я упаковала чемоданы и ушла. Навсегда. Это был развод без сцен. Ради справедливости надо добавить, что мой поступок его не огорчил. Если бы я увидела его несчастным, может быть, не поступила бы так.

— А как насчет газетных легенд о наркотиках?

Я думал, Саган возмутится. Но ничего подобного не произошло. И в ответ услышал:

— О том, что я алкоголичка, здесь пишут уже двадцать лет. Но это неправда. Я пила вино, как все во Франции. Потом десять лет соблюдала сухой закон, ничего не пила. Ни грамма. Журналистам это мешало, им было нечего обо мне писать, и тогда они придумали, будто я наркоманка. Для Парижа это банальная история. Арестовали торговца кокаином. Я была одной из ста человек, которые купили у него какую-то дозу кокаина. И вот я уже стала морфинисткой, кокаинисткой и бог знает кем... Два раза всплывала эта история, в которой я обвинялась в нарушении закона, и вы знаете, оба раза — какая случайность! — это было тогда, когда Франсуа Миттеран баллотировался на выборах. Для того чтобы помешать Миттерану, крайне правая газета «Минют» обвинила меня во всех смертных грехах.

— Вы подавали на журналистов в суд?

— Да, их приговорили к денежному штрафу в десять тысяч франков.

Кстати, интервью она стала давать весьма редко — только в течение двух недель после выхода очередной книги, так нужно издательству.

— Если все время принимать журналистов, то кончишь тем, что будешь жить как на пьедестале.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Пять молодых поэтов — выпускники Литинститута имени А. М. Горького В. Степанцов и В. Пеленягрэ, кандидат экономических наук А. Добрынин, студент факультета журналистики МГУ Д. Быков и студент Литинститута К. Григорьев — решили объединиться, чтобы противопоставить свое творчество поэзии сложной, мета- и даже метаметафоричной, поэзии простой, откровенно публицистичной, а также поэзии классически серой. Свое сообщество они назвали Орденом куртуазных маньеристов — придумал В. Пеленягрэ. Как сказал Великий магистр ордена В. Степанцов, они не намерены замыкаться в узком кругу.

Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ,
архикардинал Ордена

Женщина у зеркала

Ах, кружевница, ах, шалунья, ах,
В прозрачных ослепительных чулках...
Пускай меня рассудок не оставит,
Когда она на цыпочках впотьмах
У зеркала мгновенно их поправит.

Так ты все видел? Ах, негодник... Ах!

На безответную любовь милорда Д***

Безумство, милорд!
Ваши клятвы — безумство!
Она никогда вам не будет верна;
Плевать ей хотелось на пылкое чувство.
Она никому ничего не должна.

Вы черпали силу в бездушных отказах
И гордо стояли на самом краю...
Какое светило вам небо в алмазах,
Когда на груди вы пригрели змею!

Ни слова, милорд!
Ей в грядущем отмстится.
А вам за безумства любовь суждена,
Когда вы спешите опять преклониться
Пред дамой, которая вам не верна!

Дмитрий БЫКОВ,
послушник

Фантазии на темы русской классики

Вы прелестны, особенно в синем своем сарафане,
Оттеняющем косу — тяжелую, цвета жнивья.
Вас равно обожают папаша,
прислуга, крестьяне
И смешливый соседский помещик, а именно я.

Как меня восхищает веселое ваше уменье
Наших чувств обоюдных
ни словом не выдать при всех!
Но мои каждодневные выезды в ваше именье
Возбуждают у сплетников зависть,
досаду и смех.

Впрочем, что мне насмешки соседей —
вольно им смеяться!
Ведь не для же вас вы пишете тайно
в конце-то концов!
Наше счастье, бесспорно,
давно бы могло состояться,
Но помехой всему несогласие наших отцов.

Эта распря
давнишняя пища для всех балагуров.
Ох, родители наши,
далась же им эта трава!
Да и тоже же ваш батюшка,
этот второй Троекуров,
Утверждает, что я бедокур и сорвиголова.

Ох, напрасно он будит до времени
спящую бурю!
Я не в силах смотреть равнодушно
на ваши черты
И однажды, представьте,
действительно наведокурю —
Усмехнется ли он подтверждению
своей правоты?

Как племянник мой!
В голубых небесах спозаранок
Розовеет заря,
как улыбка на ваших устах.
Все желают любви. Поселяне зовут поселянок
И провесело тискают их
в придорожных кустах.

Все желают любви.
Бьют побеги из почвы упругой.
И пока наши родичи делят
ведьмачью траву,
Я рыдаю над вашими письмами,
ссорюсь с прислугой,
И грызу кулаки,
и не знаю уже, как живу.

Нынче вечером
тайной тропой меж темнеющих пашен
Приходите к обрыву,
где старая ива грустит,
А отцовского гнева не бойтесь,
не так уж и страшен.
Убежим, обвенчаемся,
кинемся в ноги — простит.

Константэн ГРИГОРЬЕВ,
штандарт-юнкер Ордена

[redacted]

Прозрачный богомол
в саду осеннем грелит.
Сбылись мои мечты — я вами обладал.
И вот мы пьем вино...
Куда оно в вас лезет?
Я сам бы так не смог —
бокал, еще бокал!
Да, я теперь любим,
и вы мне говорите,
Как я похорошел...
А я ошеломлен.
Вы курите к тому ж?
О, сколь еще открытий
Готовите вы мне, прелестная Мадлон?

Два месяца назад вы скромницею были,
Куда там до вина и лунного огня!
И в толк я не возьму,
ужели близость в силе
В вас монстра разбудить и погубить меня?

Как мне унять ваш пыл?
Но что ж, я мудр и молод,
Я вышел на балкон и тихо с ветки снял
Охотника на птиц — большого богомола
И опустил его в хрустальный ваш бокал.

Вы замолчали, вы растерянно смотрели,
Как шевелится он... и вдруг вы, как дитя,
Заплакали... Мадлон!
Ну что вы, в самом деле,
Ведь я же пошутил...
ведь это я шутя!

Прижались вы ко мне,
я целовал вам руки,
И нежно утешал и думал: дуэля.
И чувствовал глаза, исполненные муки:
То богомол на нас глядел из хрусталя.

Вадим СТЕПАНЦОВ,
Великий магистр Ордена

Мольба к моей ручной мушке, заменяющей мне ловчего сокола

Мой предок, викинг красноорожий,
святому Невскому служил
и между дел сдирать одежи
с новгородских баб любил,

любил с посадской молодухой
забраться в чей-нибудь амбар,
любил и псу-театонцу в ухо
в честном бою влепить удар.

Но соколиную охоту
он отличал средь всех забав,
и был ему Кирюшка-сокол
любее брани и забав.

Итак, у предка был Кирюшка,
он с ним красноа зверя брал.
А у меня — ручная мушка,
ее в пивбаре я поймал.

Она садится, словно кречет,
на мой подъятый к небу перст
и взгляды сумрачные мечет
на все съедобное окрест.

То принесет мне пива кружку,
то сыру полтора кило.
Ах, мушка, дорогая мушка,
как мне с тобою повезло!
Я б почитал себя счастливцем
и жил бы — в ус себе не дул,
когда б в пяту моих амбиций
не вгрызся чувства тарантул.

Племен я дивною Недавой,
но... видит око — зуб неймет.
Она сквозь жизнь проходит павой
и на любовь мою плюет.

Да, ей плевать с высокой горки
на мой магистерский титул,
ведь я не Пушкин и не Горький,
не Михалков и не Катулл.

Злой ураган страстей раскокал
все лампы на моем пути...
Ты, моя мушка, — ловчий сокол,
лети, родимая, лети!

Лети скорей к жестокосердой,
она сейчас варенье ест
и лобызает морду смерда...
Лети скорей а ее подъезд!

Ворвись, как вихрь, в ее квартиру,
на смерда чайник опрокинь
и по лбу моего кумира
щипцами для орехов двинь,

чтоб кровь из рассеченной брови
текла по шее и груди!
Ты чашку маленькую крови
из этой ранки нацеди

и мне на стол, мой сокол милый,
поставь скорее эту кровь,
чтоб ею я с безумной силой
излил в стихах свою любовь.

Андрей ДОБРЫНИН,
Великий приор Ордена

[redacted]

Когда шофер откинет верх,
Я вдруг предстану вашим взорам
В автомобиле «дюзенберг»
С новейшим гоночным мотором.

Вас не обманывает взор:
В открытом белом лимузине —
Ваш давний нищий ухажер,
Тот неудачник и разиня.

В недальновидности себя
Теперь корите, чуть не плача;
Стеклом и никелем слепя,
Промчалась мимо вас удача

В тот лучезарный райский сад,
В те упоительные сферы,
Где разложенья сладкий яд
Красиво пьют миллионеры.

Шофер-мулат, мой верный Майк,
Придурковат, но симпатичен;
Мы оба курим «Лаки страйк»,
Поскольку я демократичен.

Я вновь задам ему вопрос:
Ты знал ли чувство, дурачина?
И скажет он: все бабы, босс,
Не стоят доброй стопки джина.

Главный редактор Ф. БУРЛАЦКИЙ
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Ю. ДРУНИНА, Ю. ЗАРЕЧКИН, В. КАРПОВ, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), А. ЛАТЫНИНА, В. МОЕВ (отв. секретарь), Ю. ПОРОЙКОВ (первый зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, С. СЕЛИВАНОВА, В. СОКОЛОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва К-54, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП-3, Москва К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

А — 00561 Номер подписан к печати 7/V 90 г. Типография «Литературной газеты». Москва, Ц., Цветной бульвар, 30

Зак. 350 ИНДЕКС 50067